

Гертруда
СМОЛА

ЛЮБОВЬ
ВОИТЕЛЬНИЦЫ

Гарем Бертрис Смолл (АСТ)

Бертрис Смолл
Любовь воительницы

«Издательство АСТ»

1983

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Любовь воительницы / Б. Смолл — «Издательство АСТ»,
1983 — (Гарем Бертрис Смолл (АСТ))

ISBN 978-5-17-106520-1

Царица Зенобия. Имя этой прославленной воительницы овеяно легендами, утверждающими, будто она была прямым потомком самой Клеопатры, которой не уступала ни очарованием, ни умом, ни отвагой, ни политическими амбициями... амбициями, которые и втравили ее, повелительницу Пальмиры, в войну с противником, не знавшим поражений и не выбиравшим способов достижения победы, – всемогущим имперским Римом. Однако Бертрис Смолл в своем романе ищет за легендами истину, а за маской политика и полководца – женщину. Прекрасную, страстную, тонко чувствовавшую женщину, всю жизнь любившую лишь одного человека – мужественного полководца, принадлежавшего к враждебным ей римлянам. Есть ли у этой любви хоть какие-то шансы на будущее? Время покажет...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-106520-1

© Смолл Б., 1983
© Издательство АСТ, 1983

Содержание

Пролог	6
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	28
Глава 3	51
Глава 4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Бертрис Смолл
Любовь воительницы
Роман

Bertrice Small

Beloved

© Bertrice Small, 1983

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Пролог

Ночь выдалась темная и душная – ни намек на ветерок. И ничто не колыхало листья величественных финиковых пальм. Небо усыпали яркие, как бриллианты, звезды, и вокруг установилась абсолютная тишина – словно само мироздание притихло в ожидании чуда. А на окраине Пальмиры, большого города-оазиса, стоял на отшибе дом знаменитого вождя воинов бедави¹, Забаая бен-Селима, и в том доме мучилась в родах женщина, пытавшаяся произвести на свет ребенка. Ее стройное белое тело, покрывшееся потом, то и дело напрягалось в родовых муках, но она терпела боль stoически, не издавала ни звука, ибо считала стоны и крики слабостью характера – ведь она покорила Забаая отнюдь не слабостью.

В полузабытии она вспоминала день, когда впервые встретила его. Он тогда по каким-то делам приехал в дом ее отца в Александрии и по ошибке зашел в сад на женской половине. Их взгляды встретились, и ее прелестные серо-голубые глаза широко распахнулись под пылким взором его черных глаз. Ее чарующие розовые губки чуть приоткрылись, а юные груди, вздымавшиеся от нахлынувших эмоций, каких она никогда раньше не испытывала, возбудили его страсть. Они тогда не обменялись ни единым словом. Он даже не спросил, как ее зовут, – просто нашел выход из сада, отыскал ее отца и попросил ее руки. Это было большой дерзостью с его стороны, ведь ее отец являлся не просто одним из богатейших людей Александрии, но еще и прямым потомком Клеопатры – последней великой царицы Египта.

По римскому обыкновению Симон Тит предоставил дочери свободу выбора. «Чего ты хочешь?» – спросил он. Она хотела Забаая бен-Селима, этого человека из пустыни с пронзительными черными глазами – мужчину с ястребиным взглядом, пленившего ее в один миг – и навсегда. И какое ей было дело до того, что он на двадцать два года старше, что у него уже имелась одна законная жена, а также несколько наложниц. И пусть даже ребенок, которого она ему подарит, займет второстепенное положение по линии наследования. Значение имела только ее любовь к этому мужчине, и потому Симон Тит, пусть неохотно, дал свое согласие.

Они поженились через месяц, и ей пришлось покинуть роскошный отцовский дом в Александрии и начать новую жизнь, где приходилось полгода кочевать по сирийским пустыням, а еще полгода жить в прекрасном городе Пальмире; таков был обычай бедави – проводить знойное лето в чудесной Пальмире.

Внезапно ужасная боль – гораздо более сильная, чем все, что было до этого, – пронзила все ее тело, и Ирис до боли прикусила губу. «Скоро все закончится, и дитя наконец родится», – сказала она себе.

– Тужься, Ирис, тужься... – говорила ей Тамар, старшая жена Забаая.

– Айййййии! – хором закричали остальные женщины, заметив младенца, показавшегося между ног роженицы.

– Я и тужусь... – пробурчала в ответ Ирис.

– А ты давай сильнее!.. – не давала ей снисхождения Тамар. – Ребенок вышел только наполовину. Ирис, ты должна еще постараться!

Стиснув зубы, Ирис отчаянно потужилась – и вдруг почувствовала, как что-то мокрое и теплое выскальзывает из нее, опустошая. И боль чудесным образом начала утихать.

Тамар тотчас подхватила ребенка, подняла вверх и объявила:

– Это девочка! – Она протянула младенца другой женщине, а затем снова толкнула Ирис на родильное ложе. – Ты должна немного отдохнуть, и только потом все закончится.

– Но я хочу увидеть свою дочь! – воскликнула Ирис.

¹ Бедави – кочевое племя. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Пусть Ребекка сначала смое с нее родильную кровь. Ох, ты всегда слишком нетерпелива, – проворчала Тамар, при этом прекрасно понимавшая, что чувствовала мать в подобных ситуациях.

Спустя несколько минут Ирис протерли губкой, смоченной в прохладной розовой воде, и одели в просторную белую рубашку, а новорожденную девочку, которая громко закричала, появившись на свет, аккуратно запеленали и передали в руки матери.

Тамар взглянула на остальных женщин и приказала:

– Позовите господина Забаая! – Как старшей жене, ей все повиновались, и все относились к ней с уважением. Ведь именно ее сыну Акбару предстояло однажды стать во главе племени.

Внимательно посмотрев на Ирис, Тамар подумала: «Нет ничего удивительного в том, что Забаай ее полюбил. Она прекрасна со своей молочно-белой кожей, пепельными волосами и серо-голубыми глазами. Совсем не такая, как все мы...» И ведь эту женщину Забаай не просто любил – он с ней еще и разговаривал!

Минуту спустя Забаай вошел в комнату. Это был мужчина среднего роста и крепкого сложения, с сияющими темными глазами, с темной бородой и волосами, совершенно не тронутыми сединой, несмотря на сорок три прожитых им зимы. Его красивое лицо было словно высечено искусным скульптором – высокие скулы, ястребиный нос и крупные чувственные губы. Когда он вошел, все женщины, кроме Тамар и Ирис, опустили на колени. А он взглянул на двух своих жен, и взгляд его черных глаз смягчился; он любил их обеих – любил Тамар, женщину своей юности, и любил Ирис, утешение в старости. Остальные женщины давали ему разнообразие и случайное удовольствие, но лишь этих двух он ценил по-настоящему.

– Боги благословили тебя дочерью, мой господин, – сказала Тамар.

– Дочерью? – Забаай, казалось, удивился.

– Да, мой господин, дочерью.

Стоявшие на коленях женщины искоса поглядывали друг на друга – в своей зависти они с трудом скрывали злорадное ликование. У всех у них имелись сыновья, а лучшее, что смогла произвести на свет эта александрийская сучка, – это обычная девчонка. Они ожидали праведного гнева своего господина и надеялись, что он откажется от этой девки и прикажет выгнать ее вон, но вместо этого лицо их господина расплылось в улыбке, он радостно засмеялся и воскликнул:

– Ирис, о, Ирис! Ты опять поступила неожиданно и подарила мне то, чего до сих пор у меня не было! Ты подарила мне дочь! Благодарю тебя, моя прекрасная жена, благодарю!

Стоявшие на коленях женщины пришли в ужас. Хвалить роженицу за дочь?... Ведь все мужчины хотят сыновей – и чем больше, тем лучше. Как же так? Да и Забаай прежде хотел только мальчиков – он очень гордился своими тридцатью пятью сыновьями и даже помнил все их имена и возраст. Но самые проницательные из женщин поняли: великая любовь, которую их господин испытывал к Ирис, заранее прощала ей все недостатки. А Ирис засмеялась, и ее негромкий смех был полон озорного ликования:

– Разве я когда-нибудь делала то, чего от меня ожидают, господин мой?

Черные глаза Забаая смеялись ей в ответ. Он бросил взгляд на остальных женщин и коротко приказал:

– Оставьте нас.

– Только пусть Тамар останется, мой господин, – сказала Ирис; она не хотела обижать Тамар, которая всегда была к ней очень добра (не забывала она и о том, что если Забаай умрет, то ее судьбу и судьбу ее дочери будет решать Акбар, старший сын Тамар).

Забаай наклонился и посмотрел на свою новорожденную дочь. Он привык к крупным младенцам, к мальчикам, и теперь испытывал даже некоторое благоговение перед зачатой им хрупкой девочкой. Малышка спала, и ее длинные темные ресницы слегка трепетали на бледно-золотистой коже, а темные волосики торчали хохолком на красиво очерченной голове.

И, странное дело, она хоть и спала, но ее крохотные ручонки двигались с трепетной неутомимостью, тонкие пальчики завораживали отца своими почти прозрачными миниатюрными ноготками. Забаай смотрел на нее с некоторой настороженностью – зная, как обращаться с сыновьями, он не совсем понимал, что нужно делать с дочерью, хотя это дитя (единственное из всех его детей) родилось от великой любви, которую он испытывал к матери новорожденной.

Немного подумав, Забаай откашлялся и изрек:

– Она... такая маленькая.

Ирис и Тамар весело засмеялись, и старшая жена пояснила:

– Девочки обычно всегда меньше при рождении, мой господин.

Вождь снова откашлялся. Он почувствовал себя немного глупо, но, с другой стороны... ведь это его первая дочь.

– А где же астролог? – вспомнил он вдруг.

– Я здесь, мой господин, – послышался скрипучий голос.

И в тот же миг из темного угла комнаты вышел сгорбленный старик с острым взглядом и длинной белоснежной бородой; одет он был в темную широкую мантию, расшитую серебряными звездами и полумесяцами. Старик низко поклонился своему господину, а тот спросил:

– Ты отметил точный миг рождения этого ребенка на небесах, чародей?

– Конечно, господин мой Забаай. В тот миг, когда твоя дочь выскользнула из лона своей матери, небесные тела Венера и Марс соединились. Никогда еще мне не доводилось видеть столь благоприятные знаки: они предвещают ей великие деяния.

– И что же это за великие деяния?

– Полностью составленная карта неба все нам откроет, мой господин, но я уже сейчас могу сказать следующее... Ваша дочь, повелитель, будет успешна как в любви, так и в войне, поскольку я вижу, что она уже и сейчас возлюблена Небесами.

Забаай с удовлетворением кивнул. Этот предсказатель являлся самым уважаемым астрологом Востока – он был известен большой точностью своих предсказаний, а также честностью.

Когда старик, попятившись, вышел из комнаты, Забаай с нежностью посмотрел на свою юную жену и проговорил:

– Как мне вознаградить тебя, любовь моя, за это чудесное дитя?

– Позволь мне самой дать ей имя, господин мой, – ответила Ирис.

– Да, хорошо, – с улыбкой кивнул вождь. В этот момент он невольно подумал о том, что другая женщина потребовала бы от него драгоценностей.

– И как же ты ее назовешь? – спросила Тамар.

– Зенобия, – тотчас последовал ответ. – Это та, жизнь которой подарил Юпитер.

– Зенобия?... – в задумчивости пробормотал Забаай. – Что ж, хорошее имя.

– А теперь, дорогая, ты должна отдохнуть, – сказала Тамар, забирая ребенка у матери. – Пусть Баб присмотрит за Зенобией, пока ты спишь.

Ирис утвердительно кивнула. Теперь, когда возбуждение от родов улеглось, она почувствовала слабость и усталость – ужасно клонило в сон. Тут Забаай встал и наклонился, чтобы поцеловать свою юную жену, а затем вместе с Тамар вышел из комнаты.

Оставшись одна, Ирис вздохнула и осторожно потянулась, пытаясь найти более удобную позу. До чего же ее дитя прекрасно! Завтра она прикажет принести в жертву ягненка в храме Юпитера, чтобы поблагодарить за свою дочь. Потом Ирис задумалась о предсказании астролога, которое не совсем поняла. Хотя... какое, в сущности, все это может иметь значение, если Зенобия уже получила Небесное благословение и защиту?

– Пусть боги будут благосклонны к тебе всю твою жизнь, дочь моя, – пробормотала Ирис, уже засыпая.

Часть I

Девочка

Глава 1

– С днем рождения, Зенобия!

Зенобия бат-Забаай, которой уже исполнилось шесть лет, радостно улыбнулась своим близким. Она была прелестным ребенком – довольно высокая для своих лет и с длинными темными волосами, которые мать ради такого случая уложила локонами. А ее сияющие серебристо-серые глаза все время радостно смеялись. Одета же девочка была в просторную белую тунику, подвязанную светло-голубой шелковой лентой, прекрасно оттенявшей ее светло-золотистую кожу.

Забаай бен-Селим подхватил свою единственную дочь на руки и, нежно поцеловав, спросил:

– Разве ты не хочешь посмотреть на свои подарки, моя драгоценная?

Зенобия хихикнула и взглянула на обожаемого отца с озорной улыбкой.

– Конечно, хочу, папа. Но мама сказала, что я не должна проявлять подобного рода любопытство.

Забаай бен-Селим громко расхохотался и взревел:

– Эй, Али! Давай сюда подарок для моей дочери!

И тотчас же во внутренний дворик вошел раб, который вел в поводу изящную темно-серую кобылку в уздечке из красной кожи, украшенной позвякивавшими бронзовыми колокольчиками.

Зенобия от удивления и восторга на несколько мгновений лишилась дара речи. Больше всего на свете она хотела иметь собственную лошадь и все последние полгода постоянно наметала отцу на это обстоятельство.

– О, папа... – прошептала она наконец. – О, какая радость...

– Так она тебе нравится? – с ласковой улыбкой осведомился Забаай бен-Селим.

– О да, конечно! Да-да, нравится! – в восторге закричала девочка.

– Забаай, а мне ты ничего не сказал. – Ирис с тревогой посмотрела на мужа. – Лошадь? ... Но девочка еще слишком мала для этого.

– Не волнуйся, любовь моя. Клянусь, эту кобылу вырастили очень послушной.

Тамар положила руку на плечо Ирис и негромко сказала:

– Не стоит слишком уж оберегать ее: этим ты не окажешь ей услугу. Женщин-бедави воспитывают независимыми.

– Я хочу прокатиться на ней прямо сейчас! – заявила Зенобия, и Забаай тотчас усадил дочь в седло. А та, взглянув на брата и отцовского наследника, закричала: – Эй, Акбар! Я тебя обгоню!

Молодой человек рассмеялся и проговорил:

– Но я для начала должен привести свою лошадь...

– Ну так поторопись! – со смехом воскликнула малышка.

В тот год, когда ей исполнилось одиннадцать, Зенобия решила, что не отправится с семьей в зимнюю кочевку по пустыне – Пальмира внезапно стала для нее весьма притягательным местом. О, как же она любила этот чудесный город с его красивыми, украшенными колоннами улицами, великими храмами, а также широкими аллеями, вымощенными мрамором. И еще тут были чудесные лавки и базары, каждый из которых обладал своим собственным непо-

вторым запахом. Запахи дубящихся кож... Запахи всевозможных духов... Запахи влажной шерсти, которую подготавливают для прядения и крашения... И, конечно же, специй, и всяких экзотических блюд! Ах, она просто не могла расстаться со всем этим!

С упрямой решимостью девочка спряталась, когда никто не смотрел в ее сторону, и теперь радостно поздравляла себя, уверенная в том, что ее не найдут.

– Зенобия! – эхом прокатился по дому резкий голос Тамар. – Зе-но-би-ия! Где ты, дитя? Ну хватит! Ты же не можешь прятаться от нас вечно! Пора в путь!

– Зенобия, ты ведешь себя глупо, – раздраженно проговорила Ирис. – Сейчас же выходи к нам!

Скорчившись под огромной кроватью в отцовской спальне, Зенобия тихонько посмеивалась. В этом году она не собирается проводить зиму в проклятой пустыне. Одним богам известно, как она ее ненавидела! Мили, мили и мили бесконечного песка! И долгие скучные дни, полные синего неба, безоблачного и сонного. Плюс проклятые козы! И это в то время как ее лучшая подруга Юлия Тулио на весь восхитительный зимний сезон останется в Пальмире. И Юлия будет ходить в театр и на игры! А ей, Зенобии бат-Забаай, придется провести всю зиму среди тупых вонючих коз? О, какой стыд! Да, конечно, бедави измеряли богатство человека по количеству скота, а значит, ее, Зенобии, отец был человеком исключительно богатым. Но до чего же ненавистно всю зиму гоняться за этими глупыми козами!

Лишь ночи в пустыне были интересными. Ей нравилось, когда небо темнело и заполнялось ясными, как хрусталь, звездами, причем иные были настолько яркими и большими, что, казалось, к ним можно прикоснуться. Отец научил ее читать звезды, и она знала, что, куда видит их, всегда сможет вернуться в Пальмиру хоть из самого Гадеса, царства мертвых.

– Ха, Зенобия! Вот ты где! – Тамар протянула руку и вытащила девочку из-под кровати.

– Нет! – яростно завопила Зенобия, вырываясь. – Я не поеду! Я ненавижу пустыню!

– Не будь дурочкой, – со вздохом отозвалась Тамар. – Ты бедави, а пустыня – наша жизнь. Идем же, Зенобия. Будь хорошей девочкой.

Но девчонка внезапно вырвалась из объятий Тамар и, сверкнув на удивление взрослыми глазами, прокричала:

– Я бедави только наполовину, но даже эта половина терпеть не может пустыню!

Тамар не выдержала и рассмеялась. Зенобия говорила правду, и нельзя было строго ее судить. К тому же девочка еще так юна, а город полон соблазнов... Тут к ним подошла Ирис, и Зенобия бросилась к своей очаровательной матери.

– Я не хочу ехать, мама! Почему мы не можем остаться здесь? Только мы вдвоем! Папа не будет против. Как раз начинается театральный сезон, и Юлия говорит, что этой зимой здесь будет выступать чудесная труппа танцоров и актеров из Рима.

– Наше место рядом с твоим отцом, Зенобия, – тихо ответила Ирис, которая никогда не повышала голос.

Впрочем, никому никогда даже в голову не приходило спорить с ней. Ирис с улыбкой погладила своего единственного ребенка по гладким темным волосам. Какой же красавицей растет эта девочка!

– Так мне можно остаться с Юлией? Ее мама не возражает. Как будто без меня некому пасти коз, – со вздохом добавила Зенобия.

– Нет, дорогая, – последовал спокойный, но твердый ответ.

И при этом Ирис снова улыбнулась. «Бедная Зенобия», – подумала она. Ирис прекрасно понимала, что чувствовала ее дочь, но не собиралась об этом говорить, потому что знала: сочувствие только подстегнет бунт. Ирис тоже не любила пустыню, но ни разу за все годы своего замужества не сказала об этом. Эту часть жизни мужа она принимала как часть собственной жизни.

Протянув руку дочери, Ирис сказала:

– Идем же, драгоценная моя. Давай не будем больше спорить. Остальные уже обогнали нас на несколько миль, а ты знаешь, как я не люблю скакать на верблюде галопом. Если это затянется надолго, меня начнет тошнить. Так что идем быстрее.

– Да, мама. – Зенобия вздохнула покоряясь.

Все трое уже повернулись, чтобы выйти из комнаты, как вдруг услышали тяжелые и незнакомые шаги за дверью спальни. Тамар на мгновение замерла, почуввав опасность, затем, оттащив Зенобию от матери, толкнула девочку обратно под кровать с ярко-красными атласными занавесями.

– Сиди там! – прошипела она. – И что бы ни случилось, не смей вылезать, пока я не разрешу! Поняла? Не выходи, пока не позову!

В следующее мгновение дверь спальни распахнулась, однако Зенобия из своего укрытия не видела, что в комнату ворвался небольшой отряд римских солдат. Тамар же быстро выступила вперед и проговорила:

– Доброе утро, центурионы! Я могу вам чем-то помочь?

Командир отряда окинул ее дерзким взглядом, очевидно подумав о том, что у этой женщины очень даже неплохая фигура, затем, быстро осмотревшись, спросил:

– Чей это дом?

Взяв себя в руки, Тамар спокойно ответила:

– Это дом Забаая бен-Селима, вождя племени бедави, центурион. Позвольте представиться. Я Тамар бат-Хаммид, старшая жена Забаая бен-Селима, а эта госпожа – вторая жена моего господина Ирис бат-Симон.

– А почему вы одни? Где все слуги? – Центурион снова осмотрелся.

Тамар улыбнулась:

– Я вижу, вы еще новичок в Пальмире, центурион. Бедави проводят в Пальмире только половину года, а вторую половину – в пустыне. Мой муж уехал несколько минут назад, а мы с Ирис проверяем, все ли в порядке. Рабам это доверять нельзя. – Она немного помолчала, потом добавила: – А могу я спросить, центурион, почему вы вошли в этот дом? Ведь не в обычаях римлян врываться в частные дома в дружественном городе. Мой супруг – глубоко уважаемый гражданин этого города, уважаемый всеми, кто его знает. У него имеется римское гражданство, он лично знаком с губернатором. Добавлю также, что Забаай бен-Селим является двоюродным братом правителя этого города, принца Одената.

Командир отряда поморщился и проворчал:

– Проезжая мимо, мы увидели, что ворота широко распахнуты, а дом показался нам пустым. Вот мы и решили проверить, не грабит ли кто-нибудь собственность римского гражданина.

Центурион лгал, и они оба это знали. Когда Забаай уехал, ворота за ним надежно заперли. Но Тамар понимала, что сейчас нельзя показывать свой страх, – так она только подтолкнула бы этих людей совершить то злодеяние, какое они задумали. Изобразив любезную улыбку, она проговорила:

– Как всегда, римляне стоят на страже мира и покоя. Я прекрасно об этом знаю и расскажу моему господину Забааю о вашей заботе, центурион. Он будет очень вами доволен.

Тамар повернулась к Ирис, стоявшей позади нее, и добавила:

– Идем, дорогая. Мы должны поторопиться, чтобы встретиться с нашим господином Забааем. – Она снова взглянула на римлянина. – Наши верблюды стоят в конюшне, центурион. Не будет ли кто-нибудь из ваших людей так любезен привести их оттуда?

– Откуда я знаю, что вы те, за кого себя выдаете? – проворчал центурион. – Насколько мне известно, вы запросто можете оказаться воровками. А тогда и у меня, и у моего командира будут серьезные неприятности.

Тамар украдкой осмотрелась. Круг мужчин вокруг них смыкался.

– Видите ли, центурион, господин Забаай, его жены, а также все его семейство хорошо известны римскому губернатору этого города, – с угрозой в голосе произнесла Тамар. Теперь она по-настоящему испугалась, потому что поняла: это были не римские legionеры, а иностранные наемники – варвары, завербованные в галльских и германских землях, где жили племена, известные своей безжалостностью, совершенно лишенные милосердия и уважения ко всем – включая женщин.

– Я уверен, что вы обе хорошо известны в этом городе, – вкрадчиво произнес центурион, а его люди захохотали, и в их глазах запылало возбуждение. Тут он внезапно оттолкнул Тамар в сторону и, взглянув на Ирис, заявил: – А теперь я хочу получше разглядеть тебя.

Сначала она смотрела на него не дрогнув, смотрела с презрением в серовато-голубых глазах, но сердце ее бешено колотилось: ей казалось, что она смотрела в лицо смерти. А центурион мучительно медленно провел ладонью по ее пепельным волосам, затем рука его скользнула вниз и легла на грудь.

– О, центурион, – произнесла Ирис тихим голосом, – я ведь не только жена Забаая бен-Селима, я еще и единственная дочь крупного банкира, Симона Тита из Александрии. Не допускайте, чтобы простая грубость переросла в серьезное преступление.

– Ты врешь, – ответил он с веселой улыбкой. – Ты пальмирская шлюха.

– Центурион, не делайте этого, – сказала Ирис. Теперь ее голос дрожал. – Неужели у вас нет жены или сестры? Вам бы понравилось, если бы кто-то совершил такое с ними?

Он посмотрел на нее бесстрастно, и она не увидела жалости в этих ледяных синих глазах.

– Прошло много времени с тех пор, как у меня была белокожая женщина, – заявил варвар и в тот же миг опрокинул ее на кровать.

Окончательно потеряв самообладание, Ирис в ужасе завизжала, а центурион, удерживая ее одной рукой, другой разрывал на ней платье. Ирис отчаянно сопротивлялась, царапая ему ногтями лицо, сходя с ума от страха и ужасно стыдясь того, что он с ней делал, – она ведь не знала другого мужчины, кроме своего любящего и нежного мужа, от которого не видела ничего, кроме доброты и ласки. Ирис даже вообразить не могла, что мужчина мог делать такое с женщиной. Но, увы, он был гораздо сильнее, и в конце концов она ощутила, что он добился своего и вонзился в нее, причиняя жестокую и жгучую боль. Вскоре сознание покинуло ее, а он вонзался в нее снова и снова.

– Клянусь богами, – пробурчал центурион, – это лучшая сучка из всех, что у меня были за многие месяцы.

А Зенобия, сидевшая под кроватью, крепко зажмурилась. Ее ужасно испугали странные звуки, доносившиеся сверху, и она очень удивилась, услышав, как мать умоляла о чем-то с дрожью в голосе. Потом мать завизжала... и больше она не слышала женских голосов – слышала только грубый мужской смех и слова, которых не понимала.

А Ирис этого уже не слышала. Она так и не узнала, что ею овладел не только предводитель отряда, но и с полдюжины других мужчин, терпеливо ожидавших своей очереди терзать ее тело, теперь уже неподвижное. А потом предводитель изнасиловал ее еще раз и, громко выругавшись, мгновенно перерезал ей горло огромным кинжалом.

Тамар, которую повалили на холодные плитки пола, задрав на голову одежду, повезло не намного больше, чем Ирис, но она даже не пыталась сопротивляться – понимала, что это бессмысленно. Когда же последний солдат кончил ее насиловать, они решили, что она тоже мертва, поэтому оставили ее неподвижное тело, не потрудившись ткнуть в него ножом. Какое-то время Тамар лежала, почти не дыша, а солдаты между тем занимались грабежом, забирая те немногие вещи, которые тут еще оставались, – основную обстановку Забаай бен-Селим увез с собой, что делал всегда.

Тамар в ужасе затаила дыхание, когда солдаты начали срывать занавеси и покрывала с кровати. Она молилась всем богам, каких только могла вспомнить, – молилась о том, чтобы

алчные и похотливые мерзавцы не заметили Зенобию, затаившуюся под кроватью. И боги откликнулись на ее горячие молитвы. В какой-то момент ей удалось встретиться глазами с девочкой, и она взглядом предупредила ее, чтобы та не шевелилась и оставалась безмолвной как могила.

Казалось, Тамар целую вечность пролежала на холодных плитах пола. Истерзанное тело невыносимо болело, но она не осмеливалась даже застонать – ведь тогда негодяи поняли бы, что она жива. Наконец, обыскав почти все комнаты, солдаты покинули дом Забаая бен-Селима, а затем послышался дробный топот конских копыт во внутреннем дворе. «Но почему же я не слышала его раньше? – удивилась Тамар. – Возможно потому, что они ввели лошадей очень тихо, чтобы не спугнуть тех, кто мог остаться в доме». Что ж, теперь она знала, что в дом ворвались кавалеристы, а это в дальнейшем поможет сузить круг поисков виновных...

Тут Тамар, наконец, застонала и попыталась приподняться. Зенобия с залитым слезами лицом тотчас выкарабкалась из-под кровати и стала помогать ей. Девочка, была очень бледна и все еще дрожала. Стараясь не смотреть в сторону кровати, девочка спросила:

– Моя мама умерла?

Тамар кивнула.

– Да. Не смотри, дитя.

– Но почему?... Почему они это сделали? – пробормотала Зенобия. – Ты же сказала им, кто вы с мамой такие! Почему они сделали тебе больно? Зачем убили мою маму?

Тамар выплюнула выбитый зуб и с презрением в голосе проговорила:

– Этим негодяям бесполезно что-нибудь объяснять. – С помощью Зенобии ей наконец-то удалось сесть и прислониться спиной к кровати. Тяжело вздохнув, Тамар продолжала: – Не думаю, что они украли наших верблюдов. Дитя, иди быстрее в конюшню, возьми одного и ветром скачи к своему отцу. Расскажи ему, что случилось, а я... Ох, я не могу ехать сама. Мне придется подождать здесь.

– Это все я виновата, – сказала Зенобия, и ее серебристые глаза снова наполнились слезами. – О, моя мама умерла!.. А если бы я не вела себя так по-детски, если бы поехала вместе со всеми, а не пряталась как капризный ребенок...

Тамар опять вздохнула. У нее ужасно болело все тело, и ей хотелось прокричать Зенобии, что да, только она во всем виновата. Но тут Тамар взглянула в залитое слезами лицо девочки, только что потерявшей мать, и, покачив головой, сказала:

– Нет, дитя, ты не должна себя винить. Это судьба, воля богов. А сейчас беги и отыщи своего отца.

– А что будет с тобой? – всхлипнула Зенобия.

– Принеси мне кувшин воды, и я выживу. А потом уходи. Только будь осторожна.

– Да, хорошо, я выеду через задние ворота, – пообещала Зенобия.

Тамар молча кивнула; она вдруг почувствовала себя совершенно опустошенной... и очень-очень старой. Но она выживет. Выживет хотя бы ради того, чтобы увидеть, как покарают убийц и насильников. После ухода Зенобии она все так же сидела на полу и почти бесстрастно смотрела на двух больших слепней, жужжавших над истерзанным телом Ирис.

Зенобия покинула дом и прошла через огород к конюшне, где стояли горделивые свое- нравные верблюды, жевавшие свою жвачку. И сейчас она уже не чувствовала ничего – ни горя, ни гнева, ни страха. Внезапно девочка вспомнила, как ее мать молила о милосердии. Никогда еще Зенобия не слышала, чтобы голос матери звучал так, как сегодня: со страхом и мольбой. Этот голос до сих пор звучал у нее в ушах, и она знала, что он будет преследовать ее всю жизнь.

Зенобия похлопала по шее своего верблюда, затем, взобравшись на него, направила животное к задним воротам отцовского дома, наклонилась, чтобы откинуть щеколду, и выехала на пустынную дорогу. Верблюд зашагал довольно быстро, и шаги его становились все шире и шире, так что вскоре уже казалось, что он летел над дорогой.

Надежно устроившись в красном кожаном седле, Зенобия без труда управляла животным. И она все думала о тех ужасных людях... Почему они убили ее мать? На этот вопрос девочка никак не находила ответа, потому что видела от мужчин только ласку и добро. Отец и старшие братья ужасно ее баловали, их ближайшие друзья – тоже. Конечно, она знала, что некоторые мужчины иногда били своих жен, но это были не столько побои, сколько наказания. Почему-то считалось, что женщин время от времени нужно наказывать. Однако она никогда не видела, чтобы ее отец бил своих жен. А ведь мать даже не знала напавших на нее мужчин... А если все-таки знала... Все равно не понятно, из-за чего они так на нее рассердились и почему убили. Хотя... А может быть, жестокость – это качество, свойственное только римлянам? Может, их поразила какая-то особая форма безумия, вынуждающая нападать на невинных?

Заметив впереди пыль, поднятую караваном отца, Зенобия начала пятками подгонять верблюда, и скоро она уже проезжала мимо семей, входивших в их племя. Все махали ей и выкрикивали приветствия, когда ее верблюд галопом проносился мимо. И все люди ласково улыбались ей, потому что все в племени ее любили (Зенобия бат-Забаай всегда была очень веселым и добрым ребенком).

Во главе каравана она уже видела отца и своего старшего брата Акбара. Зенобия замахала им, неистово крича, а Акбар с улыбкой отозвался:

– Приветствую тебя, малышка! Хочешь посостязаться с моим чемпионом? – Внезапно он увидел ужасно бледное лицо сестры и, повернувшись к родителю, крикнул: – Отец, что-то случилось!

Караван тотчас остановился. Забаай спрыгнул с верблюда и спустил на землю свою маленькую дочь. А вокруг уже начала собираться толпа.

– Что случилось, мой цветочек? – спросил предводитель бедави. – Где твоя мать и Тамар?

– Римляне... – пробормотала Зенобия. – Пришли римляне и убили маму. А Тамар тяжело ранена.

– Что ты такое говоришь, Зенобия? – изумился Забаай. – Ведь римляне наши друзья...

– Римляне убили мою мать! – окончательно потеряв самообладание, завизжала Зенобия, и горячие слезы потекли по ее личику грязными ручейками. – Тамар спрятала меня под кроватью. Я их не видела, зато хорошо слышала. Они делали что-то с мамой, а она пронзительно кричала, и плакала, и молила их о милосердии! Я никогда не слышала, чтобы мама кричала, чтобы так молила о милосердии. Но они... они убили ее! А Тамар сейчас ужасно плохо: она даже не может встать с пола. Ты должен вернуться домой, отец! Должен вернуться домой!

Забаай бен-Селим вдруг почувствовал, что ноги его подкосились. Он знал, что именно те люди сделали с его женами, хотя его невинная юная дочь этого, конечно же, не понимала. Но почему, почему, почему? Взвыв от ярости, боли и скорби, Забаай принялся рвать на себе одежды. Когда же первый мучительный взрыв боли прошел, он начал отдавать распоряжения, и вскоре караван повернул обратно. Но сам Забаай бен-Селим, его старшие сыновья и дочь не стали дожидаться остальных. Снова сев на своих верблюдов, они помчались по пустынной дороге к окраине Пальмиры. И они скакали так быстро, что следовавший за ними караван видел только поднятую ими пыль, висевшую в воздухе и казавшуюся желтой под лучами полуденного солнца.

Когда они добрались до дома, Тамар находилась в полубессознательном состоянии. И только теперь Зенобия решилась посмотреть на истерзанное тело матери. Ужаснувшись увиденному, девочка вскрикнула. Ирис была в неестественной позе распростерта на кровати, ее светло-голубая далматика и белоснежная нижняя туника оказались разорванными, обнаженные груди были все в синяках и в крови. На ногах же виднелись огромные багровые пятна, а ее прекрасное милое лицо... О, оно все было ужасно обезображено, так что с трудом узнавалось.

– Мама!.. – в отчаянии закричала Зенобия. – Мама, мама!..

Она со слезами на глазах смотрела на тело убитой матери. Девочка не в силах была постичь произошедшее и все еще не могла поверить, что мать и впрямь мертва.

– Уберите отсюда ребенка! – приказал Забаай. – Девочка не должна на это смотреть.

– Нет-нет! – закричала Зенобия, отказываясь слушаться отца. – Я должна была это увидеть. И теперь уж ни за что не забуду! Всегда буду помнить, что сделали римляне!

Акбар не стал спорить с младшей сестренкой – просто подхватил ее на руки и вынес из комнаты. Ее горестные рыдания разрывали ему сердце, и в какой-то момент он с тяжелым вздохом опустился на ступени лестницы, что вела в нижний уровень дома, и стал покачивать сестру, словно убаюкивая.

Ирис была всего на несколько лет старше его, когда отец много лет назад привез ее из Египта. Какое-то время юный Акбар воображал, что влюблен в нее. Он подозревал, что Ирис знала об этом, но она никогда не вводила его в смущение и не пыталась с ним заигрывать – всегда относилась к нему с уважением. Из горла Акбара внезапно вырвался стон, и тут же послышался тихий голос Зенобии:

– Почему они убили ее, Акбар, почему?...

– Убили, потому что они римские свиньи! – гневно ответил молодой человек. – Тех, кто родился не в Риме, они называют варварами, но настоящие варвары – это они. Говорят, что Рим основали двое братьев-сирот. Их бросили в холмах умирать, но волчица спасла их и выкормила. Я в это верю! Они и по сей день дикие звери!

– А что они сделали с моей матерью? – Зенобия снова всхлипнула.

Акбар медлил с ответом. Стоило ли отвечать? Ведь Зенобия еще ребенок. Она вполне могла бы быть его собственной дочерью – у него был сын ее возраста. Да и что ей известно о мужчинах и женщинах?... Однако по прошлому опыту Акбар прекрасно знал, что от Зенобии просто так не отделаешься.

– Цветочек, ты знаешь, как происходит зачатие ребенка?

– Да, – тихо ответила девочка. – Мама рассказывала мне об этом. А еще она говорила, что однажды я стану женщиной. Когда мужчина занимается любовью с женщиной, ребенок – естественный плод их союза. И это хорошо – так говорила мама.

– Правильно, – согласился Акбар. В подробности он вдаваться не стал, однако проговорил: – Римляне заставили Ирис заниматься с ними любовью. Когда женщину заставляют, это называется изнасилованием. Римляне изнасиловали твою маму, обесчестили ее, обесчестили нашего отца, нашу семью и всех бедави. А когда закончили, перерезали ей горло, чтобы не осталось свидетелей. Они решили, что моя мать тоже мертва, поэтому не стали добивать.

Зенобия некоторое время молчала, затем спросила:

– Значит, Тамар тоже изнасиловали?

– Да, – со вздохом ответил Акбар. – Мою мать тоже изнасиловали.

– И поэтому она меня спрятала? – допытывалась Зенобия. – Не хотела, чтобы и меня изнасиловали?

– Если бы изнасиловали тебя, сестра моя, бесчестие было бы особенно ужасным. Ведь ты девица, никогда не знавшая мужчину. Часть твоей ценности для будущего жениха – девственность. Видишь ли, мужчина, который женится на девушке, не хочет идти по дороге, по которой уже прошли другие, – объяснил Акбар.

Зенобия молча кивнула. Теперь-то она понимала, почему мать плакала и умоляла римлян пощадить ее. Она пыталась спасти свою добродетель и честь мужа. Какие же ужасные скоты эти римляне! Зенобия желала отмщения.

Внезапно из отцовской спальни донесся вой. Прибыли остальные члены племени, и женщины, вошедшие в комнату, рыдали от скорби и стыда. Забаай бен-Селим вышел из комнаты и сказал старшему сыну:

– Отведи Зенобию в ее комнату. Я должен расспросить ее.

Акбар тотчас же встал и отнес сестру в ее комнату в женской половине дома. Усадив девочку на кровать, он похлопал ее по руке и едва заметно улыбнулся. Лицо же Забаая было мрачным и грозным. Пристально глядя на дочь, он проговорил:

– Я выслушал рассказ Тамар, а теперь хочу услышать твой. Как это произошло?

Тихо всхлипнув, девочка рассказала отцу обо всем, что знала, и она обвиняла в случившемся себя – ведь именно из-за нее обе женщины задержались в доме. Отец ничего на это не сказал. Если Забаай и гневался на свою юную дочь, то гнев его таял перед лицом их общего горя. Римляне за свои злодеяния заплатят! О да, они заплатят! Дюжина его сыновей уже рассыпалась по городу с приказом привести к нему в дом римского губернатора и молодого правителя Пальмиры принца Одената. И только после того, как эти двое увидят, что сотворили негодяи с его женами, он унесет тело Ирис из спальни и похоронит с почетом, которого она заслуживала.

Забаай ласково обнял Зенобию и проговорил:

– Ты ни в чем не виновата, дитя мое. Пока отдохни. А когда надо будет, я пошлю за тобой. Баб. Сожалею, но тебе придется еще раз рассказать о случившемся, на этот раз – губернатору.

Забаай вышел из комнаты, чувствуя, как гнев снова прорывается сквозь боль и скорбь. Он ведь всю свою жизнь был гражданином Пальмиры! Кроме того, он еще и римский гражданин – как и все пальмирцы. Просто немыслимо, что солдатам империи позволили выйти из-под контроля в мирном торговом городе! Ему вдруг захотелось остаться одному, чтобы преодолеть скорби, но он знал, что время для этого еще не настало. Сначала следовало высказать все римлянам и потребовать справедливого отмщения.

Вернувшись в гардеробную при спальне, Забаай смыл с лица пыль пустыни и сменил одежду. Рабы унесли таз с розовой водой, затем надушили и расчесали господину бороду. Он по-прежнему выглядел прекрасно – мужчина среднего роста с черной бородой, чуть-чуть подернутой сединой. И лишь темные глаза, потускневшие от боли, выдавали его чувства.

В комнату вошел старший сын.

– Они здесь, отец, – сообщил он.

Забаай кивнул и вышел из спальни, чтобы поздороваться с гостями.

– Мир тебе, господин мой принц, и тебе тоже, Антоний Порций. Добро пожаловать в мой дом, хотя теперь это дом скорби.

– Мир и тебе, кузен... – начал принц, но договорить не успел: его с раздражением перебил римский губернатор.

– Что за срочность? – проворчал он, прикладывая пальцы к вискам – его мучила головная боль. – Меня буквально стащили с ложа твои сыновья, Забаай бен-Селим. И они заставили пойти с ними безо всяких объяснений! Напоминаю тебе, вождь бедави, что я – имперский губернатор Пальмиры! И ко мне должно относиться с уважением!

– Именно из-за твоей должности, Антоний Порций, я и вызвал тебя сюда.

– Ты?... Ты вызвал меня?! – в ярости завизжал Антоний, и его двойной подбородок задрожал.

– Да, я! – прогрохотал Забаай в ответ. – Я, Забаай бен-Селим, правитель бедави, вызвал тебя! И тебе, господин мой губернатор, придется выслушать меня очень внимательно. Этим утром я со своими людьми покинул Пальмиру, направляясь в наше ежегодное зимнее странствие по пустыне. Как тебе хорошо известно, мы поступаем так каждый год, чтобы во время сезона дождей в пустыне выпастать наши стада. Но двум моим женам пришлось ненадолго задержаться в доме, потому что моя единственная дочь Зенобия не любит эти зимние кочевания. И девочка решила, что если она спрячется, то нам придется оставить ее в Пальмире. Разумеется, женщины ее нашли, и собирались уходить, но услышали чужие шаги на лестнице. Моя старшая жена предусмотрительно спрятала девочку под кроватью. Хвала всем богам за то, что она это сделала!

Так вот, Антоний Порций: римские солдаты вломились в мой дом! Под предводительством своего командира они напали на моих жен, изнасиловали их, а моей несчастной Ирис перерезали горло. Негодяи оставили Тamar, решив, что она уже мертва. И все это время моя бедная маленькая дочь сидела, скорчившись, под кроватью и тряслась от ужаса!

Все эти люди – римские наемники, Антоний Порций! Иностранные наемники! Тебе будет несложно отыскать их. Я требую, чтобы их покарали! И я не удовольствуюсь меньшим, чем их смерть, имперский губернатор!

Ошеломленный рассказом кузена, принц Оденат в растерянности пробормотал:

– Твоя прелестная Ирис мертва? Забаай, что я могу сказать?... Как смогу утешить тебя после такой утраты? – Принц начал рвать на себе одежды, выражая тем самым свое сочувствие. – А что с ребенком, с твоей дочерью Зенобией? Ее не тронули?

– Не тронули, хвала богам! Солдаты не догадались, что моя невинная дочурка тоже находилась в комнате. Найди они мое драгоценное дитя, не сомневаюсь, что и на нее бы жестоко напали! Каких людей ты допускаешь в легион, Антоний Порций? Пальмира не только что завоеванный город, где римляне могут насиловать и грабить сколько им заблагорассудится. Пальмира – торговое государство, жители которого гордятся своим римским гражданством!

Антоний Порций, мужчина среднего возраста, также был потрясен рассказом Забаа бен-Селима. Человек справедливый, он любил Пальмиру, в которой провел почти всю свою взрослую жизнь. Но еще он был римским губернатором, и ему требовалось убедиться в том, что бедави говорил правду.

– Забаай бен-Селим, откуда я знаю, что твои слова не выдумки? – пробурчал он. – Где эти женщины, на которых, по твоим словам, напали? Смогут ли они узнать своих обидчиков?

– Идем со мной! – Забаай первый вошел в спальню, где все еще лежало истерзанное тело Ирис в разодранных одеждах. Тamar же по-прежнему сидела на полу, привалившись спиной к кровати и глядя прямо перед собой отсутствующим взглядом. Причем в жаркой закрытой комнате отчетливо пахло кровью, а над трупом вились жужжавшие мухи.

Римский губернатор с нескрываемым ужасом смотрел на Ирис. Он несколько раз встречался с ней и запомнил как красивую и необычайно любезную женщину. А теперь... К горлу его подкатил ком, он с трудом проговорил:

– Да... вижу. Доказательства неопровержимы. Рим не воюет с Пальмирой и ее мирными гражданами. Мы – хранители мира. Поэтому люди, виновные в этом ужасном преступлении, будут немедленно найдены, предстанут перед судом и понесут заслуженное наказание.

– Сегодня же, – сквозь зубы процедил Забаай. – До захода солнца этих преступников должны покарать. Душа моей ненаглядной Ирис взывает к справедливости, Антоний Порций!

– До захода солнца? Будь же благоразумен, Забаай бен-Селим! – взмолился губернатор.

– Я вполне благоразумен! – прогрохотал вождь бедави. – Я ведь не послал своих людей в город, чтобы перерезали глотки всем римским солдатам, которых встретят! Вот что такое благоразумие, господин мой!

Внезапно взгляд Тamar сделался осмысленным, и она тихо проговорила:

– Я смогу узнать этого центуриона и его людей, господин губернатор. Я никогда не забуду его дьявольских глаз, напоминающих синее стекло. В них не отражались вообще никакие чувства. Никакие, одна пустота! С ним пришли восемь человек, и лица их будут до конца жизни преследовать меня в снах. Я никогда их не забуду!

Антоний Порций в смущении отвернулся. Он частенько держался высокомерно, но при этом был человеком незлым и порядочным. А сейчас от свидетельств, представших перед ним, его слегка подташнивало.

– Госпожа моя Тamar... – мягко произнес он, снова поворачиваясь к женщине, сидевшей на полу. – Вы сказали, что эти люди – иностранные наемники. А откуда вы это знаете?

– Все они были очень высокие, – ответила Тамар. – С желтыми волосами, ярко-синими глазами и белой, как мрамор, кожей – в тех местах, где она не загорела под нашим солнцем. А разговаривали они... с каким-то гортанным акцентом – как будто не очень хорошо знают латинский язык. И приехали они верхом, господин губернатор. Одеты же были как легионеры. Поверьте, я не ошибаюсь. И то, что мне довелось перенести, не лишило меня рассудка. Я их помню! И буду помнить всегда!

Антоний кивнул и снова спросил:

– А вы совершенно уверены, что они поняли, кто вы такие?

– Мы с Ирис объяснили им это очень подробно, объяснили несколько раз. Но они уже с самого начала были настроены на злодейство, мой господин губернатор. Центурион заявил, что Ирис лжет и что она... – Тамар в испуге взглянула на мужа.

– Ну, что же еще он сказал? – с грозным видом осведомился Забаай бен-Селим.

– Сказал, что она пальмирская шлюха, – прошептала Тамар.

Забаай бен-Селим в ярости взвыл, а Антоний Порций содрогнулся и в смущении пробормотал:

– Я должен спросить вас об этом, госпожа моя Тамар, так что... Скажите, кто именно убил госпожу Ирис? Вы сумеете это вспомнить?

Тамар – ее снова затрясло – тотчас ответила:

– Центурион взял Ирис дважды. И это он убил ее после того, как изнасиловал во второй раз. А я притворилась, что их насилие убило меня, поэтому они оставили меня и не стали добивать.

– Что мог увидеть ребенок? – спросил губернатор.

– Хвала богам, она ничего не видела! – воскликнула Тамар. – Однако слышала все. К счастью, покрывала на кровати скрывали ее от негодяев. Но я никогда не забуду выражения лица девочки. Ее глаза задавали тысячу вопросов, на которые я не могла ответить. Как это отразится на ней, Антоний Порций? Она ведь никогда не видела от людей ничего, кроме добра...

Тут губернатор повернулся к Забааю бен-Селиму и спросил:

– Можно ли подготовить госпожу Тамар к поездке? Я прикажу всему гарнизону собраться у городских стен. С таким свидетелем будет несложно отыскать виновных. У нас имеется только один легион наемников из Галлии. Второй же – из Африки, и люди в нем черны как эбеновое дерево.

– Мне нужен центурион, – негромко произнес Забаай. – С его людьми делайте все, что хотите, но мне нужен именно центурион.

– Да-да, конечно... – поспешно закивал Антоний Порций и тут же добавил: – Только при условии, что ты подвергнешь его наказанию и казнишь перед всем гарнизоном. Я хочу преподать им всем суровый урок, чтобы подобное никогда больше не повторилось. Нам лучше избавиться от такого отребья!

– Согласен, – отозвался Забаай бен-Селим.

– Я вернусь в город с губернатором, мой добрый кузен, – сказал молодой принц. – Хватит ли вам двух часов, чтобы подготовить госпожу Тамар к поездке в поисках негодяев?

Но Забаай бен-Селим не успел ответить, так как Тамар тут же решительно заявила:

– Да, я буду готова, господин мой принц! И если проживу еще хоть секунду после того, как укажу на тех зверей, мне и этого будет довольно!

Принц Оденат обнял своего двоюродного брата, затем вместе с римским губернатором вышел из спальни. В верхнем коридоре они увидели Зенобию, выходящую из своей комнаты. Баб, служанка ее матери, шла следом за ней. Оденат остановился и поздоровался с девочкой:

– Здравствуй, моя маленькая кузина. Ты меня помнишь?

Зенобия тоже остановилась, и ее красота поразила молодого принца. Он знал, что ей едва исполнилось одиннадцать, но она уже обещала стать необыкновенно красивой женщиной! Она

подросла с тех пор, как он видел ее два года назад, но тело ее еще оставалось детским. А ее длинные волосы, распущенные и не связанные лентой, были черны как ясное ночное небо.

Оденат протянул руку и погладил девочку по волосам – как мог бы погладить свою любимую салюки², – затем взял ее за подбородок и приподнял милое личико. Волосы у нее были очень мягкие и бледно-золотистая кожа – тоже. Глаза же казались просто невероятными по красоте – миндалевидной формы, с густыми длинными ресницами, они были темно-серые, как грозовая туча, но в их глубине мерцали золотистые искры. Кроме того, у нее был изящный прямой носик и настолько прелестный ротик, что принц с трудом сдержался – ужасно хотелось наклониться и поцеловать Зенобию. Но он тотчас напомнил себе, что эта девочка все еще ребенок. Однако же она была очень соблазнительна – как настоящая нимфа.

– Да, я помню тебя, господин мой принц, – негромко ответила Зенобия.

– Мне так жаль, милая... Такое несчастье... – в растерянности произнес молодой принц.

Внезапно серебристо-серые глаза полыхнули, и девочка гневно воскликнула:

– Почему ты терпишь в Пальмире римских свиней?

Оденат невольно вздохнул и проговорил:

– Римляне наши друзья, и всегда ими были, мой цветочек. А то, что произошло, просто прискорбная случайность, – добавил он, памятуя о том, что рядом стоял имперский губернатор.

– Друзья не насилуют и не убивают ни в чем не повинных женщин! – презрительно фыркнув, заявила Зенобия. – И ты теперь стал одним из римлян, господин мой принц. А я ненавижу их! Ненавижу их и ненавижу тебя – за то, что ты позволяешь им убивать нас!

Оденат увидел, как чудесные глаза девочки наполнились слезами, но прежде, чем успел сказать еще хоть слово, она резко развернулась и убежала. Служанка, что-то проворчав себе под нос, поспешила следом за ней.

– Бедная малышка... – с печалью в голосе произнес принц. – Она единственный ребенок у своей матери, и они были очень близки, Антоний Порций. Сразу видно, как ужасно подействовало на нее это жуткое преступление.

Римский губернатор развел руками и пробормотал:

– Да, конечно... – При этом он подумал, что у Рима появилась скверная привычка создавать себе врагов.

Вернувшись в город, губернатор Антоний Порций тотчас же призвал к себе двенадцать офицеров, прикрепленных к двум легионам, находившимся под его командованием. Он подробно объяснил, что произошло, потом спросил:

– Поддержат ли нас в этом деле командиры легионов наемников?

– Я ручаюсь за моих людей, – сказал трибун африканского легиона. – Они терпеть не могут галлов.

Остальные молча кивнули, причем трибун другого легиона при этом пробормотал:

– Не вижу причин, по которым мои галлы сочли бы твое наказание несправедливым, Антоний Порций.

– В таком случае соберите весь гарнизон, – приказал губернатор.

Два римских легиона, то есть двенадцать тысяч солдат-пехотинцев плюс двести сорок кавалеристов и два полных подразделения наемников, собрались за главными городскими воротами Пальмиры. Такой сбор не мог не вызвать любопытства. Едва город облетела весть о передвижениях солдат, горожане высыпали за ворота, дабы посмотреть, что происходит.

На высоком помосте, под навесом, укрывавшим от жаркого солнца, сидел римский губернатор Антоний Порций – блистательный в своем белом одеянии с пурпурной оторочкой и с

² Салюки – охотничья собака, персидская борзая, одна из самых древних пород на земле.

венком из поблескивавшего лавра на лысеющей голове – и явно чего-то ждал вместе с правителем Пальмиры, принцем Оденатом Септимием. Молодой человек двадцати двух лет, был предмет мечтаний многих пальмирских женщин – высокий, мускулистый, побронзовевший от солнца. У него были черные как полночь вьющиеся волосы, большие бархатисто-карие глаза, красивые чувственные губы и высокие скулы. И ему очень шла к лицу короткая белая туника, расшитая золотом.

Человек умный и образованный, принц занял в отношениях с римлянами позицию выживания. Ему еще не хватало сил, чтобы свергнуть захватчиков, но кое-какие планы у него уже имелись. Гневные обвинения Зенобии – в том, что он стал одним из римлян, – весьма порадовали Одената, ведь это означало, что его хитрость удалась и римляне ему доверяли.

Подняв руки, Оденат поправил на голове корону Пальмиры – очень изящную, из чистого золота, сделанную в форме венка из листьев пальмирских пальм. Однако и жарко же сегодня... Он невольно вздохнул и смахнул со щеки каплю пота.

Тут губернаторские трубачи затрубили в свои трубы, и шумная толпа притихла в предвкушении какого-нибудь зрелища. Минуту спустя Антоний Порций встал, подошел к краю помоста и с торжественным видом обвел взглядом притихшую толпу. Когда же он заговорил, его чуть гнусавый голос зазвучал на удивление громко:

– Сегодня была запятнана честь и слава Рима. Запятнана не теми, кто родился в нем, а теми, кому Рим так великодушно даровал свое гражданство! Но Рим такого не потерпит! Рим не допустит, чтобы над теми, кого мы поклялись защищать, надругались! Рим покарает тех, кто нарушил его законы – и законы Пальмиры!

Антоний помолчал несколько мгновений, чтобы слушатели прониклись сказанным, затем продолжил:

– Сегодня утром жену Забаая бен-Селима, великого вождя бедави, жестоко изнасиловали и зарезали прямо у нее в доме! На вторую жену этого достойного человека тоже напали, а затем бросили умирать!

Собравшиеся вокруг помоста жители Пальмиры единодушно ахнули, а потом послышался их грозный ропот.

Антоний вскинул вверх руки, успокаивая разгневанную Пальмиру, и громко прокричал:

– Но это еще не все! Выжившая женщина преодолела свою стыдливость и пришла сюда, чтобы опознать тех, кто напал на них!

Не успели его слова смолкнуть, как толпа расступилась, пропуская верблюдов Забаая бен-Селима поближе к помосту. Зрелище было одновременно впечатляющим и пугающим.

Возглавлял группу вождь бедави, сидевший на своем черном верблюде. Следом за ним ехали все его сорок сыновей – начиная со старшего, Акбара бен Забаая, до самого младшего, шестилетнего мальчика, горделиво и бесстрашно восседавшего на собственном верблюде. За вождем бедави и его сыновьями следовали остальные мужчины племени, а уже за ними, скорбно завывая, шли женщины в траурных одеждах.

Наконец верблюды остановились у подножия помоста и опустились на колени на теплый песок, чтобы всадники могли спешиться. Ко всеобщему удивлению, один из сыновей Забаая бен-Селима оказался его единственной дочерью, горячо любимой Зенобией. Стоя между своим отцом и Акбаром бен-Забааем, она с ледяным выражением глаз взирала на римского губернатора и принца Одената.

– Мы пришли требовать от Рима справедливости, Антоний Порций! – выкрикнул Забаай бен-Селим, и голос его отчетливо прозвучал в полной тишине.

– Рим слышит твоё требование и ответит тебе по справедливости, Забаай бен-Селим! – произнес губернатор. – Луций Октавий!

– Да, господин... – Трибун, командовавший одним из легионов, выступил вперед.

– Зови сюда своих воинов! – приказал Антоний.

– Да, господин! – слышался короткий ответ. Трибун повернулся и выкрикнул команду:
– Галльская ала, вперед, быстро!

Сто двадцать кавалеристов из галльских провинций медленно двинулись вперед и выстроились в десять шеренг по двенадцать человек в каждой. Их кони переступали с ноги на ногу, словно чувствовали беспокойство всадников. Тут Забаай бен-Селим отошел туда, где сейчас молча стояли женщины племени, и вывел вперед свою старшую жену Тамар. Затем они вместе пошли вдоль рядов римских кавалеристов, и вскоре слышался громкий голос Тамар, указывавшей пальцем на виновных.

– Этот! И этот! И эти двое!..

А легионеры тем временем стаскивали обвиненных с коней и волокли к губернатору. В самом конце одной из кавалерийских шеренг Тамар остановилась, и Забаай почувствовал, как она содрогнулась. Подняв взгляд, он увидел перед собой ледяные синие глаза – таких он еще никогда не встречал – и тонкие губы, растянувшиеся в насмешливой улыбке.

Тамар же громко сказала:

– Это он! Именно он изнасиловал и убил Ирис!

Встретив вызывающий взгляд галла, Забаай вдруг представил, какой стыд и ужас испытывала его милая любимая жена в последние минуты своей жизни. В груди его взметнулась волна бешенства, и он с диким яростным воплем сдернул центуриона с лошади. Еще мгновение – и его нож прижался к горлу мерзавца, прочертив на нем тонкую красную линию, но тотчас же раздался настойчивый голос Тамар:

– Нет, мой муж! Он должен страдать так же, как страдала Ирис! Умоляю тебя, не даруй ему благословение быстрой смерти! Он этого не заслуживает.

Сквозь красную пелену гнева Забаай ощутил на своей руке ладонь жены и услышав ее мольбу, опустил оружие. Его черные глаза внезапно наполнились слезами, и он, отвернувшись, украдкой утер слезы рукавом, скрывая свою слабость.

– Это все, Тамар? – спросил он хриплым голосом.

– Да, господин мой, – негромко ответила она.

Ей сейчас очень хотелось обнять мужа и хоть как-то утешить. Ведь он потерял самое для него дорогое, потерял свою милую Ирис. И Тамар знала, что Забаай уже никогда не будет прежним. Именно это печалило ее более всего – ведь она очень его любила.

Затем они вместе подошли к помосту, и Забаай негромко произнес:

– Моя жена говорит, что это все виновные, Антоний Порций.

Римский губернатор поднялся со своего резного кресла, подошел к краю помоста, и над толпой прогремел его суровый голос:

– Этих людей обвиняет их жертва – та, которую они бросили умирать. Может ли кто-нибудь из них отрицать свое участие в этом преступлении?

Губернатор посмотрел на восьмерых виновных. Все они стояли, опустив головы, не в силах взглянуть в лицо Тамар.

А Антоний Порций снова заговорил:

– Мой приговор окончателен. Эти звери будут распяты, а их центурион передается племени бедави для пыток и казни. Римский порядок восторжествовал!

Из рядов солдат слышались крики одобрения, но куда громче ликовали пальмиры. Вскоре несколько легионеров вынесли вперед деревянные кресты, приготовленные заранее, потом с преступников сорвали одежду и, голыми, их привязали к крестам. Кресты подняли вверх, и другие солдаты, забравшись на лестницы, стали вколачивать их в песок.

Жара в это время дня стояла невыносимая, но если бы галлам удалось дожить до следующего полудня, их мучения сделались бы еще сильнее. Впрочем, и так было ясно: под лучами палящего солнца сирийской пустыни их языки скоро распухнут и, вывалившись изо рта, почернеют, а полосы сыромятной кожи, которыми их руки и ноги будут привязаны к крестам, высох-

нут, стянутся и врежутся в плоть, перекрывая доступ крови и причиняя невыносимую боль. И тогда эти люди обвиснут на крестах под тяжестью собственного веса и начнут умирать – медленно и мучительно.

А в ад их будут сопровождать вопли центуриона Винкта Секста, потому что ему не позволят умереть, пока не скончаются все его люди. И прямо сейчас, перед их испуганными взглядами, его уже начали раздевать, готовя к пыткам.

Началось все довольно просто. В землю вколотили столб, к которому и привязали негодя – спиной к толпе. Забаай бен-Селим, взяв тонкий кнут из конского волоса, нанес первые пять ударов, несильных, но очень резких, врезающихся в кожу и причиняющих мучительную боль. Тамар, несмотря на слабость, тоже нанесла преступнику пять ударов. Затем каждый из сыновей Забаая бен-Селима ударил римлянина по одному разу. Последние пять ударов нанесла Зенобия, обращавшаяся с кнутом на удивление ловко для ребенка – именно так подумали в толпе. В общей сложности кнут опустился на спину Винкта Секста пятьдесят пять раз, но галл оказался из выносливых и даже ни разу не вскрикнул, хотя все это время оставался в сознании.

Забаай бен-Селим мрачно улыбнулся. Он знал, что еще будет время для криков, так что в конце концов галл станет молить о милосердии – как пришлось молить милой Ирис. Пройдет много, очень много часов, пока галл не испустит дух, и он тысячу раз пожелает смерти, прежде чем смерть наконец-то придет к нему.

Когда порка закончилась, центуриона отвязали и поволокли по горячему песку к тому месту, где установили огромный обломок мрамора, рядом с которым, над небольшим костром с пляшущими языками пламени, бурлил открытый котел. И теперь, стоя на коленях, Винкт Секст в ужасе закричал, когда его руки мгновенно отсеки от тела:

– Только не руки! Я солдат! Руки мне нужны!

Но палачи лишь ухмылялись ему в ответ, и он, объятый ужасом, смотрел, как растекалась красными струйками по золотистому песку его кровь. А затем его подтащили к бурлящему котлу и опустили обрубки рук в кипящую смолу, чтобы он не умер от потери крови. И тут раздался его первый пронзительный крик боли, и толпа вздохнула с облегчением – наконец-то центурион испытал боль, которой заслуживал!

Когда же старший сын Забаая поднял с песка отрубленные кисти рук, вождь бедави снова улыбнулся и проговорил:

– Больше эти руки никому не причинят боли, галл. Мы увезем их в пустыню и скормим шакалам.

Винкт Секст в ужасе содрогнулся. Самое страшное для воина в его северном племени – это лечь в землю искалеченным. Без рук мужчина обречен на скитания в загробном мире, и нигде ему не будет покоя.

Его снова проволокли по песку и бросили на спину, а затем две женщины с улицы проститутток пробились сквозь толпу и представились Забааю. Одна из них сказала:

– Мы поможем тебе, вождь бедави, и ничего не попросим взамен. После того как этот человек приехал в Пальмиру, от него пострадали несколько наших сестер, но до сих пор мы не могли ни от кого добиться правосудия.

Говорившая, очень искусно накрашенная, была высокой брюнеткой в зрелом возрасте, а с ней вместе пришла красивая молодая девушка – светлоголовая и голубоглазая из северной Греции. Не прикидываясь скромницей, девушка скинула с себя бледно-розовые шелковые одежды и предстала перед толпой обнаженной. Ее юное тело представляло собой образец совершенства – великолепные белые холмы груди, тонкая талия и пышные бедра. С нарочитой неторопливостью девушка подошла к Винкту Сексту и стала у его головы. Чуть помедлив, грациозно опустилась на колени, потом наклонилась и коснулась его лица сначала одной грудью, затем другой. Тот застонал от безысходности, а Забаай, издеваясь над ним, проговорил низким голосом:

– До чего восхитительные фрукты, а, галл?

Винкт Секст снова застонал и дернулся, пытаясь сжать соблазнительную плоть. Казалось, он забыл, что недавно лишился кистей рук. Когда же вспомнил об этом, с его губ сорвались проклятия.

Тем временем младший сын Забаая бен-Селима, шестилетний Гассан, завладевший отрубленными кистями галла, дико выплясывал вокруг него, потрясая своими трофеями. А потом он положил их на пышные груди проститутки и пошевелил пальцами. Толпа взревела от хохота, явно одобряя выдумку мальчика. Центурион же перешел на свой родной язык и что-то завопил во весь голос – было ясно, что он осыпал проклятиями толпу, свою судьбу и все на свете.

– Он сейчас должен испытывать ужасающую боль, – сказал Антоний Порций, повернувшись к принцу Оденату. – Почему же он ее не испытывает?

– В кипящую смолу подмешали болеутоляющее снадобье, – ответил принц. – Они не хотят, чтобы он сразу умер от боли.

Губернатор с усмешкой кивнул:

– Похоже, они знают толк в пытках, эти бедави... Если мне когда-нибудь потребуются такие люди, я приглашу их.

А толпа радостно ахала при каждой новой изощренной пытке. Причем некоторые отцы посадили детей на плечи, чтобы те лучше видели происходящее. Оба римских легиона и наемники стояли неподвижно, но у многих из них побелели лица – в особенности у тех, кто оказался ближе всех к неудачливому галлу.

В качестве последней пытки Винкта Секста осторожно выкупали в подогретой воде с добавлением меда и апельсинов. Затем сыновья Забаая бен-Селима вытряхнули на галла несколько мисок с черными муравьями. Это было слишком даже для такого стойкого воина, и галл пронзительно закричал, умоляя о милосердии, о том, чтобы его немедленно убили. А тем временем крохотные насекомые добросовестно делали свое дело, и вскоре крики галла стали слабеть.

Сообразив, что представление окончено, граждане Пальмиры постояли еще немного, глядя, как римские солдаты ломали ноги тем восьмерым, что были распяты на крестах, затем потянулись обратно в город. Следом за ними промаршировали и легионы – солдатам в последующие несколько часов предстояло выпить немало вина, чтобы забыть этот день.

На дрожащих ногах римский губернатор спустился с помоста и подошел к Забааю бен-Селиму, стоявшему со своими сыновьями и дочерью Зенобией.

– Удовлетворен ли ты римским правосудием, вождь бедави? – спросил Антоний Порций.

– Удовлетворен, – ответил Забаай. – Конечно, это не вернет мне мою милую Ирис, но она по крайней мере отмщена.

– Теперь ты отправишься в свое зимнее странствие? – полюбопытствовал губернатор.

– Мы останемся здесь, пока все преступники не испустят дух, – последовал спокойный ответ. – Только тогда справедливость окончательно восторжествует. Их тела мы заберем с собой в пустыню, где скормим шакалам и стервятникам.

– Да будет так, – произнес Антоний Порций с облегчением.

«Наконец-то это грязное дело осталась позади, – думал губернатор. – Впрочем, хоть что-то хорошее из этого вышло...» Ему вспомнилась молоденькая белокурая проститутка – прелестнейшее создание. Ох, он не видел ничего подобного уже долгие месяцы! Наверное, следовало выкупить ее у хозяев – ему уже надоела любовница, жена богатого пальмирского купца. Осмотревшись, губернатор подал знак слугам: чтобы поднесли его паланкин, – затем взглянул на вождя бедави и проговорил: – Да пребудут с тобой боги этой зимой, Забаай бен-Селим. А мы будем счастливы снова увидеть тебя в Пальмире, когда наступит весна.

Римский губернатор забрался в паланкин и приказал слугам нести его в город, а принц Оденат посмотрел ему вслед и с лукавой улыбкой заметил:

– Он прозрачен как хрустальная ваза, этот наш римский друг. Не так ли, кузен мой Забаай бен-Селим? Его желание завладеть той белокурой девицей было слишком очевидным, но он ее не получит. Такая отважная девушка заслуживает лучшего, чем жирный римский губернатор.

– Насколько я понимаю, она уже направляется к тебе во дворец, – с усмешкой отозвался Забаай бен-Селим.

– Разумеется, мой кузен! Ложе принца племени бедави куда приятнее, чем римлянина.

Забаай улыбнулся своему младшему двоюродному брату. Принц Пальмиры был очаровательным юношей и обладал не только острым умом, но и прекрасным чувством юмора. Однако, как и многих в Пальмире, Забааю беспокоило то обстоятельство, что Оденат все еще не был женат и не имел наследника (по законам Пальмиры незаконнорожденное дитя не могло наследовать трон). Он внимательно посмотрел на Одената и спросил:

– А когда ты собираешься жениться, кузен?

– Ты прямо как мой советник... Он задает мне этот вопрос ежедневно. – Оденат вздохнул. – Сад жизни полон прекрасных цветов, однако я еще не нашел тот единственный сладкий бутон, который настолько привлечет меня, что я захочу сделать его своей принцессой. Может быть, – хохотнул он, – я подожду, когда подрастет твоя малышка Зенобия.

Эти слова были сказаны в шутку, но едва сорвались с губ принца Одената, как Забаай бен-Селим понял, что это и есть решение проблемы. Ведь они с Ирис давно уже беспокоились из-за того, что ни один молодой мужчина их племени не казался им подходящим женихом для дочери. Просто невозможно было обойти тот факт, что Зенобия очень отличалась от других девочек-бедави. Она была не только намного красивее, но к тому же хорошо образована, бесстрашна и отзывчива.

Она не хуже любого мужчины ездила как на верблюде, так и на коне, а также участвовала в состязаниях. Более того: она упростила, чтобы ей разрешили обучаться владению оружием вместе с младшими братьями, причем приходилось признать, что оказалась прекрасной ученицей. Как ни странно, никто особо не задумывался о том, откуда у девочки столько талантов и способностей, ну а Забаай чрезвычайно гордился своей дочерью.

Что ж, гордиться-то он гордился, но ведь ни один молодой бедави не захочет иметь жену, которая не только лучше ездит верхом, но еще и превосходит его во владении мечом, копьем и пращей. Женщина должна уметь готовить пищу, рожать детей, пасти скот и шить – не более того. Да, Зенобия никак не могла стать женой мужчины из их племени, но Оденат – совсем другое дело. Будучи бедави по отцу, он все же истинный горожанин, а городские предпочитали образованных женщин.

Забаай бен-Селим внимательно взглянул на своего двоюродного брата и спросил:

– Ты и в самом деле думаешь, что Зенобия могла бы стать твоей женой, Оденат? Знаешь, а ведь из моей дочери выйдет великолепная супруга! Лучшей и желать нельзя. Кровь у нее благородная – с моей стороны у вас с ней общий прадед, а по линии матери она происходит от самой Клеопатры, последней царицы Египта. Конечно, она еще не женщина, но через несколько лет войдет в брачный возраст. Однако я отдам ее только в жены, а не в наложницы. И нужно сразу оговорить, что ее сыновья станут твоими наследниками.

Принц Оденат некоторое время размышлял. Впрочем, и так было ясно: идея очень даже недурна. К тому же это решит проблему женитьбы. Да-да, Зенобия бат-Забаай с династической точки зрения самая подходящая для него пара. Кроме того, насколько он успел понять, она была девочка умная и образованная. Ведь если мужчина хочет иметь умных сыновей, то он должен жениться на умной женщине, не так ли? И, конечно же, она станет настоящей красавицей.

– А когда именно ты будешь готов отдать ее мне, Забаай? – спросил принц.

– Не раньше чем через год-другой. Я даже думать об этом не стану, пока у нее не начнутся крови. А после этого ей еще придется привыкнуть к мысли о замужестве. Моя дочь провела всю свою жизнь в окружении нашего племени, но она не такая девочка, как все прочие. Зенобия – бесценная жемчужина, уж поверь мне, Оденат.

Молодой правитель Пальмиры посмотрел на Зенобию, расположившуюся неподалеку. Скрестив ноги, она сидела на песке и с бесстрастным видом наблюдала за мучениями убийцы ее матери. Сидела совершенно неподвижно – словно была высечена из камня – и, казалось, даже не дышала.

Принц с удивлением покачал головой. Галл страдал просто ужасно, однако девочка не проявляла ни малейших признаков сострадания или хотя бы отвращения. В чреве женщины, которой однажды станет этот ребенок, мужчина сможет зачать сильных сыновей. Но признает ли эта женщина своего мужа господином? Хотя... Если взять ее в жены достаточно рано и самому заняться воспитанием, это будет возможно. И Оденат понял, что готов рискнуть. Более того, он вдруг почувствовал, что его необъяснимым образом тянет к Зенобии. Да-да, он рискнет, но, конечно же, не станет давать Забааю бен-Селиму слишком уж большого преимущества.

Снова взглянув на собеседника, принц пожал плечами и проговорил:

– Что ж, кузен мой, я об этом подумаю. Полагаю, что такой брак вполне возможен. Не отдавай ее никому. И давай вернемся к этому разговору, когда она повзрослеет. Если, конечно, к тому времени мое сердце не будет занято.

Забаай широко улыбнулся и кивнул.

– Хорошо, договорились, господин мой принц и двоюродный брат.

Его ни на мгновение не обмануло деланое безразличие Одената. Он уже заметил, как вспыхнули карие глаза юноши, когда тот внимательно посмотрел на Зенобию. Немного помолчав, Забаай спросил:

– Ты попрощаешься с моей дочерью, принц? Ведь мы вернемся в город лишь поздней весной. А сейчас... Как только все преступники умрут, мы отправимся в пустыню – как и собирались.

Оденат кивнул и, пожелав Забааю бен-Селиму благополучных странствий, пошел туда, где на песке сидела Зенобия. Усевшись рядом с ней, принц взял в ладонь ее маленькую ручку – она оказалась совсем холодной, и Оденату захотелось согреть ее, подольше подержав в своей.

– Римлянин умирает хорошо, – внезапно сказала девочка: – Но еще слишком рано: в конце он будет криком звать о милосердии.

– А для тебя так важно, чтобы он молил о милосердии?

– Да, очень, – не глядя на принца, отозвалась Зенобия, и Оденат понял, что она готова уйти в свои мысли. Было очевидно, что эта малышка умела ненавидеть.

Немного помолчав, Оденат тихо сказал:

– Я хочу попрощаться с тобой, Зенобия.

Тут девочка подняла на него глаза и подумала: «До чего же он красив! Жаль только, что поддался с такой легкостью римлянам! Да, очень жаль, что он такой слабовольный...»

– Прощай, господин мой принц, – холодно отозвалась она и снова отвернулась, погрузившись в созерцание умирающего.

– До свидания, Зенобия. – Оденат легонько коснулся ее мягких темных волос, но она этого даже не заметила, и тогда он поднялся и ушел.

Солнце опускалось все ниже, окрашивая белые мраморные башни и портики Пальмиры в золотое и алое, но Зенобия ничего этого не замечала. На песке то тут, то там вспыхивали бивачные костры, а девочка по-прежнему сидела, молча глядя на убийцу матери. Бедави вокруг занимались своими обычными вечерними делами – они прекрасно все понимали и терпеливо ждали, когда малышка насытится местью.

Винкт Секст некоторое время оставался без сознания, но затем начал понемногу приходить в себя, пробужденный волнами боли, вгрызавшейся в его тело и душу, – действие болеутоляющего явно закончилось. То, что он еще не попал в Гадес, удивило его. Приоткрыв глаза и увидев сидевшую у его головы изящную девочку, наблюдавшую за его страданиями, он проговорил пересохшими и растрескавшимися губами:

– К-кто... ты?

– Зенобия бат-Забаай, – ответила девочка на латыни куда более чистой, чем та, которой сумел выучиться он. – Женщина, которую ты зарезал, была моей матерью, свинья!

– Дай... мне... попить... – пробормотал галл.

– Здесь, в пустыне, мы не тратим воду попусту, – заявила Зенобия. – Дать тебе, умирающему, воды – значит, просто вылить ее.

Уставившиеся на Винкта глаза напоминали камни: казалось, в них отсутствовало какое-либо чувство.

– У... тебя... совсем нет милосердия? – невольно удивился умирающий.

– А ты проявил милосердие к моей матери? – В ее глазах вдруг запылала иступленная ненависть. – Нет, не проявил. И я тебя тоже не пожалею, свинья! Ни за что!

Винкт умудрился изобразить жалкое подобие хищной ухмылки – они с этой девочкой поняли друг друга: он ведь действительно не проявил по отношению к ее красивой белокурой матери ни милосердия, ни доброты. И Винкт вдруг задумался: знай он свою судьбу заранее, сделал бы снова то же самое? И решил, что сделал бы. Смерть есть смерть, а светловолосая девица стоила того. Мужчины умирали и за меньшее. Он несколько раз моргнул, пытаясь рассеять туман перед глазами и получше разглядеть сидевшую рядом с ним девочку. Хм... на лицо – уже маленькая красавица, а тело еще детское, несформировавшееся.

– Все женщины... умоляют... под мужчиной, – пробормотал Винкт Секст. – Разве... твоя мать... никогда тебе об этом не говорила?

Зенобия отвела глаза и окинула взглядом пустыню. Она не очень-то поняла, что сейчас сказал этот человек. Солнце уже закатилось, и на землю опустилась ночь. Вокруг весело пылали бивачные костры, а серебристые звезды молча взирали на нее сверху вниз.

Снова посмотрев на галла, Зенобия тихо проговорила:

– Ты будешь умирать медленно, римлянин, а я останусь рядом, чтобы увидеть все до конца.

Винкт Секст едва заметно кивнул. Что ж, месть – это то, что он мог понять. И такую девочку вполне можно уважать, пусть даже она всего лишь ребенок.

– Я сделаю... все, что смогу... лишь бы порадовать тебя, – прошептал он с презрительной усмешкой и снова впал в беспамятство.

Когда он опять открыл глаза, вокруг стояла крошечная тьма, лишь пламя костров освещало песок. А ребенок по-прежнему сидел рядом с ним – неподвижный, но настороженный. Тут умирающий вновь потерял сознание, а очнулся, когда уже занималась заря. Он смотрел, как рассвет ползет по песку, протягивая все дальше свои изящные пальцы – лиловые, розовые и алые. Боль никуда не ушла: напротив, стала еще сильнее, и было ясно, что смерть уже совсем рядом.

Узкие рубцы у него на спине за ночь загноились, и тысячи муравьиных укусов невыносимо горели и жгли. Сыромятные путы на ногах окончательно высохли и теперь мучительно врезались в щиколотки. В горле пересохло настолько, что и сглотнуть было больно. Солнце у него над головой поднималось все выше и ужасно слепило – даже в те мгновения, когда он замуривался. Он слышал, как его еще живые приятели, висевшие на крестах, стонали и кричали, взывая к своим богам и матерям, но не мог повернуть голову, чтобы посмотреть на них.

– Пятеро уже мертвы, – злорадно сказала девочка. – Вы, римляне, не такие уж и выносливые. Бедави выдержал бы не меньше трех дней.

Вскоре стоны прекратились, и она объявила:

– Ты остался один, римлянин, но могу сказать, что и ты протянешь недолго: твои глаза уже подернулись молочной пеленой, дыхание стало хриплым.

Винкт знал, что она права, потому что и сам чувствовал, как дух покидает его тело. Он закрыл глаза – и вдруг оказался в лесах своей родной Галлии. Высокие деревья, зеленые и стройные, тянулись к небу, а их ветви покачивались на легком ветерке. Впереди раскинулось прекрасное голубое озеро... Он едва не закричал от радости, и его губы словно сами собой прошептали:

– Вода, вода...

– Никакой воды, – безжалостно ворвался в чудесное видение детский голос.

Винкт Секст открыл глаза и увидел пылающее раскаленное солнце. Не выдержав, он открыл рот и громко тоскливо завыл. Последнее, что он услышал, был торжествующий смех девочки. И этот смех сопровождал его до самой преисподней, хотя мертвое тело центуриона осталось лежать на песке.

Наконец Зенобия встала и покачнулась – у нее онемели ноги: она просидела возле Винкта Секста больше восемнадцати часов и за все это время ни съела ни крошки, не выпила ни глотка воды. Вдруг ее подхватила пара сильных рук, а затем она увидела лицо своего старшего брата Акбара, смотревшего на нее с восхищением.

– Ты настоящая бедави, – сказал он, сверкая белозубой улыбкой. – Я горжусь тобой, сестренка. Ты стойкая и выносливая – как любой из наших воинов. Поверь, я готов сражаться рядом с тобой в любую минуту.

Эти слова брата доставили ей огромное удовольствие, но она только спросила:

– А где отец? – И голос ее внезапно прозвучал совсем по-взрослому.

Акбар вдруг вздохнул и тихо ответил:

– Наш отец отправился похоронить твою матушку с честью и достоинством, каких она заслуживает. Она будет покоиться в гробнице, в саду возле нашего дома.

Зенобия удовлетворенно кивнула и сказала:

– Он умолял, Акбар. В какой-то момент он умолял точно так же, как вынудил умолять мою мать. – Она немного помолчала, словно обдумывая свои слова, затем негромко добавила: – Я никогда не буду умолять, Акбар! Что бы со мной в жизни ни случилось, умолять я не буду никогда!

Акбар крепко прижал сестру к груди и так же тихо проговорил:

– Никогда не говори «никогда», Зенобия: иной раз жизнь играет с нами странные шутки. Всем известно: боги капризны и не всегда добры к нам, простым смертным.

– Я никогда не буду умолять, – твердо повторила Зенобия и улыбнулась: – Кроме того... Разве я не любима богами, Акбар? Они всегда займут мою сторону.

Глава 2

Оденат, принц Пальмиры, сидел на коне, наблюдая за маневрами верблюжьих войск бедави. Все воины были великолепно обучены и безукоризненно выполняли команды своего командира. Чуть повернувшись в седле, принц проговорил:

– Что ж, кузен мой Забаай, если все твои воины обучены точно так же и если все твои командиры столь же умелы, то непременно настанет тот день, когда мы выгоним римлян из нашего города.

– Пусть боги исполнят твоё желание, господин мой принц. Слишком долго висит на наших шеях это ярмо, и каждый год римляне забирают все больше тех наших богатств, что поступают к нам из Индии и Китая. Мы постоянно нищем, пытаюсь удовлетворить их ненасытные аппетиты.

Оденат утвердительно кивнул и тут же спросил:

– Ты представишь меня командиру твоих верблюжьих войск? Мне хотелось бы поблагодарить его за умелое руководство.

Забаай спрятал улыбку.

– Конечно, мой господин.

Он поднял руку, подавая сигнал, и верблюжья кавалерия, развернувшись, помчалась в сторону пустыни. Затем воины снова развернулись, с бешеной скоростью прискакали обратно – и стали как вкопанные перед Оденатом и Забааем.

– Принц желает выразить тебе своё уважение, командир, – сказал Забаай, обращаясь к одному из всадников.

Предводитель отряда тотчас соскользнул с верблюда и низко поклонился принцу.

– Ты хорошо командуешь своими людьми, – сказал Оденат. – Надеюсь, однажды мы с тобой сможем поехать на верблюдах бок о бок.

– Это будет огромная честь для меня, мой господин, хотя я не привыкла делить командование с другими.

С этими словами командир откинул свой бурнус, и правитель Пальмиры посмотрел в лицо прекраснейшей из женщин, а она засмеялась и сказала:

– Разве ты не узнал меня, кузен?

– Зенобия?... – пробормотал принц в изумлении.

«Нет, это не может быть Зенобия! – воскликнул он мысленно. – Ведь Зенобия всего лишь дитя!» Принц никак не мог поверить, что эта похожая на статуэтку богиня была тем самым длинноногим ребенком, которого он помнил. А впрочем... Ведь с их последней встречи прошло три с половиной года...

– Ты слишком пристально смотришь на меня, – сказала она.

– Что?... – в растерянности пробормотал Оденат, совершенно сбитый с толку.

– Ты слишком пристально смотришь на меня, мой господин. Что-нибудь не так?

– Ты изменилась, – пробормотал принц.

– Да, конечно. Мне почти пятнадцать.

– Пятнадцать? – переспросил Оденат с глупейшим видом.

Тут Забаай взглянул на дочь и сказал:

– Можешь идти, Зенобия. Мы ждем тебя к вечерней трапезе.

– Да, отец. – Девушка повернулась, взялась за уздечку и, легко запрыгнув обратно в седло, скинула руку и повела свой отряд в сторону пустыни.

А двоюродные братья тем временем вошли в палатку Забаая бен-Селима, и принц Пальмиры тотчас спросил:

– Ты ведь предлагал мне свою дочь в жены несколько лет назад, не так ли?

– Да, предлагал, – кивнул Забаай.

– Но ты, кажется, сказал, что девочка должна стать моей женой через год-другой, верно?

– Да, это так мой господин.

– И, следовательно, сейчас, когда прошло три с лишним года... Она ведь уже достигла зрелости?

– Да, мой господин. – Забаай с трудом удерживался от смеха. Вожеление Одената было совершенно очевидным.

– Так почему она до сих пор не жена мне? – пробормотал принц, не скрывая своей растерянности.

– Мне ничего не предлагалось, мой господин. Поскольку ты официально не попросил у меня руки моей дочери, я был вынужден заключить, что у тебя к ней нет никакого серьезного интереса. Кроме того, всем известно, как ты предан своей фаворитке Делиции. Она уже подарила тебе двух сыновей, верно?

– Делиция всего лишь наложница, – возразил Оденат. – И ее сыновья мне не наследники. Только сыновья моей жены будут достойны этой привилегии.

– У тебя нет жены, – напомнил Забаай бен-Селим.

– Не играй со мной, кузен! – воскликнул Оденат. – Ты прекрасно знаешь, что я хочу в жены Зенобию. Знал, что я захочу, стоит мне ее увидеть. Почему ты просто не представил мне ее? Зачем все эти глупые игры с верблюдом корпусом?

– Это совсем не игры, мой господин. Зенобия вот уже два года командует собственным корпусом. Если я позволю тебе жениться на ней, то лишь при условии, что ты поймешь: она вольна сама распоряжаться собой. Она не украшение, которое можно запереть в гареме как красивую драгоценность в шкатулке. Моя дочь ведет свое происхождение от правителей Египта и свободна как ветер. Ты не сможешь запереть ветер, Оденат.

– Я соглашусь на любые твои требования, Забаай, но я хочу Зенобию! – опрометчиво пообещал принц.

– Во-первых, я хочу, чтобы вы с ней получше узнали друг друга. Может, у Зенобии уже тело женщины, но если речь заходит об отношениях с мужчиной... в подобных случаях она еще ребенок.

– Она все еще девственница?

Забаай криво усмехнулся.

– Не то чтобы молодые люди моего племени не пытались... тем не менее моя дочь еще девственница. Видишь ли, очень трудно заняться любовью с девушкой, которая почти во всем тебя превосходит. Зенобия, как ты наверняка заметил, очень высокая для девушки. Такой рост она унаследовала от своих греческих и египетских предков, а не от бедави. Она ведь не меньше тебя ростом, Оденат. Во всяком случае, она не смотрит на тебя снизу вверх, как твоя Делиция. Зенобия будет смотреть тебе прямо в глаза.

– Почему ты не предложил мне ее еще раз, Забаай? Только правду, кузен мой.

Забаай бен-Селим тихо вздохнул.

– Потому что я не хочу никому ее отдавать, Оденат. Она моя единственная дочь, дитя Ирис... Пойми, когда она покинет меня, я буду очень тосковать. Но если ты женишься на ней, то обрешь интересную спутницу жизни. Она не будет жеманничать перед тобой, как многие женщины из гаремов. Она станет тебе не только любовницей, но и другом. Готов ли ты, мужчина, принять женщину на таких условиях?

– Да! – тотчас последовал решительный ответ.

– Да будет так! – произнес вождь бедави. – Если после того, как вы лучше узнаете друг друга, Зенобия не будет иметь возражений, можешь взять ее в жены.

– А можно мне сообщить ей об этом? – спросил Оденат.

– Нет, кузен. Я сам ей сообщу. Причем сделаю это немедленно – чтобы между вами не оставалось ни смущения, ни сдержанности.

Затем мужчины расстались – принц вернулся в свою палатку, а вождь бедави направился к шатру дочери. Она обтиралась губкой, смоченной в небольшом тазике с душистой водой, и, как обычно, ворчала по поводу нехватки в пустыне драгоценной жидкости. И все же Зенобия старалась не расходовать воду понапрасну и использовала ее по несколько раз – между омовениями хранила в бурдюке из козьей кожи.

– Хвала Юпитеру, что мы вот-вот вернемся в Пальмиру! – приветствовала она Забааю. – Ты даже не представляешь, отец, как я мечтаю о настоящей купальне!

Забааю бен-Селим хмыкнул и, сев на ковер и скрестив ноги, сказал:

– Оденат хочет на тебе жениться.

– Разве не этого ты хотел для меня все эти годы? – Девушка взяла небольшое полотенце и смахнула несколько капель воды, попавших на стол.

– Рано или поздно тебе все равно придется выйти замуж, Зенобия. Но я хочу, чтобы ты была счастлива. Оденат богатый, воспитанный и умный молодой человек. И все же... Если ты предпочитаешь кого-то другого – все исполнится по твоему желанию, дитя мое.

– В принце меня беспокоит только одно... – в задумчивости проговорила Зенобия. – Очень жаль, что он так легко уступает римлянам – вообще без борьбы. Знаешь, я этого не понимаю...

Забааю едва заметно улыбнулся.

– Все очень просто, Зенобия. Пальмиру, как тебе известно, основал Соломон Великий, царь Израиля. И она всегда была торговым государством. Нас никогда не интересовало расширение границ, и мы не захватывали земли соседей. Наш единственный интерес в том, чтобы зарабатывать деньги. Поскольку же все нуждались в нас и в наших талантах – да мы еще и расположены в сирийской пустыне, – нас никто не трогал. Но Рим – завоеватель, и, как всякий захватчик, боится своих соседей. Пальмира стала для Рима аванпостом против Персии, Китая и Индии. Однако мы – люди торговые, а не солдаты, и поэтому у нас никто никогда не готовился к обороне. В конце концов, нам это и не требовалось. И если Оденат сейчас попытается свергнуть власть Рима, то римляне уничтожат город. Он делает самое умное, что только может, – радушно принимает их, спасая таким образом всех нас. Так что не суди его слишком строго. Когда же придет время, он выгонит их с нашей земли, и тогда мы снова станем сами себе хозяева.

– Если я выйду за принца, будут ли мои дети его наследниками? Сплетни утверждают, что он очень привязан к одной из своих наложниц и ее детям. Я не потерплю, чтобы чьи-то дети заняли место моих.

– Твои дети будут его законными наследниками, дочь моя.

– Тогда я выйду за него, отец, – ответил Зенобия.

– погоди, дитя мое, – предостерег ее Забааю. – Прежде чем согласиться на этот брак, узнай Одената поближе. А потом... Если ты и тогда захочешь выйти за него, то так тому и быть.

– Но ты же сказал, что рано или поздно мне все равно придется выходить замуж, отец. Принц сделал мне предложение, и я его принимаю. Если я должна выйти замуж, то пусть это будет мужчина, живущий в Пальмире. И тогда мне хотя бы больше не придется ездить в твою пустыню.

Глаза Зенобии лукаво сверкнули, и Забааю невольно рассмеялся. Как же он любит эту малышку!

– Принц очень красив, – продолжила девушка. – Он всегда был добр ко мне, и я ни разу не слышала, чтобы люди называли его несправедливым правителем. Кажется, что в нем вообще нет злости.

Зенобия прекрасно понимала: каким бы справедливым ни хотел быть ее отец, отказать принцу не сможет, – но все же была благодарна отцу за то, что хотя бы делал вид, будто оставлял выбор за ней.

– Но ты ничего не сказала о любви, дитя мое. Чтобы брак получился успешным, между мужчиной и женщиной должна быть любовь. В тот миг, когда я много лет назад увидел в Александрии твою мать, сразу понял, что полюбил ее, а она поняла, что полюбила меня. Любовь поддерживает мужчину и женщину в тяжелые для обоих времена.

– Ваша с мамой история очень необычна, отец. Тамар говорит, что любовь – это чувство, которое, как правило, вырастает между мужчиной и женщиной постепенно. Я верю, что со временем смогу полюбить Одената, а он уже любит меня, я вижу. Ты заметил, как он вел себя сегодня? Мне не хотелось смеяться над ним, но он так глупо выглядел с раскрытым ртом!

Зенобия хихикнула, а Забаай подумал, что сейчас не вполне подходящее время объяснять дочери разницу между похотью и любовью. Пусть девочка верит, что Оденат уже влюблен в нее. И пусть принц получит это небольшое преимущество.

– Прихорощись, дитя мое, – посоветовал он и поцеловал дочь в щеку. – Ты сегодня вечером можешь поужинать с нами, а не с женщинами.

Оставшись одна, Зенобия повернулась к круглому зеркалу из отполированного серебра и в задумчивости посмотрела на свое отражение. Все говорили, что она красавица. Что ж, по сравнению с другими девушками племени, возможно, и так, но сможет ли она соперничать с женщинами Пальмиры? Сочтет ли Оденат ее самой красивой? Кроме того... Она знала о его наложнице Делиции, и было очевидно, что ей придется смириться с этой женщиной. Рабыня из северной Греции, Делиция, по слухам, была необычайно красивой – светлокожей, с лазурными глазами и белокурыми волосами.

Зенобия окинула себя критическим взглядом: бледно-золотистая кожа, щеки на овальном лице чуть тронуты абрикосовым оттенком, длинные густые темные волосы, шелковые на ощупь... «Должно быть, они очень нравятся принцу», – подумала она, вспомнив, что он прежде часто гладил ее по волосам.

Зенобия пристально всматривалась в свое отражение. Конечно, для женщины рост у нее чересчур высокий, но зато тело безупречно – с нужными округлостями, но не толстое. Зенобия изящными руками приподняла груди и внимательно посмотрела на них. Округлые, крепкие и пышные... Она знала, что мужчины очень ценили именно такие женские груди, так что в этом смысле все было в порядке. Талия тонкая, а бедра округлые – тоже очень неплохо. А лицо... Зенобия внимательно всмотрелась в него.

Скулы высокие, нос прямой, классический... Губы чуть полноватые, а подбородок маленький. Но главное – глаза, решила Зенобия. Да, глаза – вот что самое лучшее в ней. Миндалевидной формы, с тонкими, изогнутыми дугой черными бровями, обрамленные густыми черными ресницами, они были насыщенного серого цвета с крохотными золотыми крапинками, похожими на листья в зимнем пруду. В такие глаза захочется заглянуть любому мужчине, не устоит никто. И эти чудесные глаза отражали ее душу, выдавали все ее секреты тому, у кого хватало мудрости заглянуть в них поглубже, но этого Зенобия по молодости своей еще не понимала.

– Если он не сочтет тебя самой красивой женщиной на свете, значит, он слеп на оба глаза, сестричка, – послышался у нее за спиной веселый голос старшего брата.

Зенобия отвела взгляд от зеркала и обернулась.

– Я тревожусь из-за его любимой наложницы, Акбар. Мужчины пустыни падки на светлых женщин.

– Он на ней не женился, – возразил брат.

– Да, верно, потому что она рабыня. Наши мужчины не женятся на рабынях. Могут их любить, но в жены не берут. Но что, если он любит ее, а на мне решил жениться просто ради

наследников? Меня ведь всю жизнь окружала любовь... Я не смогу без нее жить! Ах, что, если он меня не любит?

– Ты не обязана выходить за него, сестричка. Отец сказал, что не станет тебя принуждать.

– Но мне почти пятнадцать, дорогой мой брат. Большинство девушек моего возраста замужем уже два года, и у них есть дети. А вдруг я никогда не найду ту любовь, что существует между мужчиной и женщиной? Но если я не выйду за принца Одената, то за кого я выйду? Кто захочет в жены образованную женщину? Я часто думаю, не оказали ли мне родители дурную услугу, дав образование. Может, я была бы более счастлива, не умея ничего, кроме того, что положено уметь женщине. – Зенобия вздохнула и упала на ложе.

Акбар с изумлением посмотрел на сестру, затем расхохотался.

– Клянусь Юпитером, ты боишься! Вот уж не думал, что наступит день, когда Зенобия бат-Забаай испугается, но он настал! Ты боишься, что не понравишься Оденату! Боишься голубоглазой светловолосой шлюхи! Зенобия, сестра моя, несчастный принц Пальмиры уже наполовину влюблен в тебя. Если ты будешь добра к нему, он станет твоим преданным рабом на всю жизнь. Ему только и нужно, что немного поощрения. А что до наложницы, Делиции... Да, конечно, он к ней привязан: она весьма привлекательна, – но не можешь же ты ее бояться?

– Говорят, она такая... такая женственная, а я лучше управляюсь с оружием, чем с флаконом духов.

– Ты единственная в своем роде, сестрица.

– Скажи, Акбар, а тебе понравилась бы такая, как я? – неожиданно спросила Зенобия.

Озабоченность, отразившаяся на ее юном личике при этом, была такой напряженной, что у ее брата даже сердце заныло.

– Слишком легкая победа может быть приятной, но очень скучной, сестра моя. Будь с Оденатом самой собой, и тогда он полюбит тебя. – Акбар подошел к младшей сестренке, наклонился и поцеловал. – Хватит мучиться печальными мыслями, глупое дитя. Лучше прихорощись перед встречей с принцем. Я скоро вернусь и провожу тебя в отцовскую палатку на ужин.

С этими словами брат ушел, и почти тотчас же в шатер вошла Баб. «Дорогая моя Баб... – подумала Зенобия. – Как она обрадуется, узнав, что снова будет жить в цивилизованном городе!» Баб была служанкой ее матери и вместе с Ирис приехала из Александрии. Когда Ирис погибла, она просто перешла к Зенобии и продолжила выполнять свои обязанности. Но Баб уже старела, и кочевать по пустыне ей становилось все тяжелее. Девушка с ласковой улыбкой смотрела, как старушка ходила по шатру, выбирая для своей хозяйки одежду на вечер.

– Ах как твоя дорогая матушка обрадовалась бы этому браку! – проговорила Баб. – Твой сын будет следующим правителем Пальмиры после Одената.

– Да, если я выйду за него, – с улыбкой ответила Зенобия. – И тогда ты в свои преклонные годы сможешь жить в городе, а не в пустыне.

– В преклонные годы? – нахмурившись, переспросила Баб. – Это у меня-то преклонные годы? Я служила твоей матери, служу тебе и надеюсь послужить еще и твоей дочери! Преклонные годы! Ха! – Баб наклонилась над кедровым сундуком и вытащила из него белую хлопковую сорочку и белоснежную тунику. – Наденешь вот это.

Зенобия кивнула и сбросила с себя короткий черный хитон. Служанка взяла морскую губку, окунула в душистое масло и провела по обнаженному телу хозяйки. Девушка радостно улыбнулась – она обожала гиацинтовый аромат. И, конечно же, она прекрасно помнила, что мать подарила ей маленький флакончик таких духов в ее десятый день рождения.

Баб надела на нее сорочку и тунику из тончайшего полотна, которую подпоясала ремешком из кожи, украшенным серебряными вставками. Затем она надела на изящные ножки Зенобии расшитые серебром сандалии. Окинув девушку внимательным взглядом, Баб усадила ее и долго расчесывала длинные черные волосы, затем заплела их, свернула петлей и закрепила заколкой, украшенной жемчугом и бриллиантами. Потом подала своей юной хозяйке неболь-

шую шкатулку с драгоценностями. Зенобия некоторое время смотрела в нее, разглядывая украшения, наконец извлекла три резных серебряных браслета: из слоновой кости, опоясанный серебром, из отполированной синей ляпис-лазури, – когда-то принадлежавших ее матери. Их она надела на одну руку, в уши вставила серьги из серебра и ляпис-лазури, а на пальцы надела два кольца: одно с большой круглой кремовой жемчужиной, а другое – в виде скарабея из ляпис-лазури – кольцо это тоже когда-то принадлежало матери.

Баб кивнула, одобряя выбор Зенобии, и, взяв небольшую кисточку, окунула ее в краску для век. Очень аккуратно она подвела девушке глаза, чтобы оттенить их, а губы и щеки Зенобии в краске не нуждались. Потом девушка взяла флакончик слоновой кости, откупорила и нанесла на себя духи с экзотическим ароматом гиацинта. Встав, она посмотрела на себя в зеркало и заключила:

– Ну, полагаю, красивее уже некуда, верно, Баб?

Служанка радостно улыбнулась.

– Не беспокойся: он будет в полном восторге, детка!

Зенобия тоже улыбнулась, но в ее улыбке не было особой уверенности.

Забаай бен-Селим любил комфорт. Его палатку установили на невысоком помосте, который для удобства транспортировки разбирался на несколько частей. Пол внутри устилали толстые шерстяные ковры красных, голубых, золотых и кремовых оттенков. Шесты палатки были позолочены, а с потолка свисали прекраснейшие бронзовые и серебряные лампы, в которых горело душистое масло. Довольно просторная, эта палатка разделялась на две половины – небольшое спальное пространство было отгорожено шелковыми занавесями из Персии. Мебель же была простая – низкие столики из дерева и бронзы, кедровые сундуки, а также множество разноцветных подушек для сидения.

Помимо принца и отца там находились еще несколько мужчин. Кроме Акбара Зенобия увидела и других своих братьев – Гуссейна, Хамида и Селима, сыновей Тамар. И все они многозначительно заулыбались, заметив сестру. Щеки Зенобии тотчас же порозовели от смущения, что вызвало у них самодовольные улыбки. И почему-то эти их улыбки вызвали в сердце и мыслях сестры мятежный порыв. «Как смеют они считать, что все уже решено?» – мысленно воскликнула Зенобия.

– Иди сюда, дочь моя, и садись между нами, – с улыбкой проговорил Забаай.

Он заметил, как запылали глаза дочери, и понял, что она рассержена.

Зенобия молча села и опустила глаза. Она злилась на себя из-за того, что вдруг оробела. Безмолвные рабы начали разносить блюда – зажаренного молодого козленка, а также рис с изюмом. Зенобия пришла в восторг, обнаружив в центре стола целую композицию из фруктов – такого она не видела с тех пор, как полгода назад племя покинуло Пальмиру. Виноград – пурпурный и зеленый, – фиги и финики, персики и абрикосы!.. Она радостно улыбнулась и потянулась к абрикосу.

– За эту щедрость ты должна поблагодарить Одената, Зенобия, – пояснил отец.

– Ты привез фрукты из Пальмиры? – Она подняла на принца свои дивные глаза, и на мгновение ему показалось, что он тонет в их глубинах.

Наконец принцу удалось обрести дар речи, и он с улыбкой ответил:

– Я вспомнил, как ты не любишь кочевать по пустыне, и подумал, что ты наверняка успела стосковаться по свежим фруктам.

– Ты привез их для меня? – Смущенно спросила Зенобия.

– Вот видишь, Оденат, как легко ей угодить, – поддразнил принца Акбар. – Другая женщина потребовала бы изумрудов и рубинов, но моей маленькой сестричке довольно и абрикосов. Неприязательность – восхитительное качество для жены.

– Благодарю тебя за фрукты, мой господин, – пробормотала Зенобия и снова погрузилась в молчание.

Забаай же обеспокоился: «Совсем не похоже на Зенобию – вести себя так робко и молчаливо. Уж не заболела ли?» Но вдруг сообразил, что и принц был не очень-то разговорчив. Они с Зенобией вели себя как два молодых зверька, впервые оказавшихся в одной клетке. Ходили, настороженные, кругами и принюхивались – не пахнет ли опасностью? Вождь бедави мысленно усмехнулся, вспомнив, как вел себя в молодые годы с каждой новой девушкой – с каждой, кроме Ирис. С Ирис все было по-другому. Его немного тревожило, что Зенобия вроде бы неохотно разговаривала с принцем Оденатом, но с другой стороны, ведь ее впервые представляли жениху...

Трапеза завершилась сладкими слоеными лепешками с медом и мелко нарубленными орехами. На протяжении всего ужина подавалось чудесное греческое вино, и мужчины расслабились. Зенобия же выпила очень мало и была слишком чувствительной к поддразниванию братьев, хотя обычно в долгу не оставалась.

Наконец Забаай откашлялся и, взглянув на дочь, произнес:

– Дорогая, сегодня луна взойдет очень поздно, и на небе хорошо видны звезды. Пригласи с собой Одената и продемонстрируй ему свои познания в астрономии. – Посмотрев на кузена, добавил: – Ты можешь отвезти Зенобию в любое место на этих землях, мой принц, и она найдет дорогу обратно в Пальмиру – звездное небо будет ей проводником.

– Во дворце у меня прекрасная обсерватория, – отозвался Оденат. – Я надеюсь, Зенобия, ты когда-нибудь ее посетишь.

Он поднялся и, протянув руку девушке, помог встать. Они вместе вышли из палатки, а Забаай строго взглянул на сыновей, пресекая их непристойные шутки.

Зенобия и Оденат медленно побрели по лагерю, и девушка, украдкой поглядывая на принца из-под длинных ресниц, думала: «Он и в самом деле очень красив...» В отличие от ее отца и братьев, носивших длинные облегающие одежды бедави, Оденат был в короткой тунике, а поверх нее надел кожаную нагрудную пластину и красный походный плащ. Зенобия мысленно одобрила эту простую и удобную одежду, а также сандалии принца – прочные и практичные.

Они шли, держась за руки, и в какой-то момент Зенобия заметила, что ладонь у жениха сухая, крепкая и мозолистая и подумала: «Это тоже хороший знак», а затем, взглянув на небо, проговорила:

– Прямо над нами находится планета Венера. Когда я родилась, Венера и Марс находились в сближении. Астроном-прорицатель, присутствовавший при моем рождении, предсказал, что я буду удачлива и в любви, и в войне.

– И как, была? – спросил Оденат.

– Меня всегда любили братья и родители, а про войну я ничего не знаю.

– И ни один юноша не признавался тебе в вечной любви?

Зенобия остановилась и немного подумала.

– Были молодые люди, которые вели себя со мной очень глупо, просто как молодые козлы, пытавшиеся привлечь внимание желанной козы.

– Ты хочешь сказать, что они бодались? – со смехом уточнил Оденат.

Зенобия хихикнула.

– Они делали все, кроме этого, однако я не думаю, что это и есть любовь.

– Может быть, ты просто не давала им возможности признаться в любви – как, например, сегодня вечером отказывала в этом и мне. – Принц повернулся к ней, теперь они стояли лицом к лицу, но Зенобия почти тотчас же в смущении отвернулась. – Посмотри на меня, милая, – тихо попросил Оденат.

– Не могу, – прошептала в ответ девушка.

– Как странно... – Принц мягко улыбнулся. – Женщина, которая командует верховым отрядом, не может взглянуть на мужчину, который ее любит? Я не съем тебя, Зенобия... Во всяком случае – пока, – добавил он со смехом. – Посмотри же на меня, мой цветок пустыни. Взгляни в глаза влюбленному принцу, готовому положить к твоим ногам свое сердце.

В следующее мгновение их взгляды встретились, и Зенобия задрожала, хотя ночь была довольно теплая. Оденат нежно и осторожно водил изящными пальцами по ее лицу – очертил подбородок, коснулся высоких скул, провел кончиками пальцев по носу, по губам...

– Твоя кожа как лепесток розы, мой цветочек, – пробормотал он низким страстным голосом.

Зенобия опустила голову, и теперь взгляд ее был прикован к земле. Ей казалось, что она вот-вот лишится чувств, и было очень трудно дышать. Она неуверенно переступила с ноги на ногу и вдруг покачнулась, но мускулистые мужские руки тотчас подхватили ее. И Зенобия даже не представляла, какой соблазнительной она казалась принцу: влажные коралловые губки чуть приоткрыты, а темно-серые глаза широко распахнуты. Близость девушки ужасно возбуждала Одената, однако он сохранял контроль над своими желаниями. «Как было бы просто заняться с ней любовью прямо сейчас, – думал он. – Уложить ее на песок и увлечь за собой. О, с каким удовольствием я обучал бы эту прелестную девушку искусству любви!» Но инстинкт предупредил его, что еще не время. Поэтому он лишь крепко обнял ее и произнес:

– Мы должны лучше узнать друг друга, мой цветочек. Ты знаешь, что я намерен взять тебя в жены, но я люблю тебя и поэтому хочу, чтобы ты была счастлива. Если же, став моей женой, ты начнешь грустить, то пусть лучше этого и вовсе не случится. Ты окажешь мне честь, если проведешь это лето у меня во дворце. Так мы сумеем узнать друг друга под покровительством наших семей.

– Я... я должна спросить отца, – тихо отозвалась Зенобия.

– Я уверен, что Забаай бен-Селим согласится. – Оденат отпустил девушку, потом взял за руку и повел обратно к лагерю. Проводив невесту до шатра, он вежливо поклонился и пожелал ей спокойной ночи.

Зенобия в растерянности вошла в шатер и осмотрелась. Баб дремала, сидя у жаровни, и девушка с облегчением вздохнула – ей сейчас хотелось посидеть в тишине и подумать. Она была совершенно сбита с толку. Казалось, принц Оденат что-то пробудил в ее душе, но она сомневалась, что это и была та самая любовь, что возникает между мужчиной и женщиной. Да и откуда ей это знать? Она ведь никогда не испытывала ничего подобного. Зенобия так шумно вздохнула, что Баб, вздрогнув, проснулась.

– Ты уже вернулась, дитя? – Пожилая няня медленно поднялась на ноги. – Позволь помочь тебе подготовиться ко сну. Хорошо ли ты провела вечер? Погуляла с принцем? Целовал он тебя?

Зенобия засмеялась.

– Столько вопросов, Баб! Да, вечер прошел приятно, но принц меня не поцеловал, хотя в какой-то миг мне показалось, что вот-вот это сделает.

– Но ты же не побила его, как тех юношей из племени? – заволновалась Баб.

– Нет, не побила. И даже если бы он попытался меня поцеловать, то все равно бы не ударила.

Баб с удовлетворением кивнула и подумала: «Принц определенно решил завоевать мою прелестную девочку, и это хорошо. Причем он явно человек чувствительный, и это тоже похвально. Зенобию, этого маленького шершня, можно завоевать только сладкоречивыми убеждениями, а сила будет губительной».

Баб помогла своей юной хозяйке раздеться и уложила ее в постель.

– Спокойной ночи, дитя мое. – Она наклонилась и поцеловала девушку в лоб.

– Он хочет, чтобы я провела лето в его дворце, – проговорила Зенобия. – Как ты думаешь, отец согласится?

– Конечно, согласится! А сейчас спи, дорогая моя. И пусть тебе приснится сон про твоего прекрасного принца.

– Спокойной ночи, Баб, – послышалось в ответ.

К полудню следующего дня они свернули лагерь и направились обратно в великий город-оазис. Принц ехал рядом с Зенобией. Верхом на верблюде она оказалась куда более разговорчивой, чем предыдущим вечером, а два дня спустя, когда вдаль показался город, они уже были почти друзья. Принц расстался с караваном у дома Забаая бен-Селима и отправился во дворец, чтобы подготовиться к появлению Зенобии.

Его встретила мать, Аль-Зена, некогда персидская принцесса. «Аль-Зена» по-персидски означает «женщина» – воплощение красоты, любви и верности. И все это присутствовало в элегантной матери Одената. Несмотря на свой миниатюрный рост, осанкой она обладала поистине царственной, кожей – белой как снег, а волосами и глазами – черными как безлунная ночь. Больше всего на свете Аль-Зена любила сына, своего единственного ребенка. Эта женщина с сильной волей не желала иметь серьезных соперников, претендовавших на внимание Одената, и потому была непопулярна среди жителей Пальмиры в отличие от сына, любившего и защищавшего свой город.

Аль-Зена узнала о возвращении Одената еще до того, как он въехал в ворота дворца, но предпочла дожидаться, когда он сам к ней придет. Расхаживая по приемному залу своих покоев, Аль-Зена взглянула в серебряное зеркало, и увиденное очень ее приободрило. Она все еще красива – лицо, хоть ей уже сорок, было почти без морщин, а в черных как ночь волосах – ни одного седого волоска. Сегодня она оделась по парфянской моде – вишневого цвета шаровары и туника, бледно-розовая безрукавная блуза, расшитая золотой нитью и мелким речным жемчугом. На ногах ее были золоченые кожаные сандалии, а волосы она уложила в высокую замысловатую прическу из кос и кудрей, и украсила ее мерцающими бусинами цвета граната.

Аль-Зена заметила восхищение во взоре сына, когда он к ней вошел, и это доставило ей удовольствие.

– Оденат, любимый мой... – пробормотала она хрипловатым голосом, составлявшим резкий контраст с ее женственной внешностью и обняла сына. – Я очень по тебе скучала, дорогой. Где ты пропадал последние несколько дней?

Принц широко улыбнулся матери и усадил ее на мягкую скамью.

– Я был в пустыне, мама, в лагере моего двоюродного брата Забаая бен-Селима. И пригласил его дочь Зенобию провести лето здесь, во дворце.

Аль-Зена ощутила холодок дурного предчувствия и не ошиблась:

– Я бы хотел жениться на Зенобии, но она еще слишком юна и колеблется. Вот я и подумал, что если она проведет лето здесь и хорошенько познакомится с нами, то уверенности у нее прибавится. Отец, конечно, может просто приказать ей выйти за меня, но я бы предпочел, чтобы она и сама этого захотела.

Аль-Зена была совершенно не готова к таким новостям. Ей требовалось время подумать, но сначала она решила пойти напрямую.

– Оденат, у тебя еще много времени, и ты успеешь жениться. К чему такая спешка?

– Мама, мне уже двадцать пять. К тому же мне нужны наследники.

– А как же дети Делиции?

– Они мои сыновья, но наследниками быть не могут. Это же дети рабыни, наложницы. Да ты и сама все это знаешь... И знаешь, что я обязательно должен жениться.

– Но на девушке-бедави?... Оденат, уж наверное, ты можешь найти кого-нибудь получше.

– Зенобия только наполовину бедави, как и я, – улыбнулся Оденат. – Ее мать из прямых потомков царицы Клеопатры. Кроме того, девушка очень красивая и умная. Я хочу ее в жены – и получу.

Аль-Зена решила применить другую тактику – ту, что даст ей время подумать.

– Я прекрасно все понимаю, сын мой, и просто хочу, чтобы ты был счастлив, поэтому и беспокоюсь. Бедняжка Делиция!.. Ведь ее сердце будет разбито, когда она узнает об этом.

– Делиция не питает никаких иллюзий по поводу своего места в моей жизни, – заявил Оденат. – Ты позаботишься о том, чтобы Зенобию приняли здесь хорошо, верно, мама?

– Ну, раз уж ты так решительно настроен взять ее в жены... Хорошо, сын мой, я буду обращаться с ней как с собственной дочерью, – сладко пропела Аль-Зена.

Оденат поднялся и поцеловал мать.

– Спасибо, мама. Ничего другого я от тебя и не ожидал. – Принц улыбнулся и поспешно вышел из зала, решив навестить свою любимую наложницу Делицию.

Едва он успел выйти за дверь, Аль-Зена схватила фарфоровую вазу и в припадке ярости разбила об пол. Жена? Боги свидетели, она так надеялась это предотвратить! Наследники?! Он хотел наследников для этого города, этой навозной кучи! Пальмира, сколько бы она ни хвасталась тем, что основал ее сам царь Соломон, не шла ни в какое сравнение с древними персидскими городами – царством культуры и знаний. Это место, где она как в ссылке прожила последние двадцать шесть лет, не что иное, как куча навоза в пустыне! Ну ничего, он еще не женился. Быть может, если она поговорит с этой дурочкой Делицией... Что ж, если Оденат хочет девку из племени бедави, пусть совокупляется с ней, но сделать ее своей женой?... Нет, никогда!

Делиция приветствовала хозяина, прижавшись к нему пышным телом, и подняв лицо для поцелуя, проворковала:

– Добро пожаловать, мой господин. Я так по тебе скучала... И твои сыновья – тоже!

Принц поцеловал ее нежно, но без страсти. Что ж, Делиция, конечно, очень милая, но она уже давно ему надоела.

– Вы все здоровы? – спросил он.

– О да, мой господин. Хотя Верн упал и сильно разбил коленку. Ты же знаешь, он должен делать все то же самое, что и Лин, хотя его брат старше. – Увлекая принца к ложу, Делиция со вздохом прошептала: – Ночи без тебя такие длинные, мой господин...

Одената внезапно окутало ароматом гардений, и тут он понял, что пресытился им. Расцепив пухлые женские руки, обнимавшие его за шею, отстранился и тихо вздохнул – ему совсем не хотелось заниматься любовью со своей наложницей. Более того, Оденат с удивлением понял, что ему не хочется ложиться ни с одной из женщин гарема.

Собравшись с духом, принц проговорил:

– Делиция, хочу, чтобы ты знала: скоро я женюсь. Через несколько дней Зенобия бат-Забаай, единственная дочь моего двоюродного брата, придет в этот дворец, чтобы некоторое время пожить тут. Она станет моей женой, а ее дети – моими наследниками.

– Ее дети – твоими наследниками? А как же мои... наши сыновья?

– Ты наверняка знала, что дети наложницы не могут наследовать царство Пальмиры.

– Но госпожа Аль-Зена говорила, что твои наследники – мои дети!

– Это решать не ей. Моя мать – персиянка. Когда она вышла за отца, ей следовало стать гражданкой Пальмиры, но она не захотела и провела долгие годы, умаляя достоинства моего царства, так и не пожелав узнать его обычаи. Последуй я ее примеру, она могла бы превратить меня в самого ненавистного из всех правителей Пальмиры. К счастью, я прислушался к совету моего отца: он сказал, что я не должен жениться на чужеземке, – иначе моих сыновей научат

ненавидеть их наследие. Делиция, закон ясно говорит: дети наложницы не могут унаследовать царство Пальмиры.

– Ты можешь изменить закон, мой господин, разве нет?

– Даже не подумаю, – заявил принц. – Твои сыновья славные мальчики, но наполовину греки. А мы с Зенобией оба бедави, и наши сыновья тоже будут бедави.

– Ты наполовину перс! – воскликнула Делиция. – А у твоей драгоценной невесты, если я правильно помню, мать была гречанкой из Александрии!

– Но мы оба выросли в Пальмире, и мы оба – дети своих отцов. А наши отцы – бедави.

– Но по этой логике и наши с тобой сыновья тоже бедави, – гнула свое Делиция.

Оденат молчал, испытывая одновременно и раздражение, и грусть. Ему не хотелось обижать Делицию, но она не оставляла ему выбора. Он мысленно отчитал мать за то, что та осмелилась зародить в душе наложницы ложные надежды. Теперь он понимал, почему Аль-Зена поощряла его связь с бедняжкой Делицией, хотя всегда боялась и ненавидела женщин из его гарема.

Снова вздохнув, Оденат спросил:

– Кем были твои родители, Делиция?

– Мои родители? Какое отношение ко всему этому имеют мои родители?

– Ответь мне! Кто были твои родители? – Теперь голос принца прозвучал довольно резко.

– Не знаю. – Наложница в раздражении пожала плечами. – Я не могу этого помнить.

Меня забрали у них совсем маленькой.

– Они были вольноотпущенными?

– Не знаю.

– Расскажи мне о своих самых ранних воспоминаниях. Подумай хорошенько и скажи, что ты вспоминаешь из своей жизни прежде всего.

Делиция наморщила лоб и некоторое время размышляла, затем не очень-то уверенно проговорила:

– Первое, что я помню... Помню, как меня угощали засахаренными фруктами в афинском борделе. Я была тогда совсем маленькой, не старше четырех-пяти лет. Мужчины любили сажать меня на колени. Они меня обнимали и называли своей славной хорошенькой девочкой.

– Я купил тебя не девственницей, – напомнил принц.

– Да, конечно, нет. Мою девственность продали на аукционе в Дамаске, когда мне было одиннадцать. Я обогатила своего хозяина – больше ни одна девственница не принесла ему столько денег.

– Значит, ты была проституткой уже три года, когда я купил тебя у госпожи Раби?

– Да. Но зачем ты меня обо всем этом спрашиваешь? Ты же знал, кто я такая, когда покупал меня.

– Да, Делиция, знал. Ты неглупая женщина, так что теперь кое о чем подумай. Ты не знаешь ни своих родителей, ни своего происхождения, не знаешь даже, откуда ты родом. До того, как я тебя купил, ты была проституткой. И ты устроила представление на глазах у всей Пальмиры в тот день, когда я тебя купил. Как можно сделать наследниками царства сыновей такой женщины? Ведь законы этого города – законы самого Соломона! Моя жена должна быть безупречной. Более того, все предки моих сыновей должны иметь благородное происхождение, которое можно подтвердить. Именно таким должен быть следующий правитель Пальмиры. – Принц обнял Делицию и, поцеловав ее в висок, добавил: – Я знаю, дорогая, что ты все понимаешь. И не сердись на меня.

– Так ты женишься только ради законных наследников? – В голосе женщины прозвучали нотки надежды, и Оденат почувствовал, что обязан ее развеять.

– Я женюсь по любви, Делиция. Я всегда был с тобой честен. Я купил тебя, чтобы помешать римскому губернатору, который потешился бы тобой, а потом отослал обратно к госпоже

Раби, где тебе пришлось бы провести остаток короткой юности, ублажая каждую ночь многих мужчин. Вместо этого я купил тебя и сделал своей наложницей. И теперь у тебя есть все, чего только пожелаешь, и даже больше. Ты живешь в почете и безопасности. Ты избавлена от нищеты. И так будет до конца твоих дней, если, конечно, ты не вызовешь моего неудовольствия. – Эти последние слова прозвучали предостережением.

– А что будет с моими сыновьями? – с беспокойством в голосе спросила Делиция. – Если они не наследники тебе, что будет с ними?

– Они получают образование и будут служить Пальмире, то есть мне и моему преемнику. Твои сыновья – это мои сыновья, и им ничто не угрожает.

– Даже со стороны Зенобии бат-Забаай? – с язвительной усмешкой спросила Делиция.

– Да зачем же Зенобии желать зла твоим сыновьям? Ты ведешь себя глупо, голубка моя, потому что тебя ожесточило разочарование. Но помни: это не я и не Зенобия пообещали тебе, что твои сыновья унаследуют мое царство. Если ты злишься, Делиция, направь свою злость на ту, кто этого заслуживает. Направь ее на мою мать, потому что именно она ввела тебя в заблуждение.

Лицо Делиции покрылось красными пятнами гнева – она чувствовала себя оскорбленной и отвергнутой. Но Оденат был прав: именно Аль-Зена заставила поверить, что ее дети унаследуют небольшое отцовское царство. Делиция вовсе не была глупой. Немного подумав, она поняла, что ей очень повезло. Принц действительно избавил ее от ужасной жизни, и теперь двое ее сыновей стали гарантией того, что она сохранит за собой свое очень даже выгодное положение. Она будет редкостной душой, если разрушит все это только потому, что дети другой женщины когда-нибудь станут правителями Пальмиры.

Она чувствовала, что уже надоела своему хозяину. «Но все же – ничего страшного, – думала Делиция. – Мне ведь ничто не угрожает. И моим сыновьям – тоже. Я даже подружусь с Зенобией бат-Забаай! Это ужасно позлит старую кошку Аль-Зену!» Она улыбнулась при этой мысли и тотчас же почувствовала, что успокаивается. О, она уже предвкушала удовольствие, которое получит, когда сумеет разозлить мамашу Одената.

– Почему ты улыбаешься, голубка моя?

– Потому что поняла, что ты прав, мой господин. А я вела себя глупо. С твоего позволения я поприветствую Зенобию бат-Забаай как твою жену и мою принцессу.

Оденат радостно улыбнулся.

– Я знал, милая, что твой ум и здравый смысл преобладают. – Принц встал и еще раз поцеловал Делицию в висок. – С мальчиками я увижусь позже. А сейчас нужно отдать распоряжения, чтобы все подготовились к приему Зенобии, которая появится во дворце завтра. Все должно быть безупречно!

Чуть приподняв свои изящные брови, Делиция посмотрела ему вслед. Должно быть, Оденат и впрямь влюбился, раз собрался вникать в детали домашнего хозяйства. Наверное, Зенобия бат-Забаай уже не похожа на того худенького ребенка с мрачным взглядом, что три с лишним года назад сидел и бесстрастно наблюдал за умирающим человеком. Делиция пожалала плечами. Дворцовые интриги ее больше не касались. Пусть с ними разбирается малышка бедави.

Во второй половине следующего дня Зенобия въехала на своем верблюде в дворцовые ворота. Она нарочно выбрала час, когда большинство пальмирцев дремлют, пережидая жару, и приехала одна – ей не хотелось привлекать к себе внимание.

Аль-Зена стояла с каменным лицом, но Оденат поспешил навстречу, чтобы помочь закутанной в легкий плащ гостье спуститься на землю. Откинув капюшон, Зенобия негромко произнесла:

– Добрый день, мой господин.

– Добро пожаловать в мой дом, Зенобия, – ответил принц. – Надеюсь, скоро он станет и твоим домом, цветочек.

Зенобия смутилась, и ее бледно-золотистая кожа окрасилась персиковым румянцем.

– Как пожелают боги, мой господин, – тихо ответила девушка.

Принц повернулся, вывел вперед Аль-Зену и сказал с улыбкой:

– Познакомься, Зенобия. Это моя мать.

– Это большая честь для меня, моя госпожа, – проговорила девушка.

– Добро пожаловать во дворец... – Аль-Зена поискала подходящее слово. – Дитя. Надеюсь, твое пребывание здесь будет счастливым.

– Спасибо, госпожа, – вежливо ответила Зенобия.

Спустя несколько минут ее проводили в удобные покои, где Баб уже деловито распаковывала вещи – причем болтала, не закрывая рта. Пожилая служанка прибыла во дворец на несколько часов раньше Зенобии.

– Да-да, вот таким и должен быть настоящий дворец! – восторгалась Баб. – Тут чудесные сады, а все комнаты очень просторные. И еще – множество рабов, чтобы обслуживать нас. Надеюсь, и еда тут приличная.

– Тихо, Баб. Твой язык бежит впереди здравого смысла, – с улыбкой сказала девушка.

Служанка фыркнула и продолжила разбирать вещи, встряхивая каждый наряд Зенобии.

– Вот уж не знаю – а вдруг твои наряды недостаточно хороши для дворца? – пробормотала пожилая женщина. – Наверное, надо было немного подождать, чтобы сшить тебе новые.

– Ты слишком суетишься, старушка, – поддразнила служанку девушка. – Я или понравлюсь принцу, или нет. А если нет... тогда хоть перьями украшайся – ничего не поможет.

– Меня беспокоит не принц, а его мать, – сказала Баб, понизив голос. – Я слышала, она совсем не рада, что он пожелал жениться. Говорят, она надеялась, что ему хватит наложницы Делиции. И еще говорят, что Аль-Зена женщина очень своевольная и властная.

– Она возражает против меня, Баб? Или вообще против любой девушки?

– И то и другое, деточка моя, – ответила служанка: они с Зенобией всегда были честны друг с другом.

Зенобия немного подумала и проговорила:

– Думаю, лучший способ справиться с этой госпожой – стать сладчайшей сладостью. Разве сможет она найти недостатки в учтивом обращении и хороших манерах?

– А как ты будешь вести себя с наложницей, дитя мое? Ведь нельзя жить в одном дворце и совсем не встречаться...

– Даже не сомневаюсь, что мы встретимся, но я собираюсь с ней подружиться.

– О, Зенобия!... – в ужасе воскликнула Баб.

– Просто у меня нет выбора, – пояснила хозяйка. – Если я выйду за Одената, мне придется стать ему помощницей. А как он сможет успешно управлять Пальмирой, если дома у него будут раздоры? Если такое случится, он сначала встревожится, а затем станет сердиться на меня. Нет, я должна взять верх и над его матерью, и над Делицией. – Зенобия лукаво улыбнулась. – Не волнуйся, Баб, я очень хорошо понимаю, что тут происходит. А сейчас... Знаешь, мне ужасно хочется искупаться. Наверняка такое простое удовольствие доступно в этом чудесном месте.

– Конечно, дитя! Для тебя уже все готово. Идем быстрее!

Баб взяла хозяйку за руку и повела в выложенную плиткой купальню, где гиацинтовый аромат духов Зенобии уже наполнял воздух, а черные девушки-рабыни ожидали почетную гостью. Взглянув на огромный бассейн, Зенобия радостно улыбнулась и, скинув одежду, шагнула в прохладную воду. Ее округлые груди и длинные ноги были тотчас же отмечены двумя шпионками, которых подослала Аль-Зена.

Когда она искупалась, Баб закутала ее в мягкий хлопковый халат, а затем девушка прилегла, чтобы отдохнуть перед вечерней трапезой, – напряженная подготовка к поездке немного

утомила ее, и кроме того, она нервничала: ведь сегодня вечером ей снова предстояло встретиться с Аль-Зеной и, возможно, с Делицией, красивой наложницей Одената. Но все же, несмотря на все свои опасения, Зенобия уснула крепким сном невинной юности.

Проснувшись, она никого рядом не увидела. Немного помедлив, встала и вышла из комнаты в открытый портик. Внизу раскинулся большой сад, окруженный стеной, а за стеной расстилалась прекрасная Пальмира. Синие сумерки быстро переходили в черную ночь, уже горели фонари, и легкий ветерок приносил ароматы всевозможных цветов. Зенобия улыбнулась и расслабилась. Для нее совершенно очевидно: что бы ни произошло сегодня вечером, она не утратит власти над собой и над событиями.

– Ты уже проснулась? – послышался голос служанки.

Зенобия вернулась в комнату.

– Да, Баб.

– Надо было позвать меня, – проворчала старушка.

– Я хотела немного побыть одна.

Баб иронически хмыкнула и сказала:

– Что ж, а теперь одевайся.

Безрукавная белая туника Зенобии с низким вырезом смотрелась очень просто, и девушка улыбнулась про себя. Невинностью своего наряда она как бы подчеркнет разницу между собой и матерью Одената.

– Волосы надо оставить распущенными, – пробормотала Баб.

Расчесав длинные густые пряди хозяйки, она скрепила их белой лентой, расшитой крохотными жемчужинками. А Зенобия взяла шкатулку с драгоценностями и вынула из нее крупную золотистую жемчужину в форме слезы на тонкой золотой цепочке. Застегнула цепочку на шее – и жемчужина уютно легла между соблазнительными юными грудями. В дополнение к ней из ушей Зенобии свисали гроздь жемчужин на золотых проволочках. Браслеты из резных розовых кораллов и тонкие золотые проволочки с нанизанными на них жемчужинами охватывали запястья девушки, а пальцы украшала одна-единственная круглая жемчужина в золотой оправе – она привлекала внимание к длинным изящным пальчикам с прекрасно отполированными ногтями.

Баб одобритительно кивала, глядя, как хозяйка наносит свои любимые духи.

– Ты само совершенство, деточка. Затмишь и старую ведьму, и греческую наложницу!

Едва она успела это произнести, как в комнату торопливо вошла черная рабыня и объявила:

– Пришел евнух, чтобы сопроводить госпожу в пиршественный зал.

Легонько кивнув Баб, Зенобия последовала за девушкой, а потом за евнухом. Тот шагал так быстро, что она не успевала замечать что-либо по дороге. Однако рабыня ошиблась – они пришли вовсе не в пиршественный зал, а в небольшую семейную трапезную. Одета в зеленое и золотое, Аль-Зена уже расположилась там на ложе. Рядом с ней сидела очень красивая белокожая блондинка, одетая, как и мать принца, по парфянской моде, но ее наряд был небесно-голубого цвета и расшитый серебром.

– Зенобия, дитя мое, – промурлыкала Аль-Зена, – познакомься, это госпожа Делиция.

– Доброго вам вечера, госпожа Делиция, – милым голоском отозвалась гостья.

Аль-Зена пришла в замешательство – девушка как будто не расстроилась и не рассердилась, увидев тут наложницу своего жениха. «Она или совершенно бесчувственная, или тупая, или очень умная», – заключила Аль-Зена и решила пока помолчать. И она украдкой рассматривала Зенобию. А та устроилась на указанном ей ложе, затем повернулась к Делиции и с улыбкой сказала:

– Насколько я понимаю, у тебя двое сыновей... Ох какая же ты счастливая! Надеюсь, когда-нибудь я тоже рожу сыновей.

Аль-Зена поперхнулась вином, пролив часть его на свой наряд. Рабыня же бросилась за водой и салфетками, а Зенобия, изобразив озабоченность, проворковала:

– Ой, вы пролили вино... Надеюсь, на тунике не останется пятен.

Делиция внимательно посмотрела на будущую жену Одената и с трудом подавила смех. Было совершенно ясно: молоденькая бедави прекрасно поняла, что представляет собой Аль-Зена, и готова сразиться с ней! При этом Делиция видела, что мать принца еще не разобралась ни в характере девушки, ни в том, насколько та умна. Гречанка с грустью подумала: «Эта девушка настоящая красавица. Рядом с ней я кажусь невзрачной».

Рабыня в лихорадочной спешке приводила в порядок тунику Аль-Зены, когда в трапезную вошел принц Пальмиры. Окинув взглядом женщин, он резко спросил:

– Делиция, что ты здесь делаешь?

– Разве ты не пригласил меня, мой господин? Матушка сказала, что я должна прийти на ужин.

– Тебя не приглашали, – ледяным тоном отрезал Оденат. – Будь добра, вернись в свои покои.

Оскорбленная этими словами, Делиция встала, и Зенобия тотчас поняла, что Аль-Зена использовала гречанку как пешку в своей игре.

– Прошу тебя, господин мой принц, – проговорила она, – не отсылай госпожу Делицию. Я так обрадовалась ее обществу...

– Неужели это не огорчает тебя, мой цветочек? Я не хочу, чтобы ты огорчалась, – сказал принц в некоторой растерянности.

– Мы с Делицией почти ровесницы, и я знаю, что быстро подружусь. – Зенобия положила ладонь на руку жениха. – Пожалуйста, господин мой принц, не прогоняй ее.

Взгляд Зенобии мог бы растопить даже лед, и Оденат почувствовал, как сердце его забилося быстрее.

– Если ты так хочешь, мой цветочек, Делиция может остаться, – ответил он чуть хрипловатым голосом. Сейчас ему больше всего на свете хотелось, чтобы боги убрали куда-нибудь подальше и Делицию, и его мать, тогда он смог бы поцеловать эти обворожительные губки, все сильнее манившие его, – но вместо этого ему пришлось подать знак рабыне, чтобы та наполнила его кубок вином.

– Благодарю тебя, господин мой принц, – негромко произнесла Зенобия.

Аль-Зена в досаде прикусила губу. А ведь ее сын действительно влюблен! Ее сын влюбился, и теперь его не переубедить! Но если ей, Аль-Зене, все же удастся показать ему, насколько неподходящая для него жена эта девчонка, то Оденат, возможно, прислушается к голосу разума. Девчонка из племени бедави – принцесса Пальмиры?... Ни за что!

Блюда подавали довольно простые, причем начали с артишоков, приправленных оливковым маслом и эстрагоновым уксусом. Затем последовали ягненок, дрозды, жаренные на спарже, а также зеленые бобы и молодая капуста. Завершилась трапеза персиками и зеленым виноградом, поданными на серебряном блюде. К величайшему ужасу матери и полному смущению Делиции, принц не мог отвести от Зенобии глаз, а та ела с большим аппетитом, хотя все остальные едва притронулись к еде.

Наконец посуду со стола убрали, кубки наполнили вином, и началось представление танцовщиц и жонглера. Делиция видела, как отчаянно Оденат желал остаться наедине с Зенобией, и поэтому, как только танцовщицы выбежали из трапезной, она встала и сказала:

– Ты позволишь мне удалиться, мой господин? Я очень устала.

Принц с благодарностью улыбнулся ей и кивнул. Делиция поклонилась Аль-Зене и Зенобии и вышла из комнаты. Несколько минут прошло в молчании. Оденат надеялся, что и мать уйдет, но через некоторое время понял, что зря. Тогда он встал, протянул руку невесте и сказал:

– Идем, дорогая, я покажу тебе мои прекрасные сады. Ты извинишь нас, мама? Думаю, тебе хочется отдохнуть, ведь уже совсем поздно...

Зенобия вложила ладонь в руку принца и с улыбкой ответила:

– Мне бы очень хотелось посмотреть на твои сады, господин мой принц.

Даже не оглянувшись на Аль-Зену, Оденат увлек Зенобию наружу, в огромный потемневший сад. Вдоль дорожек уже горели факелы, но разглядеть что-либо было практически невозможно. Зенобия невольно рассмеялась и проговорила:

– Надеюсь, ты знаешь, куда идешь, мой принц. Мне бы не хотелось окончить свои дни в пруду с рыбками.

Оденат остановился и, развернув девушку к себе, посмотрел ей прямо в лицо.

– Я хочу поцеловать тебя!

До чего же она прекрасна, при свете факелов, мерцавших, словно расплавленное золото!

– Что?... – Сердце Зенобии гулко заколотилось, а прекрасные серые глаза широко распахнулись – словно от удивления.

– Хочу тебя поцеловать, – повторил принц. – Будь на твоём месте другая девушка, я бы и спрашивать не стал.

– О!.. – тихонько воскликнула Зенобия; слов у нее не было.

Оденат пристально смотрел на нее, и по его лицу расплывалась улыбка.

– Ты как свежий ветерок, что проносится по городу на закате, мой цветочек. – Обвив рукой изящную талию девушки, Оденат крепко прижал ее к себе. Пальцы другой руки запутались в черном шелке волос, и он, наклонив голову, принялся покрывать ее губы легкими поцелуями.

Зенобия же, невольно вздрагивая, отчаянно боролась с собой, стараясь удержать власть над своими чувствами.

– О, Зенобия... – прошептал принц.

В его устах ее имя прозвучало нежной лаской, и сердце девушки забилося еще быстрее. О, что он делал с ней? И почему звук его голоса заставлял ее задыхаться?

– Зенобия...

Ноги ее ослабели, и она, наверное, упала бы, если б принц не обнимал ее. А он немного помедлил, затем снова наклонился и прижался губами к ее губам.

Его губы были теплыми, гладкими и твердыми, но Зенобия, пусть ничего и не зная о поцелуях, все же поняла, что Оденат сдерживался. Он целовал ее с величайшей нежностью – словно вытягивал губами самую сущность ее неискушенного тела. И тут Зенобия вдруг почувствовала прежде незнакомое ей сладостное томление. Она чего-то страстно желала, но не понимала, чего именно. Когда же принц, наконец, оторвался от ее губ, она пробормотала:

– Ах, еще...

Оденат посмотрел на нее, и его карие глаза сверкнули страстью.

– О, Зенобия, ты меня опьяняешь, – негромко произнес он и снова поцеловал.

На этот раз поцелуй был не таким нежным, но она не испытывала страха – только отчаянное томление и желание познать больше. Девушка по-прежнему не понимала, чего именно, но точно знала: ей не хотелось, чтобы он останавливался. Ее охватил восхитительный трепет, когда она почувствовала, как напряглись ее груди.

Оденат вдруг со стоном отстранил ее от себя и тихо пробормотал:

– Ты еще так молода, мой цветочек.

И эти его слова прозвучали почти как упрек.

– Я тебя чем-то рассердила? – растерялась Зенобия.

Принц заметил, что она расстроилась.

– Идем! – Он взял ее за руку и повел по темному саду. – Нет, ты меня не рассердила: напротив – доставляешь мне великое удовольствие. И прямо сейчас я бы очень хотел заняться с тобой любовью.

– Так давай займемся ею, – отозвалась девушка. – Я еще никогда не была с мужчиной, но и Тamar, и Баб говорят: то, что происходит между мужчиной и женщиной, естественно и правильно. Я не боюсь, господин мой принц.

Он улыбнулся и негромко сказал:

– Я считаю, что ни одна женщина не должна заниматься любовью с мужчиной, которого не любит, к которому не испытывает никаких чувств. Это безнравственно, мой цветочек. Я никогда не занимался любовью с женщиной, которая не любила бы меня хотя бы чуть-чуть. Сегодня слегка пробудилась чувственная сторона твоей природы, и ты жаждешь узнать больше. Но ты совсем не знаешь меня, дорогая. У нас еще будет для этого время, обещаю.

– Ты заставляешь меня чувствовать себя ребенком. – Зенобия надула губки.

– Ты и есть ребенок, – с улыбкой отозвался принц. – Но однажды наступит ночь, когда мы с тобой полюбим друг друга. И тогда я сделаю тебя женщиной, которая полностью осознает могущество своей страсти.

Она тихонько вздохнула.

– В таком случае мне придется удовлетвориться твоими суждениями, господин мой принц, потому что мне об этих вещах пока ничего не известно.

Оденат негромко рассмеялся.

– Думаю, мне следует радоваться твоей покорности. Подозреваю, ты редко уступаешь кому-нибудь.

– Я знаю, что непохожа на других женщин, – словно оправдываясь, сказала Зенобия. – Но если ты и в самом деле меня хочешь, господин мой принц, тогда тебе следует принять меня такой, какая я есть. Не знаю, смогу ли я измениться, даже если захочу...

– Я хочу тебя именно такой, какая ты есть. Хотя подозреваю, что у моего пустынного цветочка имеются шипы. – Тут Оденат остановился и поцеловал юную невесту. – Пожалуйста, научись любить меня: я жажду твоей любви.

– Любви? – переспросила девушка. – Или занятий любовью?

– И то и другое, – с улыбкой ответил принц.

В ответ она быстро его поцеловала и тихо сказала:

– Ты честный человек, откровенный... Я верю, что мы с тобой станем друзьями, а из друзей, как мне говорили, получаются самые лучшие любовники.

Эти слова девушки развеселили Одената. Она ведь говорила совершенно серьезно! Ох, он никогда еще не встречал таких восхитительных и интересных собеседниц.

– Почему ты не называешь меня по имени, Зенобия? – спросил он. – Говоришь «господин мой принц», но, кажется, ни разу не произнесла моего имени.

– Ты не давал мне разрешения на это, господин мой принц. Пусть я всего лишь девушка-бедава, но прилично вести себя умею. – Она помолчала, и в темноте принц не разглядел озорных искорок в ее глазах. – Кроме того, мне не нравится твое имя.

– Тебе не нравится мое имя?... – изумился Оденат.

– Ну... оно звучит как-то уж очень серьезно, господин мой принц.

– Когда мы поженимся, ты не сможешь и дальше называть меня «господин мой принц».

– Еще не решено, поженимся мы или нет, – спокойно ответила Зенобия. – Кроме того, я не думаю о тебе как об Оденате Септимии, господин мой принц.

Тут он уловил в ее голосе дразнящий смех и решил в том же духе вступить в эту шутливую игру.

– Мы поженимся, мой цветочек, не сомневайся. Я собираюсь научить тебя любить меня. – Он помолчал. – Но если ты не хочешь обращаться ко мне по имени, то как же ты будешь меня называть?

– На людях я буду называть тебя «господин мой принц», а наедине ты станешь для меня Ястребом, потому что со своим длинным носом и пронзительным взглядом темных глаз похож на эту птицу.

Принц был польщен сверх всякой меры, в чем Зенобия ни на мгновение не усомнилась.

– Значит, для тебя я Ястреб? – Он хмыкнул. – Хочешь приручить хищную птицу, мой цветочек?

– Хищных животных приручить нельзя, мой Ястреб. Нужно завоевать их доверие и уважение, стать им другом – так мы с тобой и поступим.

Эта девушка опять удивила Одената, и он, невольно усмехнувшись, сказал:

– Что ж, пусть я буду Ястребом, если тебе так нравится. Но уже поздно, Зенобия. Идем, я отведу тебя в дом.

Взяв ее за руку, Оденат двинулся по темному саду с уверенностью верблюда, идущего по знакомому пути. Они вошли во дворец, и Зенобия, последовав за принцем вверх по узенькой лестнице, вскоре оказалась в коридоре, прямо перед своими комнатами. Они остановились, и Оденат вдруг спросил:

– Ты умеешь ездить верхом на лошади?

– Да, – кивнула девушка.

– Тогда будь готова на рассвете. – С этими словами принц повернулся и зашагал по коридору.

Зенобия смотрела ему вслед до тех пор, пока фигура в длинной белой тунике не скрылась за углом. Она вздохнула и какое-то время постояла перед дверью. Один из солдат, охранявших ее покои, вежливо поклонился и распахнул перед ней дверь. Почему-то смутившись, Зенобия поспешно вошла в свои комнаты и закрыла за собой дверь. Баб уже спешила ей навстречу.

– Все прошло хорошо, деточка?

Впервые в жизни Зенобии не хотелось разговаривать с этой чудесной женщиной. То, что произошло между ней и принцем... Она ни с кем не хотела это обсуждать.

– Все прошло хорошо, Баб.

– Вот и славно, – одобрительно закивала старушка.

Чувствуя, что нужно рассказать еще что-нибудь, иначе Баб продолжила бы ее расспрашивать, Зенобия добавила:

– На рассвете я еду с принцем кататься верхом.

– На рассвете? – переспросила служанка.

– Да, на рассвете. – Зенобия сделала вид, что зевает.

Через несколько минут она, уже раздетая, оказалась в постели, а Баб, к ее величайшей радости, тотчас удалилась – ей отвели отдельную небольшую комнатку рядом с прихожей. Вытянувшись на удобной кровати, Зенобия тихо вздохнула – в голове у нее вихрем проносились самые разные мысли.

Все говорили, что у нее есть выбор: выходить замуж или нет, – но на самом-то деле выбор за нее сделали другие. Да, конечно, Оденат очень хороший и добрый человек: добрый к ней, во всяком случае, – так что не важно, есть у нее выбор или нет. Не в силах уснуть, Зенобия беспокойно вертелась в постели, вспоминая его поцелуи – и то, что они с ней сделали.

В каком-то смысле эти поцелуи даже напугали ее, так как от них она становилась совершенно беспомощной. Зенобия раньше никогда не позволяла мужчине целовать ее. Юноши из племени часто этого хотели и подстерегали ее одну или же пытались завлечь куда-нибудь, но ей всегда удавалось увернуться от жадных губ и нетерпеливых рук, при необходимости прибегая к силе. Она не была игрушкой для мужчин и никогда ею не станет, но вот принц... Он обнимал

нежно и целовал очень осторожно – словно для того только, чтобы пробудить ее любопытство. Она подозревала, что именно в этом и заключались его намерения. И он больше нигде к ней не прикасался, а она-то знала из рассказов Баб и Тамар, что мужчины любят ласкать тело женщины. Почему он к ней не прикасался? Может быть, в ее теле было что-то неправильное и неприятное?...

Последняя мысль очень ее встревожила, и Зенобия поняла, что теперь уж точно заснуть не удастся. Встав с постели, она вышла в портик, нависавший над садом и городом, и несколько минут нервно расхаживала туда и обратно. Что же с ней не так? К своему величайшему изумлению, она готова была расплакаться. Где он сейчас, ее Ястреб? Неужели оставил ее у двери только для того, чтобы отправиться в объятия Делиции? Две слезинки скатились по щекам девушки, но она их тотчас же яростно смахнула. Какое ей дело до того, чем занимается принц?

– Зенобия?... – Его голос прозвучал у самого уха, и она в испуге вскрикнула.

А в следующее мгновение сильные руки обняли ее, и она, к своему ужасу, разразилась слезами, отчаянно рыдая на обнаженной груди принца. Он дал ей время выплакаться, и лишь когда она начала успокаиваться, подхватил на руки и отнес в спальню. Сев на краешек ложа, Оденат прижал девушку к себе и спросил:

– Почему ты плачешь, мой цветочек? Соскучилась по дому?

– Н-нет.

– Тогда почему?

– Я думала, ты пошел к Делиции.

– Милая, я не делил с Делицией постель вот уже несколько месяцев. А хожу в ее покои лишь для того, чтобы повидаться с нашими детьми. Только никому не рассказывай об этом, а то погубишь мою репутацию.

Оденат едва удержался от радостного смеха – оказывается, ей не все равно! Настолько не все равно, что она расплакалась, решив, что он сейчас с другой женщиной! Но все-таки не следовало прижимать ее к себе слишком сильно... Хотя ее изящная ручка, поглаживавшая его затылок, сводила его с ума.

– Откуда ты пришел? – спросила Зенобия.

– Мои покои находятся рядом с твоими, цветочек. И портик у нас общий. Кроме того... Знаешь, я тоже не мог уснуть.

И только сейчас Зенобия сообразила, что у принца обнажена грудь. Да-да, на нем не было ничего, кроме отреза ткани, обернутого вокруг бедер. Да и она сама почти нагишом – на ней была только тонкая хлопковая сорочка. Оденат тоже все это отметил, и теперь чувствовал, как его мужское достоинство все больше твердеет и вздымается. Он попытался немного отстранить девушку, но она еще крепче обвила руками его шею.

– Зенобия!.. – В его голосе послышалась мольба.

– Полюби меня немножко, – тихо попросила она.

Оденат вздрогнул и пробормотал:

– Дорогая моя, цветочек мой, помилосердствуй... Ведь я всего лишь мужчина.

– Полюби меня немножко, Ястреб, – повторила она и подвинулась таким образом, что ее сорочка распахнулась.

В следующее мгновение Зенобия сбросила с плеч свое ночное одеяние, и оно соскользнуло ей на талию, так что обнажились круглые пышные груди. И это было восхитительное зрелище. Восхитительное и ужасно возбуждающее... Снова вздрогнув, Оденат невольно закрыл глаза, призывая на помощь всех богов. О, как он жаждал овладеть этой прелестной девушкой! Но принц помнил о том, что ему следовало проявлять сдержанность – даже перед лицом такого невероятного соблазна.

И тут девушка вдруг взяла его руку и положила себе на грудь.

– О, Зенобия!.. – застонал принц. – Зенобия!.. – Но пальцы его уже – словно сами собой – поглаживали эту чудесную плоть, мягкую и теплую.

– О, Ястреб, – прошептала Зенобия ему на ухо, – ты хочешь меня, ну хоть немножко?

– А ты меня? – с усилием пробормотал принц, поглаживая груди девушки.

– Мне почему-то больно... – прошептала она. – Где-то там, внутри, мне ужасно больно... О, я не понимаю, что это такое...

– Ты испытываешь желание, мой цветочек, – пояснил Оденат.

Он позволил себе опустить взгляд, и у него перехватило дыхание, когда он увидел всю роскошь ее груди, рассмотрел ее соски – большие и круглые, цвета темного меда. Он жаждал попробовать на вкус всю сладость ее плоти, но не сейчас. И он был совершенно серьезен, когда говорил, что никогда не занимался любовью с женщиной, не испытывавшей к нему никаких чувств.

Конечно же, Зенобия станет его женой, но он даст ей время привыкнуть к нему, даст время научиться его любить. Он хотел этой любви, ибо знал: Зенобия еще не отдала своего сердца (уж не говоря о теле) ни одному мужчине. Несмотря на свое прекрасное тело и острый ум, она все еще была ребенком, а он захотел познать женщину – женщину, которой он поможет созреть и сформироваться.

Сумев овладеть собой, он обнимал и осторожно ласкал эту девочку, шепча ей на ушко слова утешения. Его нежность произвела должный эффект, она успокоилась и вскоре уснула у него на плече. Когда же дыхание Зенобии окончательно выровнялось, Оденат встал, осторожно уложил ее на кровать и укрыл шелковым покрывалом. Долгую минуту он стоял рядом, любуясь ею и упиваясь ее прелестью, затем со вздохом сожаления задул лампу и покинул комнату.

Потом он стоял в портике, вцепившись в балюстраду, глядя прямо перед собой невидящими глазами, не замечая, что ночью в пустыне сильно похолодало и размышлял. Сколько же еще придется ему ждать? Он хотел, чтобы эта девушка стала его женой. Хотел разделить с ней всю свою жизнь – не только радости, но и печали. Почему-то он верил, что плечи Зенобии достаточно крепки и смогут выдержать часть его ноши. Пробираться по извилистой тропе между римлянами и воинственными соседями-персами было очень нелегко – ведь при этом еще требовалось удовлетворять торговые интересы и своего собственного царства (именно Пальмира заботилась о безопасности караванов).

Кроме того, в его жизни была и другая женщина, его мать. Принц невольно поморщился. За всю его жизнь мать оказала ему одно-единственное благодеяние – подарила жизнь, но даже это сделала неохотно. Он слышал истории о своем рождении, о том, как она до последней минуты не желала становиться матерью. Говорили, что если бы она способствовала его рождению, то сумела бы родить очень легко. Однако она, напротив, навредила себе и тем самым лишила себя возможности иметь еще одного ребенка. Отец так никогда ее и не простил. Впрочем, его родители не любили друг друга. Брак они заключили по политическим мотивам, и, по слухам, мать наотрез отказывалась выходить за отца замуж, потому что любила персидского принца. Говорили также, что в первую брачную ночь отцу пришлось взять ее силой, именно тогда она и зачала своего единственного ребенка.

К счастью, и мать, и отец его любили, но отец не позволял ему проводить много времени с Аль-Зеной. Только после смерти отца он узнал ее поближе, но к тому времени ему уже исполнилось восемнадцать и он считался взрослым мужчиной. Разумеется, он заметил, что его мать несчастлива. Более того, со временем он понял, что все ее несчастья из-за брака без любви. И тогда он поклялся, что никогда не прикоснется к женщине против ее желания.

Он даже попытался подружиться с матерью, но она вела себя по отношению к нему как собственница, обладающая губительной силой. В результате он решил, что будет исполнять свой сыновний долг, на словах выражая ей почтение, но на деле – не доверяя ничему важного. Он повел себя умно и проявлял о матери столь очевидную заботу, что она в конце концов

поверила в свою победу и начала давать ему советы, пытаясь вмешиваться в государственные дела, к чему была совершенно непригодна. Но хуже всего то, что ему не с кем было поговорить откровенно, не с кем разделить эту тяжкую ношу.

Внезапно звук водяных часов, каплями отсчитывавших минуты, напомнил ему, что время уже позднее. Повернувшись, Оденат вошел в свою спальню, лег и вскоре уснул.

Когда в пустыне наступил рассвет, протянув через пески свои пламенные пальцы, окрашивавшие землю в золотые оттенки, из города выехали два всадника, вырисовывавшиеся черными силуэтами на фоне утреннего неба. Оденат выбрал для Зенобии горячую арабскую кобылу – белую, как и его огромный жеребец, – которую только недавно объездили, и Зенобия стала ее первой хозяйкой.

– Как ее зовут? – спросила девушка, когда они выехали за городские ворота.

– У нее еще нет имени, мой цветочек. Называй как захочешь. Ведь это мой первый тебе подарок.

– Она моя? – с восторженным недоверием воскликнула Зенобия.

– Да, твоя, – кивнул Оденат, скользнув взглядом по изящным ногам девушки, выглядывавшим из-под короткого хитона. «С этим придется что-то делать, – промелькнуло у него. – Не хватало еще, чтобы любой мужчина мог пялиться на эти прелестные ножки».

– Я назову ее Аль-Ула, – с улыбкой сказала Зенобия.

Принц улыбнулся в ответ и одобрительно кивнул («аль-ула» по-арабски означало «первая»).

– Хорошее имя. И ты умница, что придумала его, мой цветочек.

– А как зовут твоего жеребца?

– Ашур, то есть «воинственный».

– А он правда воинственный?

– Ужасно. Из-за него я не могу держать в конюшне других жеребцов. Он уже убил двоих. Теперь держу только кобыл и меринов.

– Мой Ястреб, я тебя обгоню! – закричала вдруг Зенобия.

Но принц с улыбкой ответил:

– Не сегодня, мой цветочек. Аль-Улу только недавно объездили, и ей нужно время, чтобы привыкнуть к тебе. Кроме того, я должен побыстрее вернуться: у меня сегодня много дел.

– А можно мне с тобой? Это будет куда интереснее, чем болтать с женщинами. Я не привыкла сидеть и бездельничать, когда только и делаешь, что красишь ногти и отмокаешь в надушенной воде купальни.

Принц сочувственно усмехнулся.

– Когда станешь моей женой, сможешь везде появляться вместе со мной, но не сейчас.

– Проклятье... – проворчала Зенобия. Было ясно, что ей придется остаться на женской половине – между Аль-Зеной и Делицией.

Словно прочитав ее мысли, принц негромко хохотнул и сказал:

– Ах, бедный мой цветочек оказался между осой и бабочкой...

– Откуда ты знаешь, о чем я думаю? – спросила девушка, нахмурившись.

– Выражение твоего лица красноречивее любых слов. Но если ты станешь моей женой, Зенобия... Обещаю, я не запру тебя в гареме. Ты будешь вольна приходить и уходить когда захочешь, ибо я сделаю то, чего еще никогда не делал для своей жены ни один из принцев Пальмиры. Ты станешь равной мне.

– Я вообще не хочу жить на женской половине, – заявила Зенобия. – Если я стану твоей женой, то хочу иметь во дворце свой собственный дом. И я сама выберу себе слуг и куплю рабов. Не желаю иметь в своем доме шпионов. – Она внезапно остановила кобылу и осмотрелась.

Солнце уже взошло, и небо, куда ни кинешь взгляд, было ярко-синим и безоблачным. Оденат остановился и вопросительно взглянул на девушку.

– Я не обучена играть в эти игры, Ястреб. Давай будем откровенны друг с другом. Ты хочешь жениться на мне, и мой отец дал свое согласие, но как скоро это случится – зависит от меня. И ты, и мой отец... вы оба понимаете, что мне необходимо привыкнуть к мысли о браке. Отец уверен, что ты самый подходящий для меня мужчина. Из-за великой любви, которую он испытывал к моей матери, он хочет, чтобы я была счастлива. Мне повезло. Мало кто из мужчин понял бы мои чувства. Мне также повезло и в том, что в мужа мне он выбрал именно тебя, ибо и ты понимаешь, что меня нельзя заковать в кандалы. Я должна быть свободной! Ты проявил ко мне доброту, и я думаю, что начинаю любить тебя. То, о чем я прошу тебя, будет не трудно сделать, верно?

– Да, понимаю... – кивнул Оденат. – И ты получишь все, что в моей власти дать тебе, дорогая.

– Ах, Ястреб, ты слишком опрометчиво обещаешь, – с веселой улыбкой заметила Зенобия. – Никогда нельзя соглашаться на что-либо, пока не выяснишь все условия.

– Решила поучить меня, мой цветочек?

– А что, ты не готов учиться у женщины?

– Скажи, ты любишь меня хоть немного? – уже серьезно спросил Оденат.

– А ты любишь меня, Ястреб?

– Думаю, я полюбил тебя в тот день, когда убили твою мать. Ты была так растеряна, озадачена, испугана... Мне очень хотелось обнять тебя... и держать так долго-долго. Но я принц Пальмиры, а ты была всего лишь ребенком, и мне не полагалось утешать тебя. Но поверь, ты уже тогда мне очень понравилась.

Это признание не только удивило Зенобию, но и порадовало. Однако же... Ведь и Тамар, и Баб говорили, что женщина не должна позволять мужчине стать слишком самонадеянным.

– Ястреб, но ты же не хочешь сказать, будто провел три с половиной года после гибели моей матери, тоскуя обо мне? Я в это не поверю...

– Нет-нет, я совершенно забыл про тебя, мой цветочек, – ответил принц и мысленно возликовал, услышав вздох разочарования, вырвавшийся из груди девушки. Маленькая плутовка внезапно сделалась чересчур самоуверенной. А ведь отец предупреждал: нельзя позволять женщине становиться слишком самоуверенной.

– Мой Ястреб, так как же ты можешь говорить, что любишь меня? – пробормотала Зенобия.

– В тот день я влюбился в ребенка, а когда увидел, какой прелестной девушкой тот ребенок стал, влюбился еще раз. Я никогда не буду лгать тебе. Поверь, я тебя люблю, мой цветочек, действительно люблю. Пожалей же бедного принца, готового положить к твоим ногам и свое сердце, и свое царство! Скажи, когда мы поженимся?

– Подожди еще немного! – взмолилась девушка.

– Я не могу ждать долго. Я одинокий мужчина и страстно желаю, чтобы ты была рядом и чтобы я мог любить тебя, беседовать с тобой, делиться с тобой всем, что имею.

Зенобия долго молчала. Наконец тихо проговорила:

– Я выйду за тебя, как только позволят жрецы.

Оденат очень удивился столь внезапному решению, и его брови взлетели вверх. Девушка улыбнулась и добавила:

– Я нужна тебе, мой Ястреб. Разве не это ты только что сказал? И если уж честно, то на самом деле наш брак состоялся в тот момент, когда ты договорился с моим отцом, только дата свадьбы оставалась неизвестной. Но главное... Видишь ли, теперь мне ясно: раз я вчера так расстроилась, подумав, что ты пошел к Делиции, значит, люблю тебя, просто боюсь признаться в этом самой себе.

– О, Зенобия, – пробормотал принц, – хотел бы я знать, в какую женщину ты однажды превратишься...

– Зачем сейчас гадать? – со смехом ответила девушка. – Ведь рано или поздно ты обязательно это увидишь.

Оденат тоже рассмеялся.

– Да, верно, мой цветочек! – Повернув коня в сторону города, он добавил: – Нам пора возвращаться, Зенобия. Я не поскачу с тобой наперегонки, но давай пустим лошадей галопом, чтобы Аль-Ула показала тебе, на что способна.

В тот же миг Зенобия натянула поводья – и помчалась в сторону города. В очередной раз удивившись (она то и дело его удивляла), Оденат прищипнул Ашура и поскакал следом за девушкой по едва заметной пустынной дороге, ведущей в Пальмиру, и из-под лошадиных копыт то и дело взвивались вверх облачка желтой пыли. При этом принц неотрывно смотрел на скакавшую впереди всадницу, низко склонившуюся в седле, и мысленно восклицал: «О, до чего же восхитительное создание!» И какое счастье, что эта чудесная девушка скоро станет его женой.

Когда они пронеслись сквозь главные дворцовые ворота, часовые переглянулись и с восхищением посмотрели им вслед. А Зенобия, спрыгнув во дворе с лошади, с торжеством в голосе воскликнула:

– Мой Ястреб, я тебя обогнала!

– Мы не состязались, – ответил Оденат.

– Разве?... – Зенобия посмотрела на него с удивлением, затем повернулась и, негромко рассмеявшись, вбежала во дворец.

Оденат, почувствовав возбуждение, криво усмехнулся. Ох, скорее бы день свадьбы... Он уже с трудом сдерживался. Несмотря на множество дел, он еще до захода солнца собирался повидаться с Забааем бен-Селимом, чтобы обговорить все детали предстоящей свадьбы. И на следующий же день следовало сделать публичное объявление. Тогда маленькая плутовка уже никуда не денется.

Радостно улыбнувшись, принц направился в свою часть дворца. Мысленно обращаясь к Зенобии, он проговорил: «Скоро, уже совсем скоро, мой цветочек... И тогда ни ты, ни я больше никогда не почувствуем себя одинокими, потому что будем любить друг друга вечно!» «Вечно...» – ему нравилось звучание этого слова.

Глава 3

Пальмира, царица городов Восточной империи, лежала почти на полпути между таким же древним Багдадом и синим Средиземным морем. Говорили, что Пальмиру основал сам царь Соломон, чем пальмирцы очень гордились. Через этот город, выстроенный в обширном оазисе, где пересекались караванные пути, пролегавшие между Востоком и Западом, проходили все богатства мира. Тут собирались греки и римляне, сирийцы и евреи, арабские торговцы из всех племен, и строили здесь огромные склады, чтобы надежно хранить в них шелка, ковры, специи, слоновую кость, драгоценности, зерно и финики – все то, что проходило через их руки. И здесь же они строили роскошные виллы, где жили их семьи, а также наложницы, потому что в Пальмиру прибывали не только торговые караваны, но и рабы со всего света.

Пальмирские архитекторы питали страсть к колоннам, и все хоть сколько-нибудь заметные здания города были украшены ими. Вокруг центрального внутреннего двора одного из храмов возвышались триста семьдесят изящных колонн, и на выступавших вперед камнях в середине каждой из колонн красовались статуи самых знаменитых мужей Пальмиры. А главная улица города с обеих сторон была окаймлена двумя рядами колонн, по семьсот пятьдесят с каждой стороны; в храме же Юпитера имелась колоннада длиной в милю, состоявшая из пятнадцати сотен коринфских колонн.

Город был построен мудрым царем для торговцев, и тысячу лет спустя в нем по-прежнему властвовали коммерческие интересы. Над основными торговыми и деловыми улицами были устроены навесы, так что даже в летнюю полуденную жару люди вели свои дела в относительно комфортных условиях. Хотя Пальмира не подвергалась серьезным нападениям, горожане все же возвели вокруг города стену длиной семь миль – на всякий случай.

Таким было царство, где Зенобии скоро предстояло властвовать как жене принца. И теперь Забаай бен-Селим впервые по-настоящему подумал о том, какую серьезную ответственность возлагал на плечи своей единственной дочери.

Удобно расположившись в личной библиотеке Одената, Забаай держал в руке резной алебастровый кубок, наполненный лучшим киринийским вином. А за его спиной стоял глухонемой чернокожий раб, помахивавший большим веером, сплетенным из пальмовых листьев. Приехав сегодня в город, Забаай вдруг посмотрел на него совсем другими глазами – будто увидел впервые в жизни. Забаай родился в Пальмире, и этот город всегда был частью его жизни, но сегодня он взглянул на него по-настоящему, и то, что увидел, заставило его задуматься. Великолепная архитектура города, а также его восхитительные парки, зеленеющие благодаря подземным источникам оазиса, – все это внезапно поразило Забаая. Этот чудесный город изумлял, ошеломлял и даже отчасти подавлял своим великолепием.

Он знал, что Зенобия не удовлетворится ролью украшения и племенной кобылы. «Но какую же роль, – думал Забаай, – предстоит ей играть в управлении этим городом?» Так уж повелось, что пальмирские принцессы всегда славилась своей красотой, но не более того. Однако его дочь совсем другая... Забаай со вздохом покачал головой. Ох, неужели честолюбивые устремления по отношению к любимому ребенку лишили его здравомыслия?

– Забаай, кузен мой!.. – В комнату стремительно вошел Оденат в развевающихся белых одеждах. – Прости, что заставил тебя ждать.

– Мне было очень удобно в столь приятной обстановке, господин мой принц, – вежливо ответил гость.

– Я пригласил тебя сюда, чтобы мы могли обсудить условия нашего с Зенобией брака, прежде чем позову писца. Какое приданое ты за ней даешь?

– Я дам за ней тысячу породистых коз: пять сотен белых и пять сотен черных. И еще – двести пятьдесят боевых верблюдов и сотню арабских лошадей. И это не считая драгоценностей, одежды, всевозможной домашней утвари и документов на дом ее матери.

Принц был поражен великолепием приданого. Он и не подозревал, что оно окажется таким огромным. А впрочем... Отец Зенобии вполне мог себе это позволить, ведь стада его неисчислимы.

Вскоре писец принца уже составлял соглашение о приданом – его перо так и летало по пергаменту, записывая один пункт за другим. По законам бедави передача имущества от отца невесты к ее мужу уже делала Одената законным господином Зенобии, но в жилах принца, как и в жилах его невесты, текла также и эллинская кровь, и потому было решено, что официально они поженятся в атриуме дома Забаая, а точная дата будет зависеть от знамений, на которые сегодня же вечером обратят внимание жрецы храма.

Послали за Аль-Зеной, и она вместе с греческим секретарем принца засвидетельствовала подписание документа о помолвке и официальный вопрос, заданный Оденатом своему будущему тестю.

– Ты обещаешь отдать мне в жены свою дочь? – спросил принц.

– Обещаю, – ответил Забаай. – Да даруют нам боги свое благословение.

– Да даруют нам боги свое благословение, – отозвался Оденат.

– Итак... – Аль-Зена нахмурилась. – Ты и впрямь это делаешь?

– Матушка, ты не одобряешь мой выбор?

Аль-Зена вздохнула и повернулась к гостю.

– Не обижайся, Забаай бен-Селим. Я считаю твою дочь очень милым ребенком, но не вижу необходимости в женитьбе моего сына. У него уже есть дети.

– Пальмирой никогда не правили бастарды! – последовал резкий ответ. – Ведь ты наверняка должна знать этот закон.

Оденат спрятал усмешку, а его мать в замешательстве ответила:

– Ты всегда был... чересчур прямолинеен, Забаай бен-Селим. Остается только надеяться, что дочь не пошла в тебя.

– Зенобия – это Зенобия. Она сделает честь этому городу.

– Вот уж действительно! – Аль-Зена презрительно фыркнула и, резко развернувшись, вышла из библиотеки.

Забаай бен-Селим любезно улыбнулся принцу и проговорил:

– Ты ведь пожелаешь увидеться с Зенобией до того, как мы с ней уедем.

Это был не вопрос, а утверждение, и принц в растерянности переспросил:

– Уедете?

– Теперь, когда ваше обручение состоялось официально, мой господин, Зенобия должна вернуться домой. В сложившихся обстоятельствах она больше не может оставаться во дворце. Она прибудет сюда в день свадьбы, а до тех пор вы с ней видеться не должны.

– Но я думал, мы с ней проведем это время, чтобы поближе познакомиться друг с другом...

– Увы, обычаи требуют проявлять сдержанность, – решительно заявил Забаай.

– Чьи обычаи? – воскликнул Оденат.

– Старинные обычаи бедави, мой господин, – ответил гость с невозмутимым видом. – После свадьбы у вас с моей дочерью будет очень много времени, чтобы лучше узнать друга друга.

– Я прикажу жрецам из храма Юпитера пожертвовать ягненка сегодня же вечером, чтобы определиться с датой, – сказал принц. – Но сначала схожу к Зенобии и попрошаюсь с ней.

– Я подожду твоего возвращения, мой господин. – Откинувшись на спинку кресла, Забаай протянул свой кубок рабу, чтобы тот его наполнил, и с усмешкой посмотрел вслед молодому кузену, поспешно выходявшему из комнаты.

«До чего же ему не терпится!» – мысленно воскликнул вождь бедави. Что ж, краткая разлука только раззадорит его. И пусть Аль-Зена придирается и жалуется, он, Забаай, мог поспорить: мысли о Зенобии прекрасно подстегнут Одената и заставят с нетерпением ждать свадьбы.

Принц не сразу пошел в покои, где разместились Зенобия. Сначала заглянул в сокровищницу – в хранилище для драгоценностей – и выбрал кольцо, которое собирался подарить в честь помолвки своей будущей жене. Долго выбирать не пришлось – он заприметил это кольцо несколько месяцев назад, когда казначей обнаружил его в полусгнившей кожаной сумке на самой задней полке. Казначей пришел в страшное возбуждение и заявил, что это то самое кольцо, которое царица Савская послала царю Соломону в знак своей любви, и что оно внесено в самые древние списки знаменитых сокровищ.

Взяв кольцо, принц поспешил к Зенобии. В прихожей ее покоев его встретила Баб. Служанка внимательно осмотрела принца с ног до головы, одобрительно кивнула и сообщила:

– Она только что вышла из купальни. Если ты, мой принц, подождешь минутку, моя госпожа будет готова принять тебя.

– Благодарю, Баб, – любезно ответил Оденат.

Ему нравилась эта маленькая кругленькая женщина в простых одеждах, всегда прятавшая под платком свои седеющие волосы. Под солнцем пустыни ее лицо давно стало коричневым, а глубокие морщины были отчетливо видны и вокруг глаз, и у рта.

– Ты будешь добр к моей девочке, – произнесла старушка со спокойной уверенностью.

– Да, Баб, конечно. Я ведь люблю ее и хочу, чтобы она была счастлива.

– Будь с ней тверд, мой господин. Тверд, но и ласков.

– Но разве кто-нибудь может быть твердым с Зенобией? – с улыбкой спросил Оденат.

Баб весело засмеялась, но ответить не успела – в комнату вошла Зенобия, и Оденат, увидев ее, тотчас забыл обо всем на свете. А Баб, улыбаясь, выскользнула из комнаты, оставив влюбленных наедине.

Принц не мог отвести глаз от Зенобии, раскрасневшейся и порозовевшей после купания. От ее распущенных волос и белой туники исходил едва уловимый аромат гиацинта. Несколько секунд Оденат стоял, не в силах шевельнуться. А затем послышался голос Зенобии:

– Рада тебя видеть, мой господин.

И в тот же миг Оденат протянул к ней руки и заключил ее в свои жаркие объятия. Чуть наклонив голову, он прикоснулся губами к ее губам и с удовлетворением ощутил, что ее пронзила дрожь.

– О, Зенобия, Зенобия... – бормотал принц, целуя ее в уголки рта и в прикрытые трепещущие веки.

Затем он снова нашел ее губы, но на сей раз поцелуй был долгим и страстным. Внезапно руки девушки скользнули вверх и обвились его шею, а гибкое юное тело все крепче прижималось к нему. Очарованный ее пробуждавшейся страстью, Оденат провел языком по губам Зенобии, они тотчас же приоткрылись, и из горла девушки вырвался тихий стон. Томление, так таинственно возникшее прошедшей ночью, вновь овладело ею, чтобы терзать и терзать... Оно нахлынуло непонятно откуда – и захлестнуло ее, задыхавшуюся и растерянную. Пальцы Одената теребили ее уже и без того отвердевшие соски, и ей даже хотелось плакать от счастья. Ах, оно было такое новое, такое чудесное, это дивное чувство, что называют любовью...

Наконец Оденат отстранился от нее, и Зенобия чуть покачнулась, но в голове у нее тотчас прояснилось и она обрела равновесие. А затем послышался голос принца, доносившийся, казалось, откуда-то издалека, но слова звучали отчетливо:

– Мы с твоим отцом подписали официальный договор о помолвке, мой цветочек. Но Забаай говорит, что ты должна на время покинуть дворец. То есть мы с тобой не сможем видеться до самого дня свадьбы.

– Но почему? – удивилась Зенобия.

– Он говорит, что таковы обычаи.

Девушка, нахмурившись, довольно долго молчала, наконец произнесла:

– Да будет так, как повелел мой отец.

Ее покорность понравилась Оденату.

– Я принес тебе традиционный дар, – сказал он, поднимая вверх левую руку девушки и надевая кольцо на средний палец, – считалось, что именно в этот палец тепло шло прямо из сердца.

Зенобия в изумлении уставилась на круглую черную жемчужину в золотой оправе и пробормотала:

– О, это... невероятно! У меня никогда не было подобного кольца.

– Мой казначей говорит, что оно указано в списке даров, отправленных царицей Савской царю Соломону, когда он жил тут, в Пальмире, наблюдая за строительством города. Я сразу понял, что оно понравится тебе, мой цветочек. Оно прямо-таки светится на фоне теплого абрикосового оттенка твоей кожи.

Оденат перевернул руку невесты ладонью вверх и запечатлел нежный поцелуй в самом центре ладошки. И в тот же миг по спине Зенобии пробежали восхитительные мурашки. Внезапно смутившись, она высвободила руку, и принц опять прижался губами к ее губам.

– О, моя Зенобия, ты такая уверенная в себе во всем, кроме любви. И я научу тебя понимать те чувства, что захлестывают тебя и даже слегка пугают. Научу любить и быть любимой. Между нами не будет ни сомнений, ни страха, мой цветочек, и мы будем доверять только друг другу. – Его губы еще раз легонько коснулись ее губ. – Я люблю тебя, Зенобия, люблю тебя...

Она еще ни разу в жизни не была так близка к обмороку, как сейчас. Судорожно цепляясь за Одената, Зенобия, задыхаясь, прошептала:

– А я люблю тебя, мой Ястреб, очень люблю!

И в тот же миг она радостно улыбнулась: произнесенные вслух, эти ее слова принесли ей странное облегчение. И никто из них не услышал, как открылась дверь.

– Ты уже готова к отъезду, дочь моя? – На пороге стоял Забаай бен-Селим, благосклонно улыбающийся.

Влюбленные тотчас отскочили друг от друга, и Зенобия, вспыхнув, сказала:

– Я должна переодеться в хитон, отец.

– Нет, – возразил Оденат. – Тебя доставят домой в паланкине. Предпочитаю, чтобы ты не ездила через весь город, показывая всем свои голые ноги.

К изумлению Забаая бен-Селима, Зенобия тут же кивнула в знак согласия. Шагнув к отцу, сказала:

– В таком случае я готова.

Вождь бедави снова улыбнулся и проговорил:

– Баб позже привезет твои вещи, дочь.

Но она уже прошла мимо него и скрылась за дверью.

– Я сообщу тебе сразу же, как только сегодня вечером назовут дату свадьбы, кузен, – сказал принц.

Вождь бедави кивнул и вышел из комнаты вслед за дочерью.

Перед самым закатом верховный жрец в храме Юпитера зарезал белоснежного ягненка. Внимательно рассмотрев исходившие паром внутренности, объявил, что самое благоприятное время для свадьбы наступит через десять дней. Получив это известие от гонца, Забаай бен-

Селим с усмешкой подумал: «Какой же величины был дар, пожертвованный Оденатом храму в обмен на столь желанный вердикт?»

О предстоящих торжествах объявили на следующий день, и граждане Пальмиры возликовали, но во дворце римского губернатора Антония Порция эту новость восприняли не столь радостно. Взглянув на своего собеседника, Антоний проворчал:

– А я-то надеялся, он удовольствуется той малышкой, своей греческой наложницей. Умри он без законного наследника, Рим мог бы получить этот город беспрепятственно и целиком.

– Но город и так наш, – сказал гость губернатора.

– Пока в Пальмире имеется законный правитель, всегда есть шанс мятежа, – возразил Антоний Порций.

– Мне представлялось, что Оденат абсолютно лоялен к Риму, – послышался ответ.

– О, он-то лоялен. Его невеста – вот кого я опасуюсь. Марк Александр, ты просто не знаешь, что за дьяволицу он выбрал! Зенобию бат-Забаай, наполовину александрийскую гречанку и египтянку, наполовину дикарку бедави. Какой-то галльский наемник несколько лет назад убил ее мать, и с тех пор она страстно ненавидит всех римлян.

– Ничего удивительного, – пробормотал собеседник.

– Да ты не знаешь эту девицу... – возразил губернатор. – Она сидела среди тех, кто был виновен в этом преступлении, и восемнадцать часов подряд смотрела, как они умирают. Тогда всего лишь ребенок, она сидела, неподвижная как статуя, и наблюдала за их муками. В ней нет ни капли жалости! Влюбленный мужчина – ненадежный человек, а Оденат, как мне говорили, просто без ума от нее. Она сможет настроить его против нас.

– Мне кажется, Антоний, ты придаешь слишком большое значение браку какого-то жалкого царька и девчонки-полукровки. Никакая девушка не сумеет победить империю. Некоторые мужчины пробовали, и никому из них не удалось. Рим непобедим и всегда будет непобедимым.

Губернатор вздохнул и подумал с горечью: «Почему римляне этого не понимают? Я-то знаю Восток и его людей...» А вот его гость, Марк Александр Британий, приехавший к обеду, уж точно ничего не понимал. Марк был старшим сыном богатого патриция Луция Александра Британия, римского губернатора в Британии, женившегося на дочери местного могущественного вождя. Младший сын, Авл, уже унаследовал имения своего деда по материнской линии. Кроме того, имелись еще и две сестры, Луция и Евсевия, обе замужем за выдающимися римлянами. Но Марк Александр, хоть и был старшим сыном, оставался холостяком. Он какое-то время служил в армии, а теперь приехал в Пальмиру, чтобы основать торговое дело и переправлять товары с Востока в Британию, где младший брат собирался их продавать. Странное занятие для сына видного римлянина... Патриции обычно выбирали себе что-нибудь более достойное. Впрочем, ему, Антонию, сейчас следовало подумать о другом... Ведь очень может быть, что Марк Александр, вдобавок к своему промыслу, станет также глазами и ушами тех, кто сидел в Риме на самом верху. Кроме того, ходили слухи, что принцу Оденату позволят править от лица Рима, когда через несколько лет он, Антоний, уйдет на покой. Конечно, принц и сейчас правил городом, однако все, что он делал, за исключением мелких судебных вопросов, исполнялось под руководством губернатора. И Рим, судя по всему, и в дальнейшем не собирался предоставлять Оденату полную свободу действий. Очевидно, в столице решили прислать кого-нибудь в Пальмиру в качестве наблюдателя, и губернатор подозревал, что этим человеком и являлся Марк Александр. К тому времени как Оденату якобы отдадут власть, Марк Александр уже станет в Пальмире своим человеком, и никто ни в чем не будет его подозревать. Никогда еще в истории Рима – хоть в республике, хоть в империи – члены рода Александров не были замечены в каких-либо действиях, связанных с предательством и нелояльностью, – при любых обстоятельствах они оставались римлянами.

«Кроме того, Марк – мужчина весьма привлекательный, – размышлял губернатор, – и он явно унаследовал от матери-британки высокий рост, цвет глаз и волос». В общем, Антоний ни секунды не сомневался: женщины Пальмиры толпой повалят в постель Марка Александра, потому что к его привлекательному телу добавлялось красивое, классически изящное лицо, которое...

– Ты слишком пристально на меня смотришь, Антоний Порций, – внезапно раздался голос гостя. – Что-то не так?

– Что?... О, нет-нет, Марк Александр! Все в порядке! Я просто думал о том, как ты похож на своего отца. Какое-то время мы с ним вместе служили в Британии. Там скверный климат... Никогда не мог там толком согреться.

Гость язвительно усмехнулся и проговорил:

– Уверен, что здесь, в Пальмире, ты мечтаешь о британской прохладе.

Губернатор делано хохотнул.

– Нет-нет, мои старые кости предпочитают жару Востока, а не сырость Британии и Галлии.

Марк Александр взглянул на свой кубок с фалернским вином и, немного помолчав, спросил:

– Ты и в самом деле считаешь, что этот брак представляет для Рима опасность? Но если так... Может быть, стоит избавиться от этой девицы, пока не поздно?

По спине Антония Порция пробежал холодок. Откашлявшись, он проговорил:

– Видишь ли, Зенобия бат-Забааи действительно не любит Рим и римлян, но я думаю, что ты не ошибся – она и впрямь всего лишь хрупкая девушка. Ну какую опасность она может представлять для империи? Сначала ей придется ублажать в постели мужа, потом много лет растить детей и внуков... Ей просто некогда будет думать об отмщении Риму за смерть матери... Я старею, Марк Александр, и вижу иногда угрозы, которых на самом деле не существует.

«И еще, – подумал губернатор, – я определенно не хочу, чтобы смерть этой девушки была на моей совести».

– Лучше проявить осторожность чрезмерную, чем недостаточную, – заметил гость. – Ты пойдешь на свадьбу?

– О да, конечно! Жители Пальмиры давно приобщились к римской культуре и религии. Это будет традиционная церемония конфарреации³, которую проведут в атриуме дома Забааи бен-Селима, а после пиршества свадебная процессия проедет через весь город ко дворцу принца. По сути, все будет происходить так же, как в Риме.

– Может быть, мне следует постоять в толпе у дома невесты, чтобы посмотреть на нее, когда она будет уезжать?

– Она очень красива, – сказал губернатор.

– По меркам Востока – возможно, – отозвался Марк Александр. – Но лично я предпочитаю светловолосых.

– Однат тоже их предпочитал, – заметил Антоний Порций. – Пока не встретил Зенобию.

– В самом деле?... – Гость задумался. – В таком случае я обязательно должен увидеть ее. Хотя... Обычно девушки в день своей свадьбы излучают своего рода сияние, которое превращает в красоток даже самых непривлекательных.

– Так посмотри на нее до свадьбы, – с лукавой улыбкой посоветовал губернатор. – Она вернулась в дом своего отца, и у нее есть привычка каждое утро кататься верхом в пустыне. Выезжай пораньше, и, возможно, ты сможешь ее увидеть.

³ Конфарреация – древнейший обряд при заключении патрицианского римского брака, сопровождавшийся религиозными формальностями.

Марку Александру стало по-настоящему любопытно, и поэтому следующим же утром он поднялся еще до рассвета и по караванной тропе отправился в пустыню. Остановившись за дюной, он довольно долго наблюдал, как солнце окрашивало небо в золотистые и оранжевые тона. И в конце концов его терпение было вознаграждено – он услышал топот копыт, а через несколько мгновений увидел великолепную арабскую лошадь, несущуюся стремительным галопом. И казалось, что всадник, сидевший в седле низко пригнувшись, сливался с животным в единое целое. Натянув поводья, он заставил лошадь перейти на шаг, а затем выпрямился.

И в тот же миг у Марка Александра перехватило дыхание. Это была девушка, но какая девушка!.. Длинные обнаженные ноги... Полные округлые груди... А про лицо можно было сказать только одно: прекраснее его он ничего не видел. Более того, он даже не представлял, что девушка может быть настолько прелестной.

Марк Александр выехал из-за дюны, и девушка, повернувшись в седле, холодно посмотрела на него.

– Доброе утро, – произнес он.

Зенобия молча кивнула, глядя на великана, внезапно появившегося перед ней.

– Я Марк Александр Британий, недавно приехал в Пальмиру, – представился он.

– А я Зенобия бат-Забаай, – ответила красавица.

– Ты всегда едешь верхом одна, Зенобия бат-Забаай?

– А ты разве нет, Марк Александр? – послышался язвительный ответ.

Римлянин пожал плечами.

– Но ведь я мужчина...

– Я это заметила. Доброго тебе утра, Марк Александр. – Девушка натянула поводья, и лошадь направилась вперед.

– Зенобия, погоди! – Марк попытался схватить ее белую кобылу за уздечку, однако девушка оказалась проворнее и рывком отвернула голову лошади.

Кобыла взвилась на дыбы, но Зенобия тотчас же ее успокоила и пристально посмотрела на римлянина. Ее прекрасные серые глаза пылали гневом, и она, едва сдерживаясь, проговорила:

– Никогда больше не прикасайся к лошади, на которой еду я, Марк Александр! Никогда! Ты поздоровался со мной, и законы гостеприимства требуют, чтобы я поздоровалась в ответ. Но я не люблю римлян. Особенно голубоглазых. Четыре года назад голубоглазые римляне убили мою мать после того, как ворвались в наш дом и воспользовались ею для своего удовольствия. Я езжу верхом одна, потому что мне так нравится. А теперь убирайся с моей дороги! Я хочу ехать дальше!

– Прошу прощения, Зенобия бат-Забаай. Мне жаль, что моя внешность вызвала у тебя столь мучительные воспоминания. И я не хотел тебя оскорбить. Но дело в том, что я новичок в Пальмире. Люблю кататься верхом, однако... Не уверен, что не заблужусь в вашей пустыне. Я всего лишь надеялся на честь поехать с тобой, чтобы немного познакомиться со здешними тропами, – добавил Марк с виноватой улыбкой.

Зенобия почувствовала себя виноватой, но она не собиралась отступать от своей позиции и уже более миролюбиво проговорила:

– Тебе лучше не кататься по пустыне без сопровождения, Марк Александр. Тут то и дело встречаются персы-мародеры, и можно также наткнуться на нескольких отщепенцев-бедави, которые ищут глупого странника, чтобы ограбить и убить. Они не станут разбираться, римлянин перед ними или кто-то другой. Им все равно, кому перерезать глотку и чей кошелек срезать.

И Зенобия наконец как следует рассмотрела своего собеседника и невольно подумала: «А ведь этот римлянин – очень привлекательный мужчина... Возможно, самый привлекательный

из всех, что я когда-либо видела». Но тут же отбросила эти мысли. Ведь было совершенно ясно: самый красивый мужчина на свете – это ее Ястреб.

Марку ужасно хотелось спустить Зенобию с лошади – и целовать до тех пор, пока она не смягчится и не улыбнется ему ласково. Но он, разумеется, сдержался, так как не хотел портить отношения с жителями Пальмиры. Это непременно произошло бы, если бы он соблазнил невесту принца. Поэтому он кивнул и произнес:

– Вероятно, ты права, Зенобия бат-Забаай. Пожалуй, мне лучше сейчас же вернуться в город. – Не в силах удержаться, он добавил: – Ведь очень может быть, что ты как раз и есть одна из тех женщин, которые заманивают в смертельную ловушку ничего не подозревающих странников.

Отъезжая, Марк с удовлетворением услышал, как Зенобия негодуяще ахнула.

«Очень красивая девушка... – подумал Марк. – И озлобленная». Но кто мог ее за это винить? Антоний Порций всего лишь сказал, что мать Зенобии убили римские легионеры, а про изнасилование даже не обмолвился. Бедная девочка... Но сейчас не время объяснять ей разницу между варварами-галлами и романо-бриттами вроде него.

Отъехав немного, Марк оглянулся. Зенобия, пустив свою кобылу в галоп, вихрем неслась по пустыне. Марк Александр хмыкнул себе под нос. Ему нравились женщины с характером.

В течение следующих нескольких дней он усердно трудился, и его подбадривал бывший раб, ставший его правой рукой. Север был его наставником еще в детстве, когда же отец предложил ему вольную, Север попросил, чтобы его оставили служить семейству Александров. В этой просьбе ему отказать не могли, и с тех пор Север обучался у Луция Александра основам коммерческой деятельности. Он прибыл в Пальмиру за два месяца до Марка Александра, чтобы купить виллу и склад.

Теперь бразды правления переходили к Марку, но как он ни пытался сосредоточиться, мысли его то и дело возвращались к длинноногой девушке, такой же норовистой, как и ее кобыла. С некоторым изумлением Марк осознал: он страстно желал ее, потому что не мог получить. Да-да, Марк Александр, сын Луция, богатый, красивый, с самого рождения не получавший ни в чем отказа (в пределах разумного, конечно), всерьез влюбился впервые за свои двадцать пять лет.

По мере приближения дня свадьбы возбуждение в доме Забаая бен-Селима все усиливалось, пока не достигло крайней степени. Хотя ни одна из женщин Забаая, кроме Тамар, никогда не обращала ни малейшего внимания на Зенобию, сейчас все до единой рвались помочь и хотели занять место матери невесты. Каждая давала ей советы всякий раз, как оказывалась рядом; каждая пыталась выбрать ей наряд на свой вкус; каждая возмущалась вмешательством остальных. Зенобия стала чем-то вроде отборного куска мяса, из-за которого торгуются все женщины на базаре. В конце концов ей пришлось умолять отца, чтобы сказал своим женщинам, что она нуждается в помощи одной только Тамар. И именно Тамар должна была занять место матери невесты – и больше никто. И Зенобию в конце концов оставили в покое.

Вечером накануне свадьбы она взяла небольшой медальон, подаренный матерью, когда Зенобия только родилась, и положила на алтарь домашних богов. Эти боги приглядывали за ней все детство, но завтра детство закончится и никогда не вернется, поэтому девушка и принесла торжественную жертву, положив на алтарь последнюю кроху своих детских лет. Будь она младше, положила бы сюда и свои игрушки, но их уже давно выбросили. И вот сейчас, стоя в маленьком семейном садике, где находился алтарь, она возносила молитву к матери, отчаянно желая, чтобы каким-нибудь чудом, доступным только богам, Ирис оказалась завтра рядом с ней. В первый раз за много месяцев ей ужасно не хватало матери. И сейчас она вспоминала не столько красоту Ирис, сколько сладкий аромат ее духов, нежные прикосновения ее рук и шорох длинных юбок, когда мать выходила вечером из комнаты дочери. Зенобия вспоминала

прекрасную женщину, у которой всегда находилось для нее время, и которая так радостно смеялась, глядя, как муж и дочь играют вместе. По щеке Зенобии покатилась слезинка, за ней – другая, и вскоре все ее лицо сделалось мокрым от слез.

Заметив, как вздрагивали плечи девушки, Баб шагнула к ней, но Тамар ее удержала и сказала:

– Нет. Малышка ни разу толком не поплакала после гибели Ирис, а выплакаться ей необходимо. Пусть оставит свое горе здесь, вместе с тем, что осталось от ее детства.

Баб кивнула и тихо ответила:

– Ты права, конечно, но я не могу видеть ее боль. Ах если бы я могла заслонить ее от всего зла, что есть в жизни!

– Этим ты не окажешь ей услугу, Баб. Зенобия должна сама встретиться со своим будущим – лицом к лицу. Ведь если она не узнает зло, – то как сможет справиться с ним?

– Да, знаю, – со вздохом проговорила Баб. – И вообще, я болтаю глупости. Разве кто-нибудь сумел заслонить Зенобию хоть от чего-нибудь?

– Давай войдем в дом, – сказала Тамар. – Скоро наше дитя придет к нам, чтобы на счастье примерить свадебный наряд. Она не должна догадаться, что мы наблюдали за ней в такую интимную минуту.

Обе женщины вернулись в комнаты и стали ждать девушку, чтобы по традиции провести с ней вечернее время накануне свадьбы. И обе верили, что Ирис сейчас смотрит на свою дочь и радуется за нее.

Этой ночью сон ускользал от Зенобии: как любая невеста накануне свадьбы, она испытывала и страх, и возбуждение, думая о предстоящем событии. А чудесные минуты, которые она провела с принцем две недели назад, лишь подстегивали любопытство. Задремав наконец-то, она почти тут же в испуге проснулась, вспоминая запутанный сон, в котором рослый широкоплечий римлянин смотрел на нее насмешливыми голубыми глазами. Зенобия села в постели и, дрожа всем телом, подумала: «Не тень ли убийцы моей матери явилась ко мне накануне свадьбы?» Затем она вспомнила римлянина, Марка Александра Британия, которого встретила в пустыне несколько дней назад. Он и был тем человеком из ее сна. Весьма озадаченная, Зенобия не понимала, отчего он ей приснился. Со вздохом покачав головой, девушка снова легла и погрузилась в беспокойный сон.

В час перед рассветом явился прорицатель. Принесли в жертву овцу, и он счел знамения самыми что ни на есть благоприятными. Дом Забаа бен-Селима украсили множеством цветов, а также пальмовыми ветвями, колонны обвили разноцветной шерстью, а по всему атриуму, где должна была состояться церемония, развесили изысканные гобелены. Гости начали прибывать еще до первых лучей солнца.

В своей спальне, с помощью Тамар и Баба, Зенобия заканчивала приготовления к свадьбе. Она уже искупалась и вымыла свои чудесные черные волосы. Затем их разделили на шесть прядей с помощью гребня в форме копья – то был древний обычай, бравший свое начало еще с тех времен, когда похищение невесты и насильственная свадьба были скорее правилом, чем исключением. Эти пряди аккуратно скрутили и закрепили лентами из серебряной парчи.

Подвенечным платьем служила белая туника из тонкого, как паутинка, шелка, сотканного руками Тамар и Баба; одеяние было сшито из единого куска ткани и ниспадало до самых ног Зенобии, обутых в серебристые сандалии. Тунику стянули на талии полоской шерстяной ткани, завязанной геркулесовым узлом⁴, ибо Геркулес считался хранителем супружеской жизни. Только став мужем Зенобии, Оденат получит право развязать этот узел. Поверх туники на невесту накинули покрывало огненного цвета, а на голову надели венок из белых фрезий.

⁴ Геркулесов узел – сложный узел, который в патриархальные времена Рима жених развязывал на поясе невесты, моля Юнону даровать ему многочисленное потомство.

Внизу уже ждал жених со своей матерью и друзьями. Он облачился в отороченную серебром белую тогу, а на голову ему надели венки из белых фрезий – как у невесты. Вскоре прорицатель объявил, что предзнаменования благоприятны, и свадебная церемония началась.

Тамар, исполнявшая во время церемонии обязанности пронубы⁵, вывела вперед Зенобию. Затем жена Забаа соединила перед гостями руки невесты и жениха, и Зенобия выразила словами свое согласие на брак. Она произнесла эти слова трижды, сначала – на латыни, потом – по-гречески, и в третий раз – на арамейском диалекте своего племени, чтобы ее поняли все присутствующие.

После этого верховный жрец из храма Юпитера подвел молодых к домашнему алтарю, усадил обоих и сделал бескровное подношение Юпитеру – пшеничную лепешку. Еще одну лепешку съели жених и невеста. Далее верховный жрец прочитал молитвы Юноне, покровительнице брака, а также всем местным богам.

Когда церемония завершилась, все гости закричали «Feliciter!», что являлось пожеланием удачи и счастья. Затем Оденат повернул Зенобию к себе лицом, и она почему-то вдруг ужасно засмушалась и покраснела. Принц поцеловал ее в лоб и прошептал:

– Я очень скучал по тебе, мой цветочек.

– А я скучала по тебе, мой Ястреб, – так же тихо ответила Зенобия.

И это был единственный момент, когда им удалось побыть наедине по прошествии многих часов. Роскошный свадебный пир должен был продолжаться до самого вечера. Зная, чего от нее ожидали, Зенобия взяла мужа за руку, и они вместе повели гостей в великолепный пиршественный зал Забаа, находившийся в саду позади виллы. Здесь, на вымощенной плитками площадке, расставили обеденные столы и лежа. В центре площадки бил фонтан – извергавшаяся изо рта позолоченного морского дракона струя воды. Молодые супруги заняли ложе за центральным столом, а гости расположились в соответствии с важностью их положения.

Трапеза разделялась на три части. Сначала подавали закуски – спаржу с маслом и уксусом, тунца с ломтиками яйца, устриц, доставленных из-за моря, а также дроздов, зажаренных до золотистого цвета и поданных на листьях кресс-салата. И все это укладывалось на серебряные блюда, украшенные абрикосами. На вторую перемену предлагалась филейная часть козла, ножки ягнят, жареные цыплята, утки – как дикие, так и домашние, – а также заяц. Кроме того, подали огромные миски с овощами – зелеными бобами, цветной капустой, доставленной из Европы; были салат-латук, лук, редиска, огурцы и, конечно же, оливки и маслины. И повсюду на столах лежали круглые караваи хлеба – горячие, только что из печи.

Когда основные блюда убрали, на столах расставили хрустальные вазы с миндалем и фиштакками, блюда с зелеными и золотистыми грушами, красными и фиолетовыми сливами, персиками, абрикосами, вишнями, гранатами и виноградом – черным, розовым и зеленым. Еще подали медовые пирожные в форме бабочек, посыпанные орехами и маком, а затем принесли огромный свадебный пирог, начиненный изюмом и коринкой. По куску этого пирога потом раздали всем гостям – чтобы отнести домой, на счастье.

Во время основной трапезы гостям наливали вино, смешанное с водой, но когда подали десерт, в подставленные кубки полилось густое крепкое красное вино. В результате пирующие все больше оживлялись, голоса их звучали все громче. И вот наконец началось представление, и перед гостями появились жонглеры, пляшущие собачки и девушки-танцовщицы. Утро плавно перешло в день, а затем наступил и вечер – теперь должна была начаться самая главная часть свадебной церемонии. Чтобы брак считался законным, невесту следовало доставить до дома ее мужа с величайшей помпой и торжественностью.

⁵ Пронуба – в Древнем Риме замужняя подруга невесты, выполнявшая функции посланницы Юноны и соединявшая руки новобрачных во время свадебной церемонии.

Всю вторую половину дня у дома Забаая бен-Селима и вдоль дороги, по которой супружеская чета должна была возвращаться во дворец принца, собирались толпы народа. И вот, с прибытием факельщиков и флейтистов, начала выстраиваться процессия (Баб заранее ушла во дворец, а Зенобия, как и полагалось, еще раньше попрощалась с домочадцами). Гости исполнили свадебный гимн, и Оденат сделал вид, что силой вырывает Зенобию из объятий Тамар. Затем невеста заняла почетное место во главе процессии в сопровождении троих своих самых младших братьев. Двое из них стояли по бокам и держали сестру за руки, а старший занял место впереди, чтобы освещать путь свадебным факелом из боярышника.

Прежде чем процессия тронулась в путь, Забаай негромко сказал дочери:

– Помни, все мы – твоя семья. И если мы тебе потребуемся, то тебе всего лишь нужно позвать нас.

Она одарила отца сияющей улыбкой.

– Я запомню, но буду молить богов, чтобы мне никогда не пришлось воспользоваться этим предложением.

– Лучше быть ко всему готовой, – сказал Забаай в ответ.

– Идем, мой цветочек. – К Зенобии подошел улыбающийся Оденат.

Она тоже улыбнулась ему, и процессия тронулась в путь. Стоя в толпе, выстроившейся вдоль улицы, Марк Александр смотрел, как уходила Зенобия – такая же красивая, какой ему запомнилось, – и впервые в жизни испытывал ревность. Да-да, он ревновал к принцу Пальмиры, который должен был скоро развязать геркулесов узел на платье Зенобии. Но будет ли он с ней нежен? Или набросится на девушку как дикий зверь и напугает ее?

Марк Александр тяжело вздохнул. Уж он-то был бы нежен... Он бы ласкал эту редкостную красавицу долго-долго, пока в ее прекрасном теле не вспыхнул бы огонь страсти. Огонь, которым хочется обладать – и который обладает тобой.

Север, стоявший рядом с Марком, какое-то время внимательно наблюдал за ним. И чем дольше он наблюдал, тем больше изумлялся, ибо было совершенно очевидно: его хозяин влюбился в новоиспеченную принцессу Пальмиры.

Но размышлять об этом было некогда, потому что толпа уже присоединилась к процессии. Распевая песни, полные грубых шуток и двусмысленностей, горожане сопровождали невесту через весь город к ее новому дому. «Везде одно и то же, – с усмешкой подумал Север. – Принцессу, патрицианку или простую обывательницу – всех невест провожают с одинаковыми вульгарными песнями».

На первом же перекрестке Зенобия бросила монету в жертву богам этого места, вторую монету подарила Оденату – как символ приданого, которое принесла ему, а третью сохранила, чтобы положить на алтарь богов своего нового дома. Пока они шли, в толпе то и дело вспыхивали шуточные ссоры из-за леденцов, лепешек с кунжутом и орехов, которые принц разбрасывал по дороге, произнося традиционную молитву о плодовитости жены.

Наконец процессия добралась до дворца, и Зенобия, остановившись у главных ворот, обвила столбы шерстью – символом ее обязанностей как хозяйки этого дома, затем помазала ворота маслом и жиром – символами изобилия. Затем Оденат, подхватив молодую жену на руки, нес ее аж до главного атриума дворца. После чего двери за ними захлопнулись.

Перед избранными гостями, приглашенными во дворец, Оденат предложил жене огонь и воду – как знаки их новой жизни вместе. Взяв у мужа свадебный факел, Зенобия сунула его в кучу дров, уложенных в очаг атриума, а затем бросила уже потухший факел гостям. Те устроили небольшую свалку, пытаясь заполучить факел «на удачу». Потом Зенобия вознесла молитву богам с просьбой одарить ее плодовитостью, и поблагодарила их за свою счастливую судьбу. Тамар, все еще исполнявшая роль пронубы, подвела свою подопечную к декоративному брачному ложу: такое всегда ставилось в атриуме в брачную ночь и оставалось там и потом, – что послужило сигналом к уходу гостей. И вскоре молодые супруги остались одни.

Несколько минут они стояли молча, затем принц спросил:

– Ты устала, мой цветочек?

– Да.

– Тогда давай ложиться.

– Здесь? – изумилась Зенобия, в панике оглядывая огромный открытый атриум.

Принц едва заметно улыбнулся.

– Нет, не здесь, милая. У тебя ведь в садах дворца есть собственный дом. Именно туда мы сейчас и пойдем. И мы с тобой будем вместе там жить.

Немного успокоившись, Зенобия спросила:

– А Баб уже там?

– Не этой ночью, мой цветочек. Эту ночь мы проведем только вдвоем.

Зенобия молча кивнула, а Однат, взяв ее за руку, добавил:

– Надеюсь, твой дом тебе понравится, мой цветочек. Он не слишком большой – я подумал, что ты такой не захочешь. Последние две недели почти все городские мастера и ремесленники трудились не покладая рук, чтобы построить тебе этот дом.

– Так он новый?... О, Ястреб, я вовсе не хотела доставлять тебе столько хлопот!

– Я хотел, чтобы у тебя был собственный дом, любовь моя. Двухэтажное здание из саманных кирпичей, облицованное снаружи белым мрамором. Разумеется, там есть атриум, чтобы ты могла принимать гостей, а также библиотека, где я смогу работать. В столовой, выходящей на юг, мы будем трапезничать зимой, а в другой, выходящей на север, мы будем обедать летом. Пиршественный зал нам не нужен, потому что в самом дворце их несколько. На первом этаже есть кухня и еще одна большая комната – возможно, ты захочешь пользоваться ею сама. И там же – удобная комнатка для Баба. Я подумал, что она предпочтет первый этаж, потому что там не так много ступеней, на которые придется взбираться. Спальни и помещения для купания находятся на втором этаже. Я выбрал не так уж много мебели – решил, что тебе захочется самой что-нибудь приобрести. И рабов выберешь себе сама. Но в ближайшие несколько дней нам будет прислуживать только Баб.

Молодые супруги вышли из дворца и зашагали по огромному саду, уже залитому лунным светом и заполненному мелкими ночными созданиями, шуршавшими вокруг. Вскоре они свернули на усыпанную гравием дорожку, по обеим сторонам которой росли пальмирские пальмы, а в самом ее конце Зенобия увидела небольшой, но прелестный дворец. Когда они дошли до открытых дверей, Однат снова подхватил ее на руки и перенес через порог, однако не остановился, а стремительно пересек атриум, затем миновал коридор, поднялся по лестнице и вошел в спальню. Только там принц поставил Зенобию на пол и негромко произнес:

– Помоги мне с этой проклятой тогой, терпеть не могу тоги, но официальные церемонии требуют, чтобы я их надевал.

Зенобия взглянула на мужа с некоторым удивлением, однако выполнила его просьбу.

Сняв с него тогу, она аккуратно сложила ее на кресле, так как еще не знала, где в этой комнате находились сундуки для одежды. Однат сел и стал расшнуровывать сандалии. Зенобия тотчас подошла к нему и опустила на колени, чтобы помочь. Сняв с мужа сандалии, она мысленно восхитилась его изящными ступнями. И тут он тихо проговорил:

– Ты не обязана снимать с меня сандалии, мой цветочек.

– Но мне хочется... – с улыбкой ответила Зенобия. – Я не во всем буду такой женой, какую ты хочешь, мой Ястреб, но уж такие-то мелочи я всегда готова делать, потому что люблю тебя.

И тут принц протянул руку и приподнял ей подбородок. Он долго всматривался в ее прекрасные серые глаза, а затем легонько прикоснулся губами к губам жены. Зенобия затрепетала и стыдливо опустила глаза, внезапно сообразив, что на нем теперь оставалась лишь коротенькая нижняя туника. Она как замороженная смотрела на мускулистые ноги мужа – такие длин-

ные, такие загорелые!.. А он какое-то время наблюдал за ней с веселой улыбкой – было ясно, что ей очень хотелось прикоснуться к нему, но она не осмеливалась.

Наконец Оденат встал, привлек жену к себе, и руки его тотчас легли на геркулесов узел, затянутый на талии ее платья. Несколько минут он возился с ним – разгадка тайны узла ускользала от него, – бормоча себе под нос:

– Но кто же его так завязал?

Зенобия хихикнула.

– Это Тамар...

– Похоже, она не хотела, чтобы я его развязывал, потому что... А, вот оно!..

Развязав узел, он отбросил ленту и, стащив с жены тунику, положил ее на то же кресло, где уже лежала его тога. А затем – Зенобия даже не успела опомниться – принц стащил с нее и нижнюю тунику, опустил на колени и снял с нее серебристые сандалии. Выпрямившись, он развязал ленты, удерживавшие длинные локоны, и, повернувшись, взял щетку Зенобии, лежавшую на ближайшем столике. А потом он начал осторожно расчесывать волосы, восхищаясь их блеском и длиной, – они ниспадали ниже талии.

Через несколько минут, чуть отстранив от себя жену, он окинул ее взглядом – и замер, изумленный красотой. А она, ошеломленная тем, что оказалась перед мужчиной обнаженной, замерла под его пристальным взглядом. Зенобия не имела ни малейшего представления, чего муж от нее ожидал, – если вообще ожидал чего-то помимо покорности. Как следует рассмотрев жену спереди, принц начал медленно обходить вокруг нее, любуясь.

Не выдержав, она прошептала:

– Мой господин, чего ты от меня хочешь?

И только после этого вопроса Оденат сообразил, что молодая жена неловко себя чувствует. Он привлек ее в объятия и ласково проговорил:

– Зенобия, милая моя, я повидал множество красивых женщин, но никогда не встречал женщины, настолько совершенной, настолько безупречной, как ты, мой цветочек.

– Так ты хочешь меня?

– Хочу ли я тебя? – Принц судорожно сглотнул. – Глупенькая, да я мечтаю о тебе уже много недель!

– А я думаю... думаю, что хочу тебя, – тихо сказала Зенобия, и принц невольно рассмеялся.

– Малышка, откуда ты можешь знать, чего хочешь? Ведь я – единственный мужчина, который к тебе прикасался. Но тебе понравилось, Зенобия... О да, мой цветочек, тебе понравилось. И только что, когда ты опускалась на колени, чтобы снять с меня сандалии, очень хотела прикоснуться ко мне.

Зенобия вспыхнула и пробормотала:

– Откуда ты это знаешь?

Оденат снова засмеялся:

– Потому что я мужчина и знаю женщин.

Он просунул руку под ее волосы и провел ладонью по спине. Когда же он погладил ее ягодицы, Зенобия подскочила от неожиданности, но принц ласково пробормотал ей в ухо:

– Не пугайся, мой цветочек. Я знаю, что ты совершенно невинна, и потому мы будем все делать не спеша. Между мужчиной и женщиной не должно быть спешки – должно быть лишь время для наслаждения. – Оденат нежно поцеловал жену в губы. – Я люблю тебя, Зенобия, принцесса Пальмиры. – Он поцеловал ее в кончик носа. – Люблю твою гордость и независимость. Люблю твою красоту и невинность. Но больше всего я люблю просто тебя, мой маленький цветочек. Я бы ни за что не женился на тебе, если бы не любил. – Чуть наклонившись, он подхватил ее на руки и пронес через всю комнату, чтобы уложить на супружеское ложе.

Сердце Зенобии бешено заколотилось. И она крепко зажмурилась. Но тут снова послышался голос мужа:

– Я рассмотрел тебя очень внимательно, милая, и теперь предоставляю тебе возможность рассмотреть меня. – В следующее мгновение послышался шорох ткани – принц снимал с себя нижнюю тунику. – Открой же глаза, Зенобия, – сказал он со смехом в голосе. – Поверь, в мужском теле нет ничего страшного. И оно даже немного забавное, ибо нет в нем красоты форм, как в женском. Однако же... Думаю, что для мужчины я сложен не так уж плохо.

Зенобия тихо хихикнула, но глаза не открыла.

– Ну что же ты, дорогая? – Оденат хохотнул и добавил: – Открой глаза, я приказываю!

Глаза Зенобии тотчас открылись, и она заявила:

– Я не потерплю приказаний, мой Ястреб! – В следующую секунду ее прекрасные глаза широко распахнулись, и она воскликнула: – О-о-о!..

Принц лукаво усмехнулся.

– Ну разве я не услаждаю твой взор, мой цветочек? – Он начал принимать разные позы, пародируя атлетов на арене.

Зенобия же не могла отвести от него глаз. Муж был чуть ниже, чем она, но зато прекрасно сложен. Его узкие бедра переходили в широкую мускулистую грудь, руки тоже были необычайно мускулистые; кисти – очень изящные, с длинными пальцами. Глядя на него сейчас, Зенобия опять почувствовала непреодолимое желание ласкать его – как он ласкал ее две недели назад. Какое-то время девушка старательно отводила взор от его мужского достоинства, но затем, собравшись с духом, опустила глаза пониже – и тут же густо покраснела. К ее удивлению, тот зверь, которого она немного побаивалась, оказался не таким уж страшным – совсем небольшой, он уютно угнездился в своей темной мохнатой постельке.

Словно прочитав ее мысли, Оденат пояснил:

– Он вырастает только в те мгновения, когда я желаю тебя.

– Но ты же сказал, что хочешь меня! – возмутилась Зенобия.

– Я и в самом деле хочу тебя, мой цветочек, но хотеть и желать – это не совсем одно и то же. Я хочу тебя головой и сердцем, а желание исходит от тела.

Растянувшись рядом с женой на постели, принц продолжал:

– Сегодня у меня не было времени желать тебя. – Он привлек ее поближе к себе. – До сих пор не было, но вот сейчас... – Он прижался губами к ее губам, и Зенобия почти в тот же миг ощутила его нарастающую страсть.

А его губы... Ах, она даже не предполагала, что мужские губы могут быть такими нежными. И чем дольше муж ее целовал, тем ярче разгоралось пламя, охватившее ее тело. Запрокинув голову, Зенобия сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь унять головокружение, а муж тихо засмеялся и снова впился в ее губы жарким поцелуем. В какой-то момент он вдруг отстранился, затем принялся покрывать поцелуями ее шею и плечи. Поцеловав ее в ушко, он пробормотал:

– Ты чувствуешь, как разгорается твое желание, любовь моя?

В этот момент руки мужа легли ей на груди, и Зенобия протяжно застонала. О, как же жаждала она его прикосновений, от которых все тело наполнялось сладостным томлением... Муж тем временем продолжал ласкать ее груди, а затем вдруг склонился над ней и прижался губами к отвердевшему соску. Зенобия от удивления вскрикнула и снова застонала, внезапно ощутив сладостное напряжение в самом сокровенном местечке между ног.

Оденат поднял голову и тихо сказал:

– Не бойся, мой цветочек. Ведь приятно, не так ли?

Вместо ответа она притянула его голову обратно, к своим грудям, и он продолжил ласкать их. Но потом одна его рука вдруг обхватила ее талию, а другая легла на живот и заскользила

все ниже – к холмику Венеры. И почти в тот же миг он почувствовал сопротивление. Зенобия вздрогнула и с дрожью в голосе воскликнула:

– Ястреб, пожалуйста, не надо!

– Почему ты испугалась меня? – Принц снова попытался прикоснуться к жене, но она схватила его за руку.

– Нет, пожалуйста, не надо!

Он замер в недоумении и подумал: «А может, она просто не знает, как все это происходит между мужчиной и женщиной?...»

– Милая, а Тамар рассказывала тебе, как все должно быть между нами, то есть между мужем и женой?

– Нет, – послышалось в ответ. – Но я знаю, что это точно так же, как у животных. Самец залезает на самку, правильно?

Принц невольно вздохнул.

– Но люди не животные, Зенобия. Животные испытывают потребность и удовлетворяют ее, совершенно ни о чем не задумываясь. А мужчина с женщиной – совсем другое дело, мой цветочек. Я всегда считал, что боги создали женщин для того, чтобы возлюбленные поклонялись им. И вот сейчас, прикасаясь к тебе с любовью, поклоняюсь твоему совершенству. Ты не должна бояться меня и моих прикосновений.

– Ко мне никогда там не прикасались, – пробормотала Зенобия.

Муж в ответ поцеловал и тихо сказал:

– Не бойся, милая моя, не бойся.

И она вдруг почувствовала, как один из его пальцев осторожно проник в нее, и Зенобия, пронзительно вскрикнув, попыталась вырваться. Но принц тотчас повернул ее так, что она оказалась под ним. И теперь, лежа сверху, он шептал ей на ушко слова любви.

– Нет, Зенобия, нет, моя милая, не бойся. Не сопротивляйся мне, мой цветочек.

Она ощущала каждый дюйм его мускулистого тела. Его гладкая грудь прижималась к ее грудям, живот придавил ее живот, а бедра прижимались к ее бедрам так сладостно, что она едва удерживалась от стога. Все это время Зенобия по-прежнему не решалась прикоснуться к мужу, но в какой-то момент, собравшись с духом, провела ладонью по его спине, а затем легонько сжала ягодицы и прошептала:

– О, Ястреб, у тебя такая нежная для мужчины кожа...

– Что ты знаешь о мужчинах, Зенобия? – услышала она в ответ напряженный и хриплый голос мужа.

– Я не знаю ничего, но надеюсь, что ты меня всему научишь, – прошептала Зенобия, и руки ее, снова заскользив по спине мужа, обхватили его шею.

– Я научу тебя быть женщиной, мой цветочек. Тебе хватит храбрости? – спросил он, заглядывая ей в глаза.

Зенобия судорожно сглотнула и ответила:

– Да, мой Ястреб. Да, теперь мне хватит храбрости.

Их губы слились в поцелуй, и она вдруг почувствовала, как руки мужа скользнули под нее, слегка приподнимая ее бедра. Зенобия снова вздрогнула и ощутила, как что-то твердое настойчиво пыталось проникнуть между бедер.

– О, Ястреб, о, мой господин, я очень хочу стать женщиной, но мне страшно. – С этими словами Зенобия вывернулась из объятий мужа и откатилась на другой конец кровати.

Принц глухо застонал. Ох, что же делать? Он никогда еще не желал женщину так отчаянно, как в эти минуты. Возник соблазн взять жену силой: ведь потом она его простит, – но тут Зенобия подняла голову и, в ужасе глядя на его мужское естество, закричала:

– Но ведь ты разорвешь меня!..

Оденат снова вздохнул и произнес:

– Поверь, милая, ничего подобного не случится. Из твоего лона будут рождаться наши с тобой дети. И если уж там пройдет целый ребенок, то я тем более не смогу тебя разорвать.

– Нет-нет. – Зенобия помотала головой. – Я боюсь, боюсь...

Принц снова обнял ее, нежно целуя, ласково поглаживая, и Зенобия ощутила, как по телу ее заструились жаркие волны – как будто кровь в ее жилах воспламенилась. О, она сейчас чувствовала себя так странно... Казалось, тело ее пылало жарким пламенем, и это пламя разгоралось все сильнее от прикосновений мужа. Мучительное наслаждение с каждым мгновением усиливалось, и, наконец, Зенобия поняла, что больше не в силах выносить его. Она смутно осознавала, что муж снова лег на нее, придавив ее пылающее тело своим, но теперь это уже не пугало ее, потому что она хотела именно этого! Да-да, она хотела Одената, хотела своего Ястреба!

Внезапно принц ощутил, что ее тело расслабилось, и в то же мгновение его копье вошло во врата ее женственности и осторожно продвинулось. Девственная плева была натянута очень туго, и Оденат ненадолго остановился, целуя закрытые глаза жены и чувствуя, как отчаянно бьется ее сердце.

Зенобии же казалось, что муж разрывал ее на части. Его естество медленно заполняло ее, проникая все дальше, и боль была ужасной. Стараясь лежать неподвижно, она крепко зажмурилась. Когда Оденат на несколько мгновений замер, она почувствовала некоторое облегчение, но он вдруг резко подался вперед и прорвался сквозь девственный барьер. Зенобия громко закричала от боли и попыталась вырваться, но муж крепко держал ее, продвигаясь все дальше.

– Нет, нет!.. – всхлипывала Зенобия.

Но в какой-то момент вдруг поняла, что мужское естество, до этого казавшееся ей раскаленной кочергой, внезапно превратилось в источник чудесного наслаждения. Причем наслаждение это все усиливалось, а боль вскоре совсем исчезла, и Зенобия, тихо застонав, обвила руками шею мужа.

А он, улыбнувшись, осторожно вышел из нее, нежно поцеловал и пробормотал:

– Я люблю тебя, милая. Моя обожаемая жена, я безумно тебя люблю.

Он повторял это снова и снова, и Зенобия, открыв, наконец, глаза, посмотрела на него и воскликнула:

– О, мой Ястреб, и я люблю тебя! Поверь, я хочу доставлять тебе удовольствие, но неужели мне всегда будет сначала так больно?

– Нет, больше никогда, – ответил Оденат. – А сегодня было больно только потому, что я лишил тебя девственности. Не понимаю, почему Тамар тебе об этом не рассказывала.

– Возможно, не хотела меня пугать, – предположила Зенобия.

– А твоя Баб? Она почему не рассказала?

– Не дело Баб рассказывать мне о таких вещах. Она ведь служанка...

Оденат вздохнул и с улыбкой сказал:

– В таком случае я сам буду учить тебя всему, мой цветочек.

– Да, мой господин, – нарочито скромно проговорила Зенобия.

Принц внимательно взглянул на жену и рассмеялся, заметив озорной блеск в ее глазах.

– Ты что, смеешься надо мной, милая? – спросил он шутливо грозным тоном.

– Да, мой господин, – ответила Зенобия и рассмеялась, а затем, немного помолчав, вдруг добавила: – Знаешь, а я опять хочу тебя, мой Ястреб.

Повернув голову, она легонько укусила его в плечо. «А ведь моя жена – страстная женщина!» – мысленно воскликнул принц. Зенобия же, привлекая его к себе, прошептала ему в губы:

– Возьми меня скорее, мой милый. Ох, я как будто вся горю...

Оденат снова вошел в нее и тотчас почувствовал, что она слегка вздрогнула. Он начал медленно двигаться, потом вдруг остановился и заглянул жене в глаза. В тот же миг ее ногти вонзились ему в спину, и Зенобия прокричала:

– Нет, я хочу самого сладкого, мой Ястреб! Не лишай меня этого!

Он засмеялся и проговорил:

– Не спеши, мой цветочек. Удовольствие будет острее, если мы не пожалеем времени, чтобы насладиться друг другом. – И Оденат начал мучительно медленно двигаться.

Зенобия уже хотела вновь выразить неудовольствие, но тут вдруг ее захлестнули совершенно новые для нее восхитительные ощущения, причем они с каждой секундой усиливались, хотя ей постоянно казалось, что еще лучше просто быть не может. И вот, наконец, ее словно закружило в вихре наслаждения, и Зенобия, громко застонав, подумала: «Какой же дурочкой я была, когда боялась!..» Несколько секунд спустя принц тоже застонал от наслаждения и рухнул с ней рядом, но Зенобия этого даже не заметила – оба почти тотчас же крепко заснули.

Через час-другой Зенобия проснулась и, чуть приподняв голову, осмотрелась. Стояла глухая ночь, черная и тихая. Лампы все еще горели – ни она, ни принц даже не подумали погасить их. Легкий ветерок задувал с портика, и пламя в лампах колебалось, отбрасывая на стену причудливые золотисто-красные тени. Зенобия снова осмотрелась и с улыбкой подумала: «В этой комнате я стала женщиной, и здесь я буду делить с моим Ястребом нежную сладостную близость». Наверное, в этой же комнате она будет рожать детей, а потом, когда совсем состарится, испустит свой последний вздох...

Муж сказал, что не стал украшать эту комнату, потому что решил, что ей захочется самой украсить их общий дом. Ах какое замечательное, какое мудрое решение...

– Спишь? – внезапно раздался его голос.

– Нет, – отозвалась Зенобия.

– О чем думаешь, мой цветочек?

Ей хотелось ответить правду, но она сдержалась – мужу вряд ли понравился бы честный ответ. Ведь нехорошо в их брачную ночь думать о том, как украсить дом...

– Я думала о тебе, мой Ястреб, – сказала Зенобия.

– И что же ты обо мне думала?

– О том, что люблю тебя.

Приподнявшись на локте, муж с улыбкой посмотрел ей в лицо.

– Мы с тобой будем друзьями, а не только любовниками и супругами. О, Зенобия, я так рад, что у меня есть ты! После смерти отца я был ужасно одинок. Ни мать, ни Делиция не могли стать мне друзьями, ведь они не понимают моих чувств к Пальмире. Но ты понимаешь, мой цветочек, правда? Это великий город, а мы сделаем его еще более великим, так что наш сын...

– Но как же мы станем великими, если нами правят римляне? – перебила Зенобия.

– Антоний Порций скоро уйдет в отставку, – объяснил Оденат. – И он говорил мне недавно, что император никого не пришлет на его место. Римляне доверяют нам, Зенобия. Скоро я буду полноправно властвовать в Пальмире – как все ее принцы до меня.

– Как же ты сможешь властвовать полноправно, если римские солдаты по-прежнему будут находиться в нашем городе?

Оденат снова улыбнулся.

– Видишь ли, в качестве свадебного подарка император передал мне командование над римскими войсками!

Пораженная этим сообщением, Зенобия приподнялась и пробормотала:

– Так ты командуешь римскими войсками?...

– Да, совершенно верно. Ну, что ты об этом думаешь, мой цветочек?

Зенобия в растерянности пожала плечами.

– Не понимаю... Почему после стольких лет римляне внезапно решили, что ты можешь править без губернатора? И почему поставили тебя во главе их войск?

– Потому что римляне знают, что мне доверяют.

– А когда ты получишь абсолютную власть, то свергнешь их? – Глаза Зенобии засияли.

– Нет, милая, я этого не сделаю, – ответил принц. – Римские солдаты нужны мне в Пальмире. Мир уже не тот, каким был раньше. Нас окружают опасности, о которых во времена моего деда никто и не подозревал. Мне нужна римская армия, чтобы защищать мой город.

– Но почему римляне?

– Рим – самая сильная держава. К тому же... Если я воспользуюсь римскими войсками, мне не придется забирать в армию собственных людей. Римские войска ничего мне не стоят, а дань, которую мы выплачиваем империи, поступает от торговых караванов, а не от моего народа.

– Но ты все равно будешь слугой Рима! – возмущенно вскричала Зенобия. – Ах, скажи, что ты просто шутишь, мой Ястреб!

– Милая, ты пока что не разбираешься в таких вопросах, – мягко проговорил Оденат, – но со временем обязательно поймешь, почему нам необходимо сотрудничать с Римом. Но почему, мой цветочек, мы говорим о таких серьезных вещах в нашу брачную ночь? – добавил принц, улыбнувшись и поцеловав жену в губы.

Она вдруг отпрянула и, пристально глядя на него, сказала:

– Ты обещал, что поделишь со мной свою ответственность, Ястреб. Ты что, передумал?

– Я не даю обещаний, если не собираюсь их выполнять, мой цветочек. Однако всему свое время, и сейчас не самое подходящее для серьезных разговоров об управлении городом.

– А когда будет подходящее время? Я что, должна записаться к тебе на прием – как твои министры? Надо сказать утром твоему секретарю, что принцесса Пальмиры хочет встретиться с принцем Пальмиры?

– Зенобия, о чем ты говоришь? – воскликнул Оденат. – Ох, похоже, это наша первая ссора... – Он протянул к жене руку и ласково коснулся плеча.

– Тебе придется принимать во мне хорошее вместе с плохим, – пробормотала Зенобия, изумленная тем, что ссорится с мужем, но не желающая уступать.

Принц тихо вздохнул.

– Я действительно буду делить с тобой все, моя милая. Но мы ведь только что поженились и я пока не хочу разговаривать с тобой ни о политике, ни о финансах. Не лучше ли в супружеской постели поговорить о любви?

Оденат привлек жену в свои объятия, и она со вздохом пробормотала:

– О, Ястреб, мне еще многому надо научиться. Наверное, мне не хватает терпения...

– Со временем ты всему научишься, мой цветочек, – с улыбкой сказал принц и поцеловал молодую жену в уголок рта.

И в тот же миг все тело Зенобии охватил восхитительный трепет, и губы их слились воедино. Но на сей раз в поцелуе принца не было нежности – был лишь страстный призыв, на который Зенобия не могла не откликнуться. Она со всей страстью возвращала ему поцелуи, и ее истерзанные губы уже начали опухать, но вдруг Оденат оторвался от них и стал ласкать и покрывать поцелуями ее дивные груди.

– О, Зенобия... – пробормотал он, чуть прикусывая сосок, и исходившие от его мускулистого тела волны жара, казалось, проникали ей в жилы, воспаляя кровь.

И наслаждение было столь велико, что ей хотелось громко кричать от счастья и восторга. Но внезапно ей пришло в голову: «А может, он таким образом отвлекает меня от серьезного разговора?» Первой реакцией на эту мысль было негодование – почему муж так отнесся к ее мнению? Но губы его сомкнулись на ее соске – и все связанные мысли тотчас же вылетели у нее из головы.

– О, мой Ястреб... – прошептала Зенобия. – О, мой Ястреб, я люблю тебя.

Он приподнял голову и заглянул ей в лицо, и Зенобии почудилось, что она вот-вот утонет в темном омуте его глаз. Голос же его прозвучал столь напряженно, словно он отвечал на ее мысли, которые каким-то образом сумел прочесть.

– А я люблю тебя, моя милая, и буду делиться с тобой всем, что имею.

Глава 4

Марк Александр Британий поднял взгляд от своих хозяйственных записей.

– Да, Север. В чем дело?

– Пришла принцесса Пальмиры, господин.

– Сюда?... – Сердце Марка подпрыгнуло, Но он тут ж сообразил, что она скорее всего даже не помнила его.

– Она желает купить мебель, а также посмотреть наши ткани и всякие мелочи.

– Так помоги ей, Север. – Марк снова опустил глаза к свиткам.

– Марк Британий! – Голос Севера зазвучал сурово и строго. – Господин, вы не можете постоянно избегать встреч с принцессой Зенобией. Если вы продолжите уклоняться от встречи с ней, ее очарование будет только расти, и в конце концов ни одна женщина не сможет сравниться с той, которую вы создадите в своем воображении. К тому же она супруга правителя Пальмиры. Вы просто обязаны ее приветствовать.

– Сколько мне должно исполниться лет, чтобы ты наконец понял, что я уже не зеленый юнец? – пробурчал Марк.

– В каждом мужчине есть что-то от мальчишки, Марк Британий, – с невозмутимым видом ответил пожилой слуга.

Марк со вздохом вышел из кабинета и ненадолго остановился, чтобы собраться с мыслями. Она здесь! Неужели разыскивала его? Ох, какой же он дурак! Да она о нем даже не помнила. К тому же она ненавидела голубоглазых римлян. Кроме того... Ему стало известно, что их брак с Оденатом – любовный союз. Досадуя на собственную глупость, Марк расправил складки своей белой тоги и решительным шагом вошел в атриум товарного склада.

Встав со скамьи, Зенобия внимательно посмотрела на приближавшегося к ней молодого человека. Тот самый голубоглазый римлянин! Да-да, конечно! И она вспомнила, что во время их короткой беседы он представился ей. «Хм... почему-то считается, что торговцами бывают только старики», – подумала она с раздражением. Но этот-то торговец на старика никак не походил. К тому же он был значительно выше, чем она. А Зенобия знала лишь нескольких мужчин, на которых ей приходилось смотреть снизу вверх. Ощущение оказалось довольно неприятным, и она поморщилась. Окружавшие ее служанки хихикали и отпускали весьма колкие и неприличные замечания об этом красивом торговце. Зенобия почувствовала, что краснеет. Лишь недавно пробужденная к чувственности, она невольно смотрела на Марка Александра глазами женщины, и это, думалось ей, каким-то образом являлось предательством по отношению к Ястребу.

Подойдя к ней, Марк опустился на колени и засвидетельствовал ей свое почтение.

– Рад видеть тебя, принцесса.

– Встань, Марк Александр Британий, – сказала Зенобия. И вдруг – она не знала, как это произошло, – у нее вырвалось: – Почему ты такой высокий? Ты великан?

– Нет, принцесса, – ответил он ровным голосом, хотя с трудом сдерживал смех. – Я унаследовал свой рост от добуннов, племени моей матери. Мой дед был их царем. – Он улыбнулся, глядя на гостью сверху вниз. – Если мне позволено будет сказать... ты очень высокая для женщины, принцесса.

– Я тоже унаследовала свой рост от народа моей матери. Моя мать – александрийская гречанка, вела свой род от самой царицы Клеопатры, – с гордостью проговорила Зенобия.

– Как удачно, что прекрасная юная девушка, потомок царицы Клеопатры, стала принцессой Пальмиры, – заметил молодой римлянин.

Зенобия внимательно посмотрела на него, но не заметила в его голубых глазах ни намека на насмешку – лишь глубочайшее уважение.

– А вот это более удачное начало беседы, – сказала она, коротко кивнув.

«Значит, красавица помнит о нашей первой встрече», – с усмешкой подумал Марк и, откашлявшись, произнес:

– Север сообщил мне, что ты желаешь купить мебель, принцесса. Но как же так?... Я слышал, что дворец в Пальмире прекрасно обставлен.

– Пальмирский дворец – да, а вот дом в дворцовом саду, в котором живем мы с моим супругом, только что построен, и там почти ничего нет.

– Мой склад полон всевозможных товаров, госпожа принцесса, и я лично буду тебя сопровождать, – сказал Марк с поклоном.

– Оставайтесь здесь, – приказала Зенобия, обернувшись к служанкам.

И только сейчас Марк заметил сопровождавших ее молодых женщин, откровенно восхищавшихся им.

– Прошу тебя, следуй за мной, моя принцесса, – произнес он, указав на ближайший коридор.

Вскоре они вошли в огромное помещение, заполненное мебелью на любой вкус, а также огромными рулонами разноцветных шелков, льна, шерсти и разнообразными украшениями.

Ошеломленная таким изобилием, Зенобия ненадолго остановилась, а Марк тем временем любовался ею. Она оказалась даже прекраснее, чем ему помнилось. Кожа ее словно светилась, и это значило, что она по-настоящему любима. О, какой же счастливец принц Однат...

Сегодня на Зенобии была сиреневая безрукавная туника с глубоким вырезом, подхваченная в узкой талии тремя тонкими полосками позолоченной кожи. А ее длинные темные волосы – не распущенные, как в прошлый раз, – были разделены на прямой пробор, скручены в узел на затылке и закреплены золотыми гребнями, украшенными аметистами, а также длинными заколками с теми же камнями.

– Тут всего так много... – пробормотала гостя благоговейным шепотом.

Отвлечись от грез наяву, Марк кивнул.

– Да, верно. Товар прибыл только вчера.

– Я посетила несколько других складов, Марк Александр Британий, но все они несравнимы с твоим. – Зенобия немного помолчала, затем подняла на него глаза и добавила: – Мне нужна твоя помощь.

– Моя помощь? – Сердце его гулко забилося.

– Скажи, ты умеешь хранить секреты? Это обязательно, иначе я умру от стыда, если кто-нибудь узнает. Почему-то я доверяю тебе, хоть ты и римлянин, более того – голубоглазый римлянин. И все же мои инстинкты говорят, что тебе можно доверять. Ты сохранишь мою тайну?

Он молча кивнул, и гостя продолжила:

– Видишь ли, я ничего не знаю о дворцовом хозяйстве. Совершенно ничего! Всю свою жизнь я провела либо в палатке, кочуя по пустыне, либо в доме моей матери в Пальмире. Дом матери являлся частью ее наследства, и она обставила его еще до моего рождения, но ей самой никогда не приходилось ничего покупать. К тому же она так и не успела научить меня всему тому, что должна знать хорошая жена. Ты поможешь мне? Расскажешь, что мне может потребоваться?

Марк понимал, чего ей стоило это сказать, ведь она очень гордая. Ему ужасно хотелось обнять ее и приласкать, но он, взяв себя в руки, спокойно произнес:

– Твое доверие – великая честь для меня, моя принцесса. Постараюсь не подвести тебя.

– Ты не только деловой человек, Марк Александр Британий, но еще и дипломат. – Ее серые глаза внимательно изучали его. – В твоем лице империя потеряла ценного чиновника.

– Деловой человек должен быть дипломатом, – пожав плечами, ответил Марк. – Начнем с диванов?

Зенобия засмеялась и кивнула.

– Конечно, давай начнем с диванов.

Марк отвел гостью в часть склада, полностью заставленную диванами: они стояли бок о бок, ряд за рядом. И все они, с резными ножками и подлокотниками, были великолепно украшены инкрустациями из черепаховых панцирей, слоновой кости и даже драгоценными камнями. У нескольких диванов каркас был выполнен из чистого серебра, а ножки украшены драгоценными камнями либо рельефной резьбой с изображениями сцен из жизни богов. На одном диване была сцена с изображением Юпитера в образе лебедя, соблазнявшего деву Леду. Марк заметил, как поспешно Зенобия отвернулась от этого дивана, и почему-то ее скромность обрадовала его.

– А что, для этих диванов нет ни подушек, ни чехлов? – спросила она.

– Большинство торговцев продают диваны вместе с подушками и всем прочим, моя принцесса, однако я даю своим покупателям возможность самим выбрать ткань. Ведь тебе может не понравиться цвет подушки, и ты только из-за этого не купишь диван, верно?

– Весьма мудрое суждение, – заметила Зенобия.

Марк невольно рассмеялся – было очень приятно услышать комплимент от столь очаровательной женщины. Внимательно выслушав все ее пожелания, он предложил несколько вариантов, всякий раз объясняя, почему предпочел бы один диван другому, но окончательное решение, конечно же, оставалось за принцессой.

Затем они перешли к стульям, которые также были без чехлов, но зато с подушками, а после этого направились к элегантным столам, украшенным тонкими пластинками из золота и серебра. Самым красивым и дорогим столом был круглый, изготовленный из африканского кедра. Остановившись перед ним, Зенобия медленно провела ладонью по столешнице, чуть ли не мурлыча от удовольствия.

– Что, нравится? – улыбнулся Марк. – Он должен быть твоим.

– А я не ошибаюсь, выбирая его? – пробормотала Зенобия.

– Нет, конечно. Поверь, это прекрасная вещь: на мой взгляд, один из лучших столов на свете, – но обойдется тебе исключительно дорого, моя принцесса.

Брови гостьи чуть приподнялись.

– Не припомню, чтобы я спрашивала тебя о цене, Марк Александр Британий.

Он снова улыбнулся.

– Да, разумеется. Что ж, перейдем к сундукам и шкафам, моя госпожа?

Зенобия кивнула и последовала за молодым римлянином. Вскоре она с его помощью выбрала несколько прекрасных шкафов, в которых имелось множество отделений, но не было ни выдвижных ящиков, ни замков. Затем она выбрала дюжину окованных железом сундуков с красивыми замками и петлями темной бронзы, а также купила несколько металлических печей на ножках – такие использовались для обогрева комнат прохладными вечерами и зимними днями.

После печей Зенобия приобрела лампы для освещения дома, причем восторгалась едва ли не каждым из светильников. По совету Марка она выбирала только металлические лампы – он заверил, что они прослужат ей всю жизнь. Тут имелись лампы с ручками, которые можно будет переносить из комнаты в комнату, и лампы, которые подвешивали на цепях к потолку. Были и такие, которые устанавливались на треножник. И еще Зенобии очень понравились украшенные драгоценными и полудрагоценными камнями.

Чтобы сделать все покупки, ей потребовалось больше двух часов, а ведь еще нужно было выбрать ткани для диванов и подушек.

– Я совершенно измучилась, – пожаловалась она. – Пожалуй, было бы легче повести свой верблюжий отряд в пустыню, чем заниматься покупками.

– Твой верблюжий отряд? – переспросил Марк, пытаясь скрыть охватившее его любопытство.

– Бедави – великие воины и могут доказать это, если возникнет необходимость, – пояснила Зенобия. – Когда мне исполнилось тринадцать, отец начал обучать меня искусству войны в пустыне. Сейчас он обучает самых младших своих сыновей.

– И с кем же вы сражаетесь, моя принцесса?

– У бедави мало врагов, но, как говорит мой отец, мы никогда не должны о них забывать.

– Значит, у каждого из твоих братьев есть своей верблюжий отряд?

– О нет, ошибаешься! – со смехом воскликнула Зенобия. – Чтобы возглавлять верблюжий отряд бедави, нужно быть лучшим. Только трое моих старших братьев и я имеем собственное войско. Хотя один из младших братьев тоже подает надежды... – Она улыбнулась и добавила: – Ты был ко мне очень добр, Марк Александр Британий. Ну а теперь я должна выбрать ткани.

Разговор был окончен, и Марк понял, что возобновить его не получится. Наверное, лучше расспросить Антония Порция. Но неужели это изящное, такое хрупкое на вид создание еще и воин? Он улыбнулся в ответ и произнес:

– Я прикажу принести кресло, чтобы ты могла сесть, моя принцесса. Рабы принесут ткани сюда.

Марк отдал несколько коротких распоряжений, и вскоре Зенобия расположилась в удобном мягком кресле, а в руке у нее оказался алебастровый кубок с прохладным соком. Еще одно лаконичное приказание Марка – и рабы начали подносить огромные рулоны ткани; они разворачивали всевозможные шелка, чтобы принцесса как следует их рассмотрела. Глаза Зенобии широко распахнулись при виде восхитительных рисунков, расстилавшихся перед ней как тысячи восходов и закатов, сливавшихся в единое целое. Тут были и однотонные ткани, были также парча и шелк, пронизанные золотыми и серебряными нитями. Изысканные шерстяные ткани, как местные, так и привозные, имели множество оттенков – от темного красного до черного.

– Лучшие ткани привозят из Египта, – сообщил Марк. – А хлопок выращивают только в восточных провинциях.

– Я даже не знаю, с чего начать... – в растерянности пробормотала Зенобия.

И Марк показал ей, какие ткани самые лучшие, а затем объяснил, как подбирать расцветку и текстуру, чтобы добиться желаемого эффекта.

Склонившись над ней, он вдыхал едва уловимый аромат гиацинтов – ее любимых духов – и терзал сам себя, бросая быстрые взгляды на ее бледно-золотистые груди, покоившиеся в глубоком вырезе туники. О, с каким наслаждением он целовал бы и ласкал эти роскошные груди...

– Ты невероятно добр ко мне, Марк Александр Британий, – донесся до него голос прекрасной гостьи. – До сегодняшнего дня я не верила, что в римлянах есть хоть капля доброты, но теперь вижу, что ошибалась.

– Добро и зло есть во всех людях, моя госпожа, – тихо ответил Марк. – И если я сумел научить тебя не выносить поспешных суждений, то можно считать это победой Пальмиры и ее народа.

– Пальмирой правит мой муж, а не я.

– Все женщины правят своими мужьями, моя принцесса. Об этом не раз говорили мне мать и сестры.

Зенобия рассмеялась и проговорила, поднимаясь с кресла:

– Надеюсь, они не ошибаются. А теперь скажи, Марк Александр Британий, когда все эти купленные мною чудесные вещи будут доставлены во дворец.

– Я отправлю их завтра же, моя госпожа. Можно бы и сегодня, но мне потребуется время, чтобы обить тканью твои диваны. А сейчас, если позволишь, я провожу тебя к паланкину.

...Стоя у дверей склада, Марк долго смотрел вслед огромному паланкину, в котором сидела Зенобия со своими служанками (при этом он отметил тот факт, что сопровождали паланкин не пальмирские стражники, а воины-бедави). И в конце концов молодой римлянин осознал: эта изысканная женщина – единственная для него. Что бы ни случилось, он должен быть с ней. Он еще не знал, как этого добиться, но решение его было твердым.

Возможно, сама Венера сжалась над ним, ибо возможность увидеться с Зенобией представлялась на следующий же день, когда он лично наблюдал за доставкой покупок принцессы во дворец.

Она улыбнулась, поздоровавшись с ним, и начала отдавать распоряжения рабам – указывала, куда что ставить. Вскоре появился и принц Оденат: поцеловал молодую жену в щеку, снисходительно улыбаясь ее объяснениям.

– Я бы ни за что с этим не справилась, мой Ястреб, если бы не Марк Александр Британий, – проговорила принцесса.

– В таком случае мы твои должники, Марк Александр Британий, – сказал Оденат. – Право же, ты не похож на обычных торговцев. Похоже, ты человек образованный. Могу поклясться, ты патриций.

– У меня и впрямь патрицианская семья, мой принц. Род Александров ведет свое начало с первых дней существования Рима. Полагаю, нам удалось выжить лишь потому, что мы никогда не вовлекались в политические интриги. Каждому поколению внушалось, что только усердный труд приведет к процветанию. Семейное имение, расположенное в холмах под Римом, подле Тибра, было пожаловано нам в начале правления республики. Мой дед – он сейчас глава семейства Александр – все еще приглядывает за тамошними виноградниками.

– Однако ты стал торговцем, Марк Александр Британий. Почему так? – спросил принц Пальмиры.

– Мой отец – младший сын, мой принц. В отличие от остальных в семье он предпочел служить правительству и был отправлен губернатором в Британию. Там он встретил мою мать и женился на ней. И там же, чтобы обеспечивать свое растущее семейство, начал покупать и отсылать в Рим редкие вещи. Когда его в конце концов отозвали обратно в Рим, он обнаружил, что владеет процветающим торговым делом. Дед позволил моему отцу отделиться от основной ветви семьи, и отец продолжил заниматься торговлей, решив, что такая жизнь предпочтительнее, чем жизнь в деревне. Мой младший брат Авл живет в Британии, где закупает товары, которые отправляет в Рим. А меня сюда послали для того, чтобы я приобретал здесь великолепные товары с Востока, а предметы роскоши с Запада переправлял к вам.

Какое-то время Оденат внимательно рассматривал высокого римлянина, а затем спросил:

– Ты служил в армии?

– Да, мой принц. В преторианской гвардии под командованием юного императора Гордиана. Я был в Африке.

Такой ответ произвел на Одената должное впечатление, и он проговорил:

– Император преподнес мне свадебный подарок. Он собирается назначить меня командиром римского легиона. Здесь, в Пальмире.

– Великолепный подарок, мой принц. Я не сомневаюсь, что ты принесешь славу этому краю, – ответил Марк.

– Я думаю, что Марк Александр Британий должен остаться с нами на вечернюю трапезу, мой Ястреб, – сказала Зенобия и, повернувшись к Марку, спросила: – Ты останешься, верно?

Принц улыбнулся и добавил:

– Полагаю, ты не можешь отказать нам, Марк Александр Британий.

И Марк действительно не мог отказаться. Более того, он и не хотел это делать. Конечно, ему было больно видеть Зенобию рядом с принцем, но зато, оставшись, он тоже мог побыть рядом с ней какое-то время.

Зимняя столовая маленького дворца окнами выходила на юг, стены в ней были выложены тонкими пластинами бледно-желтого мрамора, а карнизы и плинтусы из резного позолоченного дерева гармонировали с решетками, прикрывавшими окна. Восточную и западную стены комнаты украшали великолепные фрески и мозаичные картины. На одной из них был изображен отряд охотников за гиппопотамами и крокодилами на Ниле, а на другой верховые охотники со своими изящными стремительными собаками преследовали в пустыне газелей. Пол тоже был выложен мозаикой синего, зеленого и желтого цветов. Три обеденных ложа, каждое из которых предназначалось для троих человек, стояли вокруг квадратного обеденного стола.

Принц сел на центральное ложе, Зенобия расположилась слева от него, а гостя посадили на почетное место справа. Но Марк даже не замечал, что за блюда подавались на серебряных тарелках: едва успевал отвечать на множество вопросов, которыми засыпала его Зенобия.

Какое-то время он говорил о различных философиях, но вдруг принцесса пристально взглянула на него и спросила:

– Марк Александр Британий, ты и впрямь веришь во все это?

Он улыбнулся:

– Я реалист, поэтому верю только в то, что могу увидеть.

– Я не хотела тебя обидеть, мне просто любопытно, – с улыбкой сказала Зенобия. – Я еще очень многого не знаю об этом мире, но хочу всему научиться.

– Моя жена – самая красивая женщина в Пальмире, однако ей недостаточно того, что имеет, – заметил принц.

– Недостаточно просто быть красивой, мой Ястреб. Если бы ты хотел в жены пушистого котенка, давно бы уже женился.

– Что же ты хочешь узнать, моя принцесса? – спросил гость. – Я с радостью поделюсь с тобой своими небольшими познаниями.

Зенобия взглянула на принца. Тот кивнул, и она со вздохом проговорила:

– Марк Александр Британий, я ведь даже не знаю, как выглядит море, и это, мой римский друг, лишь начало моего невежества.

Марк улыбнулся и заговорил, рисуя своим красноречием чудесные картины, позволившие им увидеть море и корабли в нем. Он рассказывал также о Риме, расположенном на семи зеленых холмах, и о Британии, стране, где родился. И еще Марк говорил о своей службе в Африке и диких племенах, населяющих тамошние земли. Зенобия все это время сидела неподвижно, впитывая каждое его слово словно губка. За окнами столовой сгущалась тьма, слуги давно уже унесли блюда с фруктами, но кубки по-прежнему наполнялись ароматным красным вином. Марк все говорил и говорил... Заметив наконец, что принц зевает в кулак, он виновато улыбнулся и пробормотал:

– Уже поздно, а я все болтаю и болтаю, спать вам не даю...

– Но ты только начал рассказывать о том, что я хочу узнать, – возразила Зенобия.

– Может быть, Марк Александр еще как-нибудь придет, чтобы продолжить свой рассказ? – с вежливой улыбкой произнес принц.

– Завтра! – воскликнула Зенобия.

– Завтра? – Мужчины с удивлением переглянулись.

– Да, завтра. Ты должен приказать ему, мой Ястреб, чтобы он приходил каждый день на час и рассказывал мне обо всем, что лежит за пределами нашего города.

Одената не очень-то обрадовало требование жены. С раздражением взглянув на римлянина, он проговорил:

– Марк Александр Британий – чрезвычайно занятой человек, мой цветочек.

– Неужели он настолько занят, что не сможет уделять мне всего час в день? – спросила принцесса.

Марк видел, что принц уже посматривал на него с ревностью, но ему отчаянно хотелось быть с Зенобией, и он, обращаясь к Оденату, сказал:

– Возможно, ты позволишь мне навещать принцессу дважды в неделю, мой господин. Я смогу это делать, если немного изменю свое расписание.

Тут Зенобия встала и, с улыбкой обнимая мужа, проворковала:

– Я не прошу у тебя драгоценностей и других побрякушек, мой Ястреб. Я ищу лишь знаний. Как ты можешь возражать? Ты проводишь дни, встречаясь со своими советниками. За домом ухаживают рабы. А мне остается лишь скука! Хотя, конечно, я могу навещать твою дорогую матушку или, например, Делицию... Может, так и поступить?

Принц нахмурился и проворчал:

– Я не хочу, чтобы ты находилась в обществе другого мужчины.

– Но ты же не ревнуешь, мой Ястреб?... – Зенобия понизила голос до шепота, но Марк, всегда обладавший отменным слухом, прекрасно все слышал. – Он же почти старик, мне в отцы годится. Кроме того, со мной будет Баб, а если ты настаиваешь, то и служанки тоже. Мне все равно, сколько людей будет сидеть вокруг, если я смогу узнавать новое. – Она шаловливо дунула мужу в ухо и добавила: – Ну пожалуйста...

Марк со вздохом отвел глаза. Как же она нежна со своим мужем... Да, увы, Зенобия замужем за принцем Оденатом. Более того, они явно любили друг друга, и с этим ничего не поделаешь.

– Ты можешь приходить к нам, чтобы учить мою жену, Марк Александр Британий? – проговорил, наконец, принц.

– Я почти это за честь, мой господин, – отозвался Марк.

– Что ж, да будет так, – кивнул Оденат. – Я благодарю тебя, Марк Александр Британий. Римлянин встал из-за стола и тихо сказал:

– Я злоупотребил вашим гостеприимством. Если позволите, я пойду.

– Даю тебе мое позволение, Марк Александр Британий, – ответил принц.

Марк поклонился и тотчас же вышел из комнаты.

– О, мой Ястреб, спасибо! Спасибо тебе, спасибо! – радостно воскликнула Зенобия и, бросившись к мужу, страстно поцеловала его.

– Милая, мы же в столовой!.. – запротестовал принц.

– Ничего страшного. Это ложе достаточно велико для нас обоих, мой Ястреб, – пробормотала Зенобия, развязывая его халат.

Оденат глухо застонал, и все мысли о римлянине тотчас же вылетели у него из головы.

– Зенобия, о, Зенобия, что же мне с тобой делать? – пробормотал он, обнимая жену.

– Займись со мной любовью, мой Ястреб... – сказала она с улыбкой.

Принц тотчас встал, увлекая Зенобию за собой.

– Прекрасная мысль, мой цветочек. Но только не здесь, где на нас может наткнуться какой-нибудь раб. – Он чмокнул жену в пухлые губки и повел вверх по лестнице, в спальню. – Оставьте нас! Отправляйтесь спать! – крикнул он рабыням, ожидавшим свою юную госпожу.

Как и в брачную ночь два месяца назад, они быстро раздели друг друга, чуть дрожа от прохлады летней ночи. Несколько мгновений постояли, лаская и возбуждая друг друга. Затем, немного отстранив Зенобию, принц замер, восхищаясь ее наготой в мерцающем свете ламп-светильников.

– Ты похожа на золотую богиню, созданную для поклонения и обожания, – проговорил он благоговейным шепотом. – Я никогда не устану любоваться тобой, Зенобия.

А она стояла перед мужем, обнаженная, уже безо всякого стеснения. Не смутилась она и тогда, когда муж опустил перед ней на колени, прижавшись губами к ее животу. Испытывая

страстное томление, Зенобия глухо застонала, и ее колени подогнулись. И в тот же миг Оденат выпрямился и рухнул на кровать, увлекая за собой жену. На долгую минуту их губы слились в неистовом поцелуе. Затем Зенобия отстранилась и, усевшись на мужа верхом, начала описывать пальцем круги вокруг его соска. Оденат же смотрел на нее, чуть прикрыв глаза, и на лице его играла блаженная улыбка. За каких-то два месяца совершенно неопытная девственница, на которой он женился, превратилась в необычайно чувственную женщину. И она оказалась восхитительно страстной и очень изобретательной. В каком-то смысле ей повезло; ведь ее мать умерла, так и не успев сообщить дочери о некоторых запретах в интимной жизни супругов, а племя бедави, следуя заветам предков, строго придерживалось этих запретов.

В какой-то момент Оденат резко приподнялся и сел. Подтянув Зенобию к себе, насадил ее на свое подрагивавшее от возбуждения копье. Затем, протянув руку, приподнял грудь жены, прильнул к ней губами, а другой рукой поглаживал ее ягодицы. Зенобия снова застонала, требуя чудесных движений, которые в конце концов всегда приносили ей облегчение. Однако муж продолжал сладостную пытку; более того, прильнул губами к ее губам, а затем впился в них страстным поцелуем. Минуту спустя, чувствуя, что уже не в силах терпеть, Зенобия оторвалась от его губ и взмолилась:

– О, мой Ястреб, быстрее!..

И в тот же миг принц опрокинул ее на спину, и она оказалась под ним. Он начал двигаться, вонзаясь в нее все глубже. И вот уже Зенобия, с неистовым криком обхватив мужа руками и ногами, словно растворилась в бурном потоке всепоглощающей страсти. Все закончилось слишком быстро, и какое-то время супруги в изнеможении лежали среди сбившихся простыней. Наконец, немного отдышавшись, Оденат прошептал:

– Клянусь богами, Венера благословила нас обоих, мой цветочек. О такой женщине, как ты, может мечтать любой мужчина...

– А о таком мужчине, как ты, может мечтать любая женщина, мой Ястреб! – восторженно отозвалась Зенобия.

Эти же слова в ту же самую ночь сказала Марку Александру красавица куртизанка с пальмирской улицы проституток – великолепная блондинка с янтарными глазами и превосходной фигурой.

Молодой римлянин внимательно посмотрел на нее и спросил:

– Ты хочешь сказать, Садира, что ни один мужчина не удовлетворял тебя так, как я? – В его голубых глазах было недоверие, а голос звучал насмешливо.

– Почему тебе так трудно поверить в это, Марк? – проговорила она. – Поверь, я сказала сущую правду.

– Вообще-то я пришел заниматься любовью, а не болтать попусту.

Он потянулся к женщине, но та увернулась.

– Сегодня ты хочешь шлюху, Марк Александр, а я не шлюха, а куртизанка. Да-да, я нечто большее, чем пара раздвинутых ног и готовое лоно. Однако же... Я вижу, что не подхожу для твоего сегодняшнего настроения.

– Прости, Садира, – простонал Марк. – Сегодня у меня и впрямь отвратительное настроение, и я никак не могу от него избавиться.

– Я готова выслушать тебя, Марк, если захочешь поговорить. Где ты был перед тем, как пришел ко мне?

– На обеде во дворце.

– О боги!.. Что ж, тогда неудивительно, что у тебя скверное настроение. Любог расклеится, если высадит там целый парадный обед. Эта старая сука Аль-Зена тоже присутствовала? Как она, должно быть, злилась, когда принц женился на прелестной малышке бедави. Наша новая принцесса ходит с гордо поднятой головой, и я даже начинаю верить, что мамаша принца

не сумеет командовать Зенобией Пальмирской. – Садира улыбнулась. – А эти двое по-настоящему влюблены друг в друга и даже не пытаются скрывать свою страсть. А ты, Марк... – Куртизанка помолчала. – Иди же ко мне, мой большой и страстный римлянин. Позволь Садире забрать твое дурное настроение. – С этими словами она привлекла его к себе.

Куртизанка ласкала и целовала Марка, а он тем временем думал о Зенобии и ее муже, чья взаимная страсть ни для кого не являлась тайной.

Никто в Пальмире особенно не удивился, когда красавица принцесса начала раздаваться в талии. А затем последовало и официальное заявление: ожидалось появление на свет наследника трона пустыни. И действительно, ровно через год и один день после свадьбы родителей у принцессы Пальмиры родился сын, названный Вабаллатом. Спустя пятнадцать месяцев на свет появился его брат, Деметрий.

Правительство Рима пало из-за продолжавшихся несколько лет внутренних дрязг, и не осталось ни одной настоящей императорской фамилии. При поддержке той или иной армейской клики один солдат-император сменял другого только для того, чтобы снова пасть, когда появлялся очередной претендент на власть.

Но сейчас у власти находился император Валериан. Вступив со своими войсками в Рим, он захватил власть, и наконец-то впервые за много лет в империи наступило относительное спокойствие. Причем своего сына император назначил соправителем (двадцатиоднолетний Галлиен уже был нестигаемым, закаленным в боях полководцем) и заявил: пусть ему, Валериану, уже за пятьдесят, он по-прежнему полон сил, а если его, как некоторых его предшественников, убьют, то Галлиен не только отомстит за него, но и займет его место.

А затем император занялся поисками надежных союзников и вскоре обнаружил, что в городе Пальмира царствовал молодой принц Оденат, о котором очень хорошо отзывался римский губернатор Антоний Порций Бланд. Принцу доверили командование пальмирским легионом, и он действовал вполне успешно, не подпуская к городским стенам персов. К тому же у него имелись жена и двое маленьких сыновей – возможные заложники на тот случай, если он вдруг окажется несговорчивым.

Губернатор Пальмиры как раз подал прошение об отставке; поскольку он отслужил там целых пятнадцать лет, отказать ему в этой просьбе не представлялось возможным. Губернатор предложил не посылать в Пальмиру нового римлянина, а сделать Одената царем-вассалом, назначенным империей. Его преданность не вызвала ни малейших сомнений, и Валериану показалось, что это идеальное решение проблемы. Да и как он сможет разбираться с делами тут, в Риме, если придется беспокоиться еще и о восточных провинциях? В конце концов император издал приказ: Оденат Септимий становится царем Пальмиры.

Город от такой новости словно обезумел: празднования длились девять дней, – а Аль-Зена во дворце сияла от счастья.

– Теперь я царица Пальмиры... Царица!

– Это Зенобия стала царицей, – возражала Делиция. – Ты ведь не жена Оденату, а мать.

– Если девчонка стала царицей, почему я не могу? Разве она достойна такого? Нет, это я достойна! Разве я не служила городу все эти годы?

Делиция громко расхохоталась.

– Ты, Аль-Зена?... Ты служила Пальмире? Почти тридцать лет ты только тем и занималась, что роптала и сетовала, недовольная Пальмирой. Народ тебя ненавидит! Твое имя стало ругательством! Единственное, что ты сделала для Пальмиры, – родила ей хорошего царя. За три года, прошедших после женитьбы Одената на Зенобии, она произвела на свет двоих здоровых сыновей для династии, и все это время неустанно трудится на благо города. Все ее любят!

– В том числе и тот римлянин, Марк Александр Британий? – хитровато прищурившись, спросила Аль-Зена. – Почему он все время здесь, наедине с ней?

– Клянусь богами, ты порочная женщина! – воскликнула Делиция. – Ты прекрасно знаешь, что римлянин приходит всего лишь дважды в неделю и что Зенобия никогда не остается с ним наедине. Он учит ее, рассказывает про земли за пределами Пальмиры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.